

ISSN 1993-1824

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

1/2023

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 16, № 1

Январь – март 2023

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеенко А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редакторы — О. С. Булдакова, А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции (издателя): 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhktml@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

16 +

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2023

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 16, No. 1

January – March 2023

PROCEEDINGS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriulik V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editors — O. S. Buldakova, A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

16 +

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Акимов А. М., Силин А. Н., Конев Ю. М. Стресс в семье у мужчин, занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе	9
Барахоева Р. Б. Изменение контекста самосохранительного поведения (на примере периода пандемии коронавирусной инфекции)	20
Богдан И. В., Кацаурова С. Ю., Чистякова Д. П. Социологическое исследование содержательных аспектов образа медицинской сестры	41
Ильиных С. А. Управленческая культура автомобильного центра: социологический анализ	54
Лихтенштейн Б. М., Данилов О. Ф., Костырева Д. А. Система социальных взаимодействий при формировании платформенных решений в процессе реализации программ развития «Умный город»	66
Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Политическое сознание и поведение современной молодежи	80
Ульмясбаева А. О., Забнева Э. И. Новый взгляд на образовательную миграционную подвижность молодежи в регионах	95
Хайруллина Н. Г., Гуденкова О. И., Ребышева Л. В. Традиции и новации в культуре современных цыган: региональный подход	108
Шестаков С. А. Базовая роль консервативной идеологии в процессе оформления стратегии национальной безопасности современной России	121

CONTENTS

Akimov A. M., Silin A. N., Konev Yu. M. Domestic stress among men engaged in rotation work in the Arctic region	9
Barahoeva R. B. Changing self-preservation behavior (a case study of the period of the COVID-19 pandemic)	20
Bogdan I. V., Katsaurova S. Yu., Chistyakova D. P. A sociological study of the nurse's image content aspects	41
Ilynykh S. A. Management culture of the automobile center: a sociological analysis	54
Likhtenshtein B. M., Danilov O. F., Kostyreva D. A. The system of social interactions in the formation of platform solutions in the process of implementing the "Smart City" project	66
Rozhkova L. V., Dubina A. Sh. Political consciousness and behavior of modern youth	80
Ulmyasbaeva A. O., Zabneva E. I. A new view on educational migration mobility of youth in the regions	95
Khairullina N. G., Gudenkova O. I., Rebysheva L. V. Traditions and innovations in the culture of modern Romani people: a regional approach	108
Shestakov S. A. The basic role of conservative ideology in the national security strategy of modern Russia design process	121

УДК 614.6

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-9-19

Стресс в семье у мужчин, занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе

Александр Михайлович Акимов¹, Анатолий Николаевич Силин^{2,3},
Юрий Михайлович Конев²

¹Тюменский кардиологический научный центр, филиал Томского национального исследовательского медицинского центра РАН, Тюмень, Россия

²Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

³ЗСФ ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия

Аннотация. Авторы представляют некоторые результаты медико-социологических исследований, направленных на здоровьесбережение работников, занятых вахтовой формой труда в арктических регионах. Без учета факторов хронического социального стресса, одним из которых является стресс в семье, реализация социального регулирования жизнедеятельности среди мужчин, занятых вахтовой формой труда, не представляется возможной, что определяет актуальность данной работы как научной основы для формирования эффективных социально-управленческих механизмов в условиях Арктического региона. Цель исследования — сравнительная характеристика некоторых параметров стресса в семье среди мужчин экономически активного возраста г. Тюмени и занятых вахтовой формой труда в Арктике. Исследование проводилось на двух репрезентативных выборках: среди мужчин 25–54 лет г. Тюмени и занятых вахтовым трудом в Арктическом регионе. Изучение стресса в семье проводилось с использованием анкеты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в авторской интерпретации. Среди мужчин экономически активного возраста, работающих вахтовым методом в газодобывающем комплексе Арктического региона более пяти лет, относительно мужчин г. Тюмени в том же возрастном диапазоне (25–54 лет) установлены более выраженные проявления стресса в семье, характеризующие рост изменений семейного положения и конфликтов в семье.

Ключевые слова: Арктика, вахтовый метод, мужчины, стресс в семье

Для цитирования: Акимов, А. М. Стресс в семье у мужчин, занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе / А. М. Акимов, А. Н. Силин, Ю. М. Конев. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-9-19 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 9–19.

Domestic stress among men engaged in rotation work in the Arctic region

Alexander M. Akimov¹, Anatoly N. Silin^{2,3}, Yury M. Konev²

¹Tyumen Cardiology Research Center, a branch of Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

²Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

³West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Abstract. The authors present the results of the sociological research, which has been conducted by them and which was aimed at health protection of men engaged in rotation work in the Arctic regions. Social regulation of the life of such workers is impossible without taking into account the factors of chronic social stress, one of which is domestic stress. That's why this work is relevant as a scientific basis for the formation of effective social and administrative mechanisms in the Arctic region. The aim of the study was a comparative characteristic of some parameters of domestic stress among men in Tyumen, who are economically active (25-54 years old),

and men engaged in rotation work in the Arctic region. The authors have used the questionnaire of the World Health Organization in the own version to study domestic stress. The results of the study showed that more pronounced manifestations of domestic stress were found among men of economically active age (25-54 years old), who have been working on a rotational basis in the gas production complex of the Arctic region for more than five years, in comparison with men in Tyumen in the same age range. These manifestations are an increase in changes in marital status and conflicts in the family.

Keywords: the Arctic, rotation work, men, domestic stress

For citation: Akimov, A. M., Silin, A. N., & Konev, Yu. M. (2023). Domestic stress among men engaged in rotation work in the Arctic region. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 9-19. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-9-19

Введение

Авторы в данной статье продолжают изучать медико-социальные аспекты вахтового труда [1–3]. Здоровье мужчин, работающих в Арктике вахтовым методом, определяется многими факторами: природными условиями этого региона (суровость климата включает не только экстремальный температурный, но и аэродинамический режим, электромагнитные факторы, фотопериодичность и др.); постоянной ритмической адаптацией — ре-адаптацией, оказывающей деструктивное воздействие на адаптивные механизмы; стрессогенными факторами авиационных перелетов, длительного нахождения вне привычных условий жизни в специфических вахтовых коллективах с невозможностью побыть в одиночестве и снять накопившееся психоэмоциональное напряжение и др. [4–6].

Немалую роль играют и семейные отношения, ставшие предметом авторского исследования. По нашему мнению, без учета всех факторов хронического социального стресса, одним из которых является стресс в семье, реализация социального регулирования среди мужчин, занятых вахтовой формой труда, не представляется возможной, что определяет актуальность данной работы как научной основы для формирования эффективных социально ориентированных профилактических программ и механизмов управления мобильным трудом в условиях Арктического региона [7].

Одним из авторов длительное время изучается в социологическом измерении социальная ситуация в семьях вахтовиков, работающих на севере. Были проведены по репрезентативным выборкам опросы вторых членов семей работников Карской нефтегазоразведочной экспедиции [5], ООО «Газпром добыча Ямбург» [8], ОАО «Варьеган-нефть» [9], жителей юга Тюменской области, работающих в ЯНАО [3].

При этом оценки влияния вахты на семейный климат и здоровье мужчины-вахтовика оказались далеко не однозначны. Чуть больше половины (55,1 %) респондентов считает, что мобильный образ жизни мужа позитивно влияет на ситуацию в семье, присоединяясь к мнению Мишеля Монтеня, высказанному им в своих «Опытах», о том, что перерывы в семейном общении делают его более «сладостным» [9].

Между тем 42 % опрошенных жен считают, что вахта негативно влияет на интимную жизнь семьи и здоровье мужа. По их оценкам, после длительного пребывания на вахте и в дороге его нередко постигает неудача в этой сфере, и он пытается снять стресс с помощью алкоголя, что, естественно, еще более ухудшает ситуацию.

Литературный обзор

В литературе приводятся данные по изучению комплексного воздействия на организм человека физиологических аспектов трудовой деятельности, социальных аспектов с изменением микроклиматических условий среды обитания человека, длительности экспедиции, режима труда и отдыха с длительностью общего цикла работы. Именно сочтенное действие экстремальных климатических, космогеофизических, производственных, социально-бытовых факторов высоких широт приводит к хроническому северному стрессу, способствующему появлению и усугубляющему прогрессирование сердечно-сосудистых заболеваний, приводящих к инвалидизации и значительному сокращению продолжительности жизни [10; 11]. По данным ряда исследований программы по освоению Севера постоянно проживающим населением в Заполярье являются сомнительными с позиции здоровьесбережения и социально-экономической эффективности обеспечения трудовыми ресурсами из-за природных и антропогенных факторов, которые негативно влияют на здоровье человека и тем самым затрудняют и ухудшают его социальную и трудовую деятельность [12; 13]. Вахтовая форма труда, кроме априори имеющихся непростых природно-климатических условий, в которых вынуждены работать нефтяники и газовики, характеризуется мобильным режимом и отдаленностью рабочих мест от базовых предприятий, постоянными маятникообразными переездами работающих на значительные расстояния из места стационарного проживания к рабочему и обратно. Вахтовый метод организации труда предполагает рост интенсивности труда в период вахты, более продолжительную рабочую смену, уменьшение межсменного отдыха при отсутствии выходных дней и минимальном социальном и бытовом обеспечении и, соответственно, выраженное воздействие факторов хронического социального стресса [14; 15]. В связи с этим изучение факторов хронического социального стресса у вахтовиков, в частности стресса на работе и в семье, приобретает особое значение. Предусмотренные самой вахтовой формой труда длительность и регулярность негативного воздействия на человека, нарастающая с увеличением стажа работы опасность влияния тяжелых и вредных факторов производства, накопление патологии ставят факторы вахтового метода работы в класс хронических профессиональных стрессов с экстремальным характером воздействия [16; 17]. Кроме того, семейное положение рабочих побуждает их ориентироваться на более напряженный трудовой режим с целью удлинения периодического отдыха, проводимого в кругу семьи [5; 18].

Анализ физиологических показателей, приуроченных к конкретным циклам производственной деятельности, дал возможность выделить критические периоды в процессе адаптации вахтовиков к челночным меридиональным перемещениям и объективно оценить степень напряжения организма при вахтовой форме труда. Хронофизиологическая перестройка организма при меридиональных перемещениях определяется спецификой пространственно-временной структуры новых природно-климатических и социальных условий, которые вызывают различную степень отклонения регулируемых параметров, а также избирательное вовлечение элементов различного уровня для взаимодействия в достижении приспособительного результата при изменившейся среде обитания [19]. Работа в таком режиме приводит к постоянному напряжению и перестройке всех

адаптационно-регуляторных систем организма, требуя разработки социально ориентированных профилактических проектов для работников, занятых вахтовой формой труда [5].

Материалы и методы

Исследование проводилось на материалах авторских опросов по двум выборкам, репрезентативным по возрасту и семейному положению, в рамках скринирующих обследований. Респондентами являлись мужчины в возрастной группе 25–54 лет.

Первая выборка, которая интерпретировалась как группа сравнения, формировалась из избирательных списков граждан мужского пола в одной из наиболее типичных административных единиц среднеурбанизированного города Западной Сибири (г. Тюмень) на территории Центрального административного округа. Для формирования выборки применялась общепринятая методика «случайных чисел», реализованная в компьютерном варианте, с последовательным отбором возрастных групп по 250 лиц в трех десятилетиях жизни: третьем (25–34 лет), четвертом (35–44 лет) и пятом (45–54 лет). Вторая выборка была сформирована на предприятии АО «ЕВРАКОР» (Строительно-монтажного треста № 2 «Западный») среди мужчин 25–54 лет, занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе (г. Новый Уренгой), также с последовательным отбором возрастных групп методом «случайных чисел» по 250 лиц в трех десятилетиях жизни. В итоге в окончательный состав выборок вошло по 750 мужчин в возрасте 25–54 лет. Отклик на первое скринирующее обследование составил 84,8 % (635 человек), второе скринирующее обследование представлено в «пилотном» варианте — в аналитический массив включены 132 лица, работающих вахтовым методом более пяти лет.

Изучение стресса в семье проводилось путем самозаполнения анкеты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в авторском варианте и осуществлялось посредством анализа преимущественно положительных утверждений из перечня фиксированных ответов адаптированной авторами стандартной анкеты ВОЗ «МОНИКА-психосоциальная» «Знание и отношение к своему здоровью». Анкета предполагала выбор респондентом одного из четырех вариантов ответа.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с использованием программного обеспечения STATISTICA версии 8.0.360.0 StatSoft, Inc. Результаты были представлены как доля (в процентах) для качественных (категориальных) данных. При оценке достоверности различий между выборочными долями совокупности в двух группах применялся критерий «хи-квадрат» (χ^2) Пирсона. Для стандартизации показателей по возрасту использовалась структура городского населения России от третьего до шестого десятилетий жизни в возрастном диапазоне 25–54 лет в соответствии с данными Росстата, согласно последней переписи населения. Во всех процедурах статистического анализа рассчитывался достигнутый уровень значимости (p), а критический уровень значимости в исследовании принимался равным 0,05.

Результаты

При сравнении репрезентативной выборки мужчин 25–54 лет г. Тюмени и работников газодобывающего комплекса Арктического региона той же возрастной категории, заня-

тых вахтовой формой труда, в вопросе касаясь прецедента тяжелой болезни или смерти близких в течение последних двенадцати месяцев по стандартизованным по возрасту показателям статистически значимых различий не было выявлено (таблица).

Стресс в семье у мужчин г. Тюмени и занятых вахтовой формой труда в Арктическом регионе

Вопрос / отношение	Стаж работы вахтовым методом						
	Группа сравнения			Стаж > 5 лет		СП	p
	абс. n = 635	%	СП	абс. n = 132	%		
1. Тяжело болел или умер кто-нибудь из Ваших близких в течение 12 месяцев?							
Да	148	23,3	24,9	32	24,2	25,1	0,8175
Нет	487	76,7	79,1	100	75,8	78,3	0,8175
2. Изменилось ли Ваше семейное положение за последние 12 месяцев (женился, развелся, оставил семью, овдовел, родился ребенок, другое)?							
Нет изменений	519	81,7	84,6	85	64,4	67,1	0,0000 < 0,001
Одно изменение	78	12,3	13,9	29	22,0	23,9	0,0035 < 0,01
Несколько	38	6,0	7,2	18	13,6	14,5	0,0021 < 0,01
3. Были ли у Вас в семье серьезные конфликты в течение последних 12 месяцев?							
Не было	433	68,2	70,4	66	50,0	52,3	0,0001 < 0,001
Был один	59	9,3	10,2	20	15,2	17,1	0,0439 < 0,05
Несколько	123	19,4	22,0	44	33,3	35,6	0,0004 < 0,001
Бывает часто	20	3,1	3,7	2	1,5	1,8	0,3060
4. Мешает ли Вам что-нибудь спокойно отдохнуть дома?							
Нет	492	77,6	79,9	116	87,9	90,1	0,0073 < 0,01
Да	142	22,4	24,3	16	12,1	13,8	0,0073 < 0,01

Примечание: СП — стандартизованный по возрасту показатель.

Среди тюменских мужчин (в группе сравнения) стандартизованный по возрасту показатель по параметру одного изменения в семейном положении в течение последнего года был существенно ниже относительно этого параметра в группе лиц, работающих вахтовым методом в Арктическом регионе (12,3–22,0 %, p = 0,0035). Кроме того, мужчины тюменской популяции отвечали на вопрос о нескольких изменениях в семейном положении за последние 12 месяцев также существенно реже, чем вахтовики (6,0–13,6 %, p = 0,0021). Между обследованными группами мужчин экономически активного возраста г. Тюмени и работников газодобывающего комплекса статистически значимые различия определялись и по параметру отсутствия изменений в семейном положении за последний годовой период (81,7–64,4 %, p < 0,0001).

У мужчин, занятых вахтовой формой труда, значительно чаще относительно той же возрастной группы мужчин г. Тюмени отмечались серьезные конфликты в семье, один или несколько (9,3–15,2 %, p = 0,0439; 19,4–33,3 %, p = 0,0004). При этом ответ

«не было серьезных конфликтов в семье» среди работников газодобывающего комплекса использовался существенно реже (68,2–50,0 %, $p = 0,0001$).

Статистически значимые различия между обследуемыми группами были установлены по параметру возможностей домашнего отдыха. На вопрос: «Мешает ли что-нибудь спокойно отдохнуть дома» тюменские мужчины относительно группы работников, занятых вахтовой формой труда, существенно чаще отвечали положительно (22,4–12,1 %, $p = 0,0073$).

Обсуждение

Анализ результатов отечественных и зарубежных исследований показал востребованность изучения факторов хронического социального стресса, в частности стресса в семье, среди мужчин молодого возраста, поскольку категория экономически активного возраста является приоритетной в среднесрочной оценке трудовых ресурсов в стране и регионе [14]. Согласно доказанной концепции, психосоциальные факторы являются ведущими в иерархии факторов риска развития неинфекционных заболеваний, что предопределяет необходимость своевременной коррекции общественного здоровья среди лиц экономически активного возраста с позиции превентивного влияния на факторы хронического социального стресса (стресса в семье и на работе) как одну из приоритетных составляющих психосоциальных факторов риска [2; 7].

Широко известно, что люди легче переносят стрессовые события, если у них есть социальная поддержка, которая создает ощущение защиты, признания, одобрения. В популяциях, где происходят быстрые социальные и культурные изменения, социальная поддержка имеет тенденцию к уменьшению или ослаблению [12]. Положительное влияние брака на уменьшение смертности связывают с социальной поддержкой. По мнению зарубежных авторов, женатые мужчины менее подвержены стрессовым ситуациям и ведут более здоровый образ жизни в отличие от одиноких мужчин [17]. Брак также выступает в роли буфера, смягчающего воздействие острого и хронического стресса. Среди одиноких мужчин повышенная смертность может объясняться как совокупностью с другими факторами риска (например, с нарушением пищевого поведения), так и внутренними личностными проблемами. В то же время в большинстве исследований влияние стресса в семье на здоровье супругов сфокусировано на ощущениях счастья и удовлетворенности семейной жизнью.

Вместе с тем факторы хронического социального стресса в условиях работы вахтой на газодобывающем комплексе Арктического региона необходимо рассматривать в контексте со стажем работы вахтовым методом, увеличение которого, согласно фундаментальным исследованиям отечественных ученых, крайне неблагоприятно характеризует ситуацию, сложившуюся в этой группе работников, прежде всего в отношении риска развития сердечно-сосудистых заболеваний в молодом возрасте [11; 15]. Так, результаты данного исследования показали, что у мужчин, занятых вахтовой формой труда в условиях Арктики более пяти лет, чаще, чем в той же возрастной категории мужчин 25–54 лет, происходили изменения в семейном положении. Кроме того, один или несколько конфликтов в семье за предшествующие двенадцать месяцев также су-

щественно чаще имели место среди лиц, работающих вахтовым методом достаточно длительное время, относительно группы тюменских мужчин, ведущих более размеренный образ жизни. Образ жизни и культурные традиции влияют и на распространенность тех или иных вредных привычек. Большая доля участников серьезных конфликтов в семье среди мужчин, работающих в режиме вахты, вероятно, является обоснованной с точки зрения высокой распространенности поведенческих факторов риска, в частности злоупотребления алкоголем и табакокурением, которые в соответствии с более ранним нашим исследованием существенно возростали с увеличением стажа работы вахтовым методом [15].

Социальные аспекты личностных отношений в семье ориентируют на сокращение срока вахты или увеличение периодического отдыха. Семейное положение рабочих побуждает их ориентироваться на более напряженный трудовой режим с целью удлинения периодического отдыха, проводимого в кругу семьи, что само по себе создает порочный круг и усугубляет воздействие факторов хронического социального стресса [1].

Сложившаяся ситуация требует немедленного принятия законодательных и социально-экономических решений, обеспечивающих необходимый для сохранения качества социального, духовного и физического здоровья работников, занятых вахтовой формой труда в условиях Арктики, уровень функционирования систем жизнеобеспечения, в том числе увеличение финансовой и социальной компенсации людям за проживание и работу в дискомфортных и экстремальных экологических условиях. Следовательно, вопросы разработки и внедрения специфических для населения северных регионов программ профилактики становятся все более актуальными. Причем, учитывая все этапы формирования этих программ, необходимо отметить, что они не только должны выходить за пределы просто профилактики, но и переходить на качественно новый уровень, сравнимый с системой жизнеобеспечения населения Арктического региона, обеспечивающей новый уровень качества жизни работников газодобывающего комплекса, работающих вахтой.

Выводы

Среди мужчин экономически активного возраста, работающих вахтовым методом на газодобывающем комплексе Арктического региона более пяти лет, относительно мужчин г. Тюмени в том же возрастном диапазоне установлены более выраженные проявления стресса в семье, обусловленные их мобильным мультилокальным образом жизни.

Стаж работы более пяти лет среди лиц, занятых вахтовой формой труда в условиях Арктического региона, определил популяционные закономерности, связанные с увеличением стресса в семье по параметрам динамики семейного положения и роста конфликтов в семье.

Список источников

- [1] Силин, А. Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири / А. Н. Силин. – DOI 10.15838/esc/2015.4.40.7. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 4 (40). – С. 109–123.
- [2] Силин, А. Н. Отношение к своему здоровью и характер труда среди мужчин города Тюмени / А. Н. Силин, А. М. Акимов. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2014. – № 4. – С. 86–88.
- [3] Силин, А. Н. Вахтовый труд как социальный феномен : место в пространственном развитии регионов и проблемы нормативно-правового регулирования / А. Н. Силин, В. А. Юдашкин. – DOI 10.21684/2411-7897-2020-6-4-95-109. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Т. 6, № 4 (24). – С. 95–109.
- [4] Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России / М. Л. Белоножко, А. Н. Силин, О. М. Барбаков, А. С. Гюрджинян. – DOI 10.7868/S0132162518040128. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 112–117.
- [5] Силин, А. Н. Обоснование режимов труда и отдыха при вахтовом освоении Севера / А. Н. Силин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы физиологических и структурно функциональных основ жизнедеятельности : научные труды. – Новосибирск : Академия медицинских наук СССР, Сибирское отделение, 1987. – С. 173.
- [6] Силин, А. Н. Общественное здоровье на Крайнем Севере / А. Н. Силин. – Текст : непосредственный // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации : Научно-информационный бюллетень. – Вып. 12. – Москва : Совет Федерации, 2010. – С. 15–18.
- [7] Стресс в семье у лиц молодого возраста в гендерном аспекте / А. М. Акимов, Е. И. Гакова, М. М. Каюмова [и др.]. – DOI 10.29296/25877305-2019-12-16. – Текст : непосредственный // Врач. – 2019. – № 12 (30). – С. 60–62.
- [8] Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера : монография / О. П. Андреев, А. К. Арабский, В. С. Крамар, А. Н. Силин. – Москва : Недра-Бизнесцентр, 2009. – 175 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Монтень, М. Опыты. В трех книгах. Книга третья / М. Монтень – 2-е изд. – Москва : Наука, 1981. – 434 с. – Перевод изд.: *Essais de Montaigne / Michel de Montaigne*. Paris, 1801. – Текст : непосредственный.
- [10] Адаптация человека к условиям Арктического Заполярья / Н. А. Агаджанян, В. Л. Хрущев, Г. М. Куцов [и др.] ; под редакцией Н. А. Агаджаняна. – Москва : Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 1994. – 154 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Кривошеков, С. Г. Производственная миграция и здоровье человека на Севере / С. Г. Кривошеков, С. В. Охотников. – Новосибирск : СО РАМН, 2000. – 118 с. – Текст : непосредственный.

- [12] Акимов, А. М. Стресс в семье и социальная поддержка в открытой мужской популяции / А. М. Акимов. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6. – С. 103–105.
- [13] Эйльмштейнер-Саксингер, Г. Множественные локальности и социальные пространства межрегиональных вахтовиков : Дом-Дорога-Вахта / Г. Эйльмштейнер-Саксингер. – Текст : непосредственный // Крайний север : особенности труда и социализации человека – Биография, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе : Материалы научно-практической конференции, Новый Уренгой, 4–6 декабря 2008 г. / Под редакцией Ф. Штаммлер, Г. Эйльмштейнер-Саксингер. – Новый Уренгой, 2008. – С. 116–119.
- [14] Chronic stress : a critical risk factor for atherosclerosis / B.-Ch. Yao, L.-B. Meng, M.-L. Hao [et al.]. – DOI 10.1177/0300060519826820. – Direct text // Journal of International Medical Research. – 2019. – Vol. 47, Issue 4. – P. 1429–1440.
- [15] Гафаров, В. В. Динамика распространенности основных факторов риска ИБС у мужчин, занятых вахтовой формой труда на нефтедобывающем комплексе Западной Сибири / В. В. Гафаров, Е. В. Акимова. – Текст : непосредственный // Терапевтический архив. – 1995. – Т. 67, № 1. – С. 22–25.
- [16] Стресс в семье в открытой городской популяции, гендерные различия / А. М. Акимов, М. М. Каюмова, М. Ю. Акимов, В. А. Кузнецов. – DOI 10.15372/SSMJ20180417. – Текст : непосредственный // Сибирский научный медицинский журнал. – 2018. – Т. 38, № 4. – С. 127–129.
- [17] Effect of Stress, Depression and Type D Personality on Immune System in the Incidence of Coronary Artery Disease / S. Masafi, S. H. Saadat, K. Tehranchi [et al.]. – DOI 10.3889/oamjms.2018.217. – Direct text // Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences. – 2018. – Vol. 6, Issue 8. – P. 1533–1544.
- [18] Хаснулин, В. И. Введение в полярную медицину / В. И. Хаснулин ; Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» и др. – Новосибирск : СО РАМН, 1998. – 336 с. – Текст : непосредственный.
- [19] Колпаков, В. В. Системный анализ хронофизиологической перестройки организма при вахтово-экспедиционной форме труда / В. В. Колпаков. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы физиологических и структурно-функциональных основ жизнедеятельности : научные труды. – Новосибирск, 1987. – С. 91.

References

- [1] Silin, A. N. (2015). Sociological aspects of rotational employment in the northern territories of Western Siberia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, (4), pp. 109-123. (In Russian).
- [2] Silin, A. N., & Akimov, A. M. (2014). Attitude to own health and labor character among the male population of the city of Tyumen. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 86-88. (In Russian).

- [3] Silin, A. N., & Yudashkin, V. A. (2020). Shift labor as a social phenomenon: its place in regions' spatial development and the problems of the legal regulation. Tyumen State University. Herald. Social, Economic, and Law Research, 6(4(24)), pp. 95-109. (In Russian). DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-95-109
- [4] Belonozhko, M. L., Silin, A. N., Barbakov, O. M., & Gyurdzhinyan, A. S. (2018). Social issues in Russia's arctic zone: population self-assessment. Sociological Studies, (4), pp. 112-117. (In Russian).
- [5] Silin, A. N. (1987). Obosnovanie rezhimov truda i otdykha pri vakhtovom osvoenii Severa. Aktual'nye problemy fizio-logicheskikh i strukturno funktsional'nykh osnov zhiznedeyatel'nosti: nauchnye trudy. Novosibirsk, SO AMN Publ., p. 173. (In Russian).
- [6] Silin, A. N. (2010). Obshchestvennoe zdorov'e na Kraynem Severe. Problemy Severa i Arktiki Rossiyskoy Federatsii: Nauchno-informatsionnyy byulleten', Vypusk 12. Moscow, Sovet Federatsii Publ., pp. 15-18. (In Russian).
- [7] Akimov, A. M., Gakova, E., Kayumova, M., Silin, A., & Gafarov, V. Stress in the family of young people in the gender aspect. Vrach, 12(30), pp. 60-62. (In Russian). DOI: 10.29296/25877305-2019-12-16
- [8] Andreev, O. P., Arabsky, A. K., Kramar, V. S., & Silin, A. N. (2009). The system of management of the rotational method of work of an enterprise in the conditions of the Far North. Moscow, Nedra-Businesscenter Publ., 175 p. (In Russian).
- [9] Montaigne, M. (1801). Essais de Montaigne. Paris, 732 p. (In French).
- [10] Agadzhanian, N. A., Hrushchev, V. L., Kucov, G. M., Sagitova, A. S., Senyakin, Yu. A., Purtova, L. P.,... Bahtin, O. M. (1994). Adaptaciya cheloveka k usloviyam Arkticheskogo Zapolyar'ya. Moscow, Izdatel'stvo Roscijskogo universiteta druzhby narodov Publ., 154 p. (In Russian).
- [11] Krivoshechekov, S. G. & Ohotnikov, S. V. (2000). Proizvodstvennaya migraciya i zdorov'e cheloveka na Severe. Novosibirsk, SO RAMN Publ., 118 p. (In Russian).
- [12] Akimov, A. M. (2013). Stress in family and social support in men population. Historical and social educational idea, (6), pp. 103-105. (In Russian).
- [13] Eilmsteiner-Saxinger, G. (2008). Multiple Locality and Socially Constructed Spaces among Interregional. Vakhtoviki: Home - Journey - On duty. Biography, Shift-labour and Socialisation in a Northern Industrial City - The Far North: Particularities of Labour and Human Socialisation Proceedings of the International Conference, Novy Urengoy, December, 4-6, 2008, pp. 119-125. (In Russian).
- [14] Yao, B.-Ch., Meng, L.-B., Hao, M.-L., Zhang, Y. M., Gong, T., & Guo, Z. G. (2019). Chronic stress: a critical risk factor for atherosclerosis. Journal of International Medical Research, 47(4), pp. 1429-1440. (In English). DOI: 10.1177/0300060519826820
- [15] Gafarov, V. V., & Akimova, E. V. (1995). Prevalence of major risk factors for coronary heart disease in men employed expeditionary form of shift work on oil production complex of Western Siberia. Terapevticheskii arkhiv, 67(1), pp. 22-25. (In Russian).
- [16] Akimov, A. M., Kayumova, M. M., Akimov, M. Yu., & Kuznetsov, V. A. (2018). Stress in the family in the open urban population, gender differences. The siberian scientific medical journal, 38(4), pp. 127-129. (In Russian). DOI: 10.15372/SSMJ20180417

- [17] Masafi, S., Saadat, S. H., Tehranchi, K., Olya, R., Heidari, M., Malihialzackerini, S.,... Rajabi, E. (2018). Effect of Stress, Depression and Type D Personality on Immune System in the Incidence of Coronary Artery Disease. *Open Access Macedonian Journal of Medical Sciences*, 6(8), pp. 1533-1544. (In English). DOI: 10.3889/oamjms.2018.217
- [18] Khasnulin, V. I. (1998). *Vvedenie v polyarnuyu medicinu*. Novosibirsk, SO RAMN Publ., 336 p. (In Russian).
- [19] Kolpakov, V. V. (1987). *Sistemnyj analiz khronofiziologicheskoy perestrojki organizma pri vakhtovo-ekspeditsionnoj forme truda. Aktual'nye problemy fiziologicheskikh i strukturno-funktsional'nykh osnov zhiznedeyatel'nosti : nauchnye Trudy*. Novosibirsk, pp. 91. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 09.01.2023.

The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 09.01.2023.

УДК 316.628

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-20-40

Изменение контекста самосохранительного поведения (на примере периода пандемии коронавирусной инфекции)

Румина Беслановна Барахоева

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Социальное дистанцирование, общественная изоляция и самоизоляция, охватившие мир в 2020 году, оказали серьезное влияние на восприятие индивидом окружающей действительности. Изменились поведенческие структуры и индивидуальное поведение, особенно в отношении собственного здоровья. Исследования зарубежных авторов доказывают, что во многом физическое здоровье в период пандемии оказалось в зависимости от психологических факторов, изменения привычек людей. Для России период пандемии открыл совершенно новые проблемы, которым ранее не уделялось столь большого внимания. Многие из проблем оказались недостаточно или вовсе не изученными. Одной из таких проблем стало отсутствие готовности социальной системы к новым вызовам, в частности не были определены оптимальные элементы самосохранительного поведения российских граждан. Население России, столкнувшись с новой для себя проблемой, показало явную неготовность как к самому факту самоизоляции, так и к эффективному самосохранительному поведению. Пандемия, в свою очередь, оказала огромное влияние на обострение хронических заболеваний. Уровень ответственности за себя и собственное здоровье — ключевые показатели, интересующие исследователей проблемы самосохранительного поведения в период пандемии. Цель исследования — изучение теории вопроса об изменении аспектов самосохранительного поведения в сложные жизненные периоды индивида. Для достижения цели поставлены следующие задачи: изучить самосохранительное поведение как фактор выживания, рассмотреть самосохранительное поведение в социальном контексте, выделить ключевые особенности самосохранительного поведения в период пандемии коронавирусной инфекции. В качестве методов исследования использованы анализ научной литературы, вторичный анализ исследований. Результатами исследования стали обобщенные данные и представления о необходимости изучения социального управления самосохранительного поведения в период пандемии. Данные проведенного исследования могут быть применены при разработке программ социологических и психологических исследований, мониторингов для изучения особенностей самосохранительного поведения отдельных социально-демографических групп населения.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, социальное управление, поведение россиян, здоровьесберегающие технологии, самосохранение, самоизоляция

Для цитирования: Барахоева, Р. Б. Изменение контекста самосохранительного поведения (на примере периода пандемии коронавирусной инфекции) / Р. Б. Барахоева – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-20-40 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 20–40.

Changing self-preservation behavior (a case study of the period of the COVID-19 pandemic)

Rumina B. Barahoeva

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. Social distancing, social isolation and self-isolation, which swept the world in 2020, had a serious impact on the perception of the surrounding reality by an individual. Behavioral structures and individual behavior have changed, especially in relation to individual's own health. Studies by foreign authors prove that in many respects physical health during the pandemic turned out to depend on psychological factors, changes in people's habits. The pandemic period opened up completely new problems for Russian society that had not been given so much attention previously. Many of the problems turned out to be insufficiently or completely unexplored. One of such problems was the lack of readiness of the social system for new challenges; in particular, the optimal elements of self-preservation behavior of Russians were not determined. The population of Russia showed a clear unpreparedness both for the very fact of self-isolation and for effective self-preservation behavior. The COVID-19 pandemic had a huge impact on the exacerbation of chronic diseases, the constant postponement of their treatment. The level of responsibility for oneself and one's own health are key indicators that interest researchers in the problem of self-preservation behavior during the pandemic. The aim of the study was to analyze the theory of the question of changing aspects of self-preservation behavior in difficult life periods of an individual. To achieve the goal, the following tasks are set: to study self-preservation behavior as a survival factor, to consider self-preservation behavior in a social context, to highlight the key features of self-preservation behavior during the COVID-19 pandemic. An analysis of scientific literature and secondary analysis of research were used as the following research methods. The results of the study are generalized data and ideas about the need to study the social management of self-preservation behavior during the pandemic. These results can be applied in the development of programs of sociological and psychological research, monitoring to study the characteristics of self-preservation behavior of individual socio-demographic groups of the population.

Keywords: the COVID-19 pandemic, social management, behavior of Russians, health-saving technologies, self-preservation, self-isolation

For citation: Barahoeva, R. B. (2023). Changing self-preservation behavior (a case study of the period of the COVID-19 pandemic). Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 20-40. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-20-40

Введение

Большинство семей России так или иначе уже столкнулись с проблемой коронавирусной инфекции, ввиду чего многие из граждан изменили спектр и направления действий по самосохранению (прежде всего, здоровья). Самосохранение как категория прежде всего относится к психофизиологической области, но во многом затрагивает и социальную сферу жизни отдельного индивида. Во многом это обусловлено тем, как в целом в обществе относятся к пандемии, как ведут себя окружающие, какие меры предпринимают другие члены общества в этот новый непростой период для страны.

Многие (но не все) семьи стали осознаннее и с большей долей ответственности относиться не только к своему здоровью и состоянию, но и к здоровью членов своей семьи. Во многом на степень повышения уровня самосохранительного поведения оказал влияние уровень самоизоляции семьи и отдельных ее членов. Некоторые семьи столкнулись с проблемами ухудшения здоровья и даже смерти в результате заболевания коронавирусной инфекцией. Этот фактор оказался решающим в изменении общего здоровьесберегающего поведения человека. Стала очевидной и высокая роль государства, местных органов власти в решении вопросов оказания помощи в сложный период.

Согласно V. L. Champion, «в период пандемии не всякое изменение поведения является положительным и адекватным». Так, многие люди стремятся вылечиться от

болезни за счет приема лекарств и изменения образа жизни лишь на короткий период. Такое поведение автор называет нездоровым ролевым поведением [1]. В данном случае категорию «самосохранение» целесообразно относить к социальным явлениям.

Я. В. Шимановская считает, что «наиболее адекватным самосохранительным поведением должно являться профилактическое поведение здоровья, когда здоровый человек становится активным, чтобы его болезнь прошла бессимптомно или с минимальным ущербом для организма». В этом случае, в отличие от предыдущего, категория «самосохранение» будет относиться к психофизиологической сфере.

По мнению А. В. Осколкова, в области самосохранительного поведения российских граждан чаще остальных можно встретить такие модели, как «активное применение собственных ресурсов (исключение внешних контактов, добровольная самоизоляция), осваивание новых видов удаленного заработка (организация интернет-магазинов, онлайн-вебинаров), встречаются также негативные формы самосохранительного поведения (добровольный отказ от вакцинации, отказ носить маски в общественных местах, отказ обращения к врачу при признаках простудного заболевания)» [2]. В этом случае понятийный аппарат относится уже к поведенческой сфере.

Как справедливо отмечает L. G. Bonasini, «во всех странах первые блокировки были в значительной степени неожиданными для населения. Поэтому ограничения в повседневной жизни и поведении не могут одинаково хорошо переноситься всеми. Соответственно, медицинские работники и ВОЗ предположили, что программы консультирования, поддерживающие и помогающие людям в изменении поведения, должны стать частью инициатив по профилактике пандемии COVID-19» [3].

Следует учесть и мнение F. Milani, считающего, что «борьба с пандемией COVID-19 в настоящее время все еще требует изменения поведения у всех людей, включая повседневное поведение (работа, бизнес, семья и досуг), а также изменения в поведении здоровья и социальном поведении» [4]. Можно говорить о том, что до сих пор в каждой стране пандемические блокировки COVID-19 влияли на повседневное поведение, включая работу, бизнес, семью и досуг. Но вопросы самосохранительного поведения стали ключевыми, вышли во многих случаях на первое место.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении феномена самосохранительного поведения человека: обобщение научных данных по новой для человечества проблеме, так как была выявлена не слишком развитая способность преодоления угрозы мирового масштаба. Практическая значимость исследования определяется тем, что исследуемые уровни и специфика поведенческих особенностей в области сохранения собственного здоровья дают представление о проблемах личности в области самосохранения перед лицом масштабной угрозы, кроме того, позволяют наметить пути социального управления в государстве. Данные исследования могут быть применены и при разработке программ социологических и психологических исследований, мониторингов для изучения особенностей самосохранительного поведения как отдельных социально-демографических групп населения, на любом уровне управления, прежде всего муниципальном и региональном.

Литературный обзор

Понятие «самосохранительное поведение» имеет очевидную связь с начальным понятием «самосохранение», заложенным в человеческой природе. Понятие «самосохранение» рассматривается в разных науках: медицине, философии, социологии, педагогике, когнитивных и поведенческих науках. С позиции рассмотрения самосохранения как феномена в эволюционной психологии следует понимать его как «универсальную совокупность эволюционировавших психологических адаптаций к решению проблем к среде предков». Стоит также рассматривать и адаптацию эмоционального и когнитивного спектра современного человека, позволяющую ему переживать различного рода экологические и социальные проблемы, заставляя находить их решение. С позиции категориального аппарата понятие «самосохранительное поведение» нельзя отнести исключительно лишь к одной области, а следует рассматривать только в совокупности сфер жизнедеятельности человека.

По мнению W. Shao, самосохранение — типичная черта женского поведения. Основываясь на исторических предпосылках, исследователь опирается на выживательную позицию женщины в древнем мире через боль, страх, страдание, скитания. Именно боль является тем фактором, который стимулирует человека к защите, в том числе своего организма, как выполнение первичной функции [5]. Гендерный аспект самосохранения относится к эволюционным категориям и в целом может быть обозначен как элемент психического развития человека.

Самосохранение может быть объяснено и с позиции теорий мотивации поведения, например в теории А. Маслоу (пирамида потребностей) такой вид потребности будет находиться на второй ступени, относясь к группе базовых. Считается, что потребность в самозащите — базовая потребность, свойственная любым живым организмам. Здесь стоит обратить внимание на исследование В. R. Levy, согласно которому, если боль в организме не проходит определенное время, а тело уже «требует» исцеления, то это является болезненным триггером для возникновения расстройств уже другого порядка — душевного [6]. При этом характерно и возникновение страха, который одновременно вызывает и выброс адреналина. Такая буря эмоций и чувств может как стимулировать природные силы самозащиты, так и снижать их в зависимости от степени истощения организма болезнью. Случается и так, что болезни и вовсе нет, но боль возникает (мнительность как свойство характера) и буквально отравляет человеку его существование. Особенности искажения психики могут проявиться тогда, когда данное явление сопряжено с общественной, социальной напряженностью, что проявляется, например, в период пандемии. Между тем самосохранение — необходимая черта и свойство психики для ее защиты, однако при неблагоприятном стечении обстоятельств оно может быть повернуто прямо в противоположном действии.

Как считает R. F. Baumeister, самосохранение — процесс организма, предотвращающий причинение вреда или смерть, считается основным инстинктом в большинстве организмов. Большинство называют это «инстинктом выживания» [7]. Считается, что самосохранение связано с репродуктивной пригодностью организма и может более или менее присутствовать в соответствии с воспринимаемым репродуктивным потен-

циалом. Если воспринимаемый репродуктивный потенциал достаточно низок, то саморазрушительное поведение (то есть противоположное) не является редкостью у социальных видов. Самосохранение также считается некоторыми основой рационального и логического мышления и поведения. В данном контексте категория самосохранительного поведения рассматривается с позиции психофизиологии личности.

Согласно С. В. Рязанцеву, поведение человека всегда зависит от трех факторов:

- 1) личного или индивидуального, к которым относятся убеждения, знания, отношения;
- 2) социального, который включает в себя взаимодействие с людьми (с семьей, друзьями, членами общества);
- 3) окружающей среды, под которой подразумевается область, в которой живет индивид [8].

Поведение, являющееся результатом индивидуальных или коллективных действий, является ключевым фактором, определяющим здоровье людей. Существует широкий спектр личных, социальных и экологических факторов, влияющих на поведение. Все вышеуказанные факторы можно связать в единое целое, если речь идет о самосохранительном поведении, которое, в свою очередь, имеет тесную связь с идеями здоровьесбережения.

В западном обществе существует отдельный термин «health promotion» (обеспечение здоровья). Опираясь на него, отечественные авторы предпринимают попытку провести анализ входящих в понятие «самосохранительное поведение» элементов (или компонентов структуры). Так, в исследовании В. В. Пациорковского находим следующее: «...в компоненты входит повышение активности индивидов в укреплении духовного и физического здоровья; анализ здоровья как науки и искусства, которые способствуют выбору индивидом собственного стиля жизни; осуществление усилий, способствующих укреплению здоровья и хорошему самочувствию на уровне таких аспектов как физическое, социальное, психическое и личностное здоровье» [9].

По мнению других отечественных исследователей — М. В. Игошева и Ю. П. Лисициной, основа самосохранительного поведения — это реальное осознание значимости здоровья. Такое осознание происходит в структуре ценностей, подкрепленных мотивационным компонентом личности. Иными словами, самосохранительное поведение формируется обычно в ходе выполнения социальных и профессиональных ролей в обществе. М. В. Игошев подчеркивает, что понятие самосохранительного поведения следует рассматривать как проявление и одного из элементов ценностей достижений в жизни. Самосохранительное поведение, таким образом, в отечественной литературе признается мощным мотиватором и стимулом для профессионального и карьерного роста человека [10].

Поведенческие модели личности являются предметом изучения для большого числа исследователей. В этих моделях обычно принимают во внимание спектр психологических, социальных и контекстуальных факторов, таких как эмоции, привычки и распорядок дня. В целом исследователи опираются на поведенческие модели для того, чтобы изучить и проанализировать те факторы, которые оказывают влияние на поведенческие характеристики. При этом следует понимать как теории поведенческих

структур, так и элементы теории изменений (то есть поведенческие характеристики и их проявления в динамике). Стоит отметить, что на сегодняшний день выделено более пяти десятков моделей и теорий поведения личности, в том числе и тех, которые с успехом применялись на практике адаптивной физической культуры и в решении вопросов повышения уровня здоровья. Однако ключевой недостаток множества исследований — отсутствие прикладного их содержания. Некоторые из моделей приведены на рисунке.

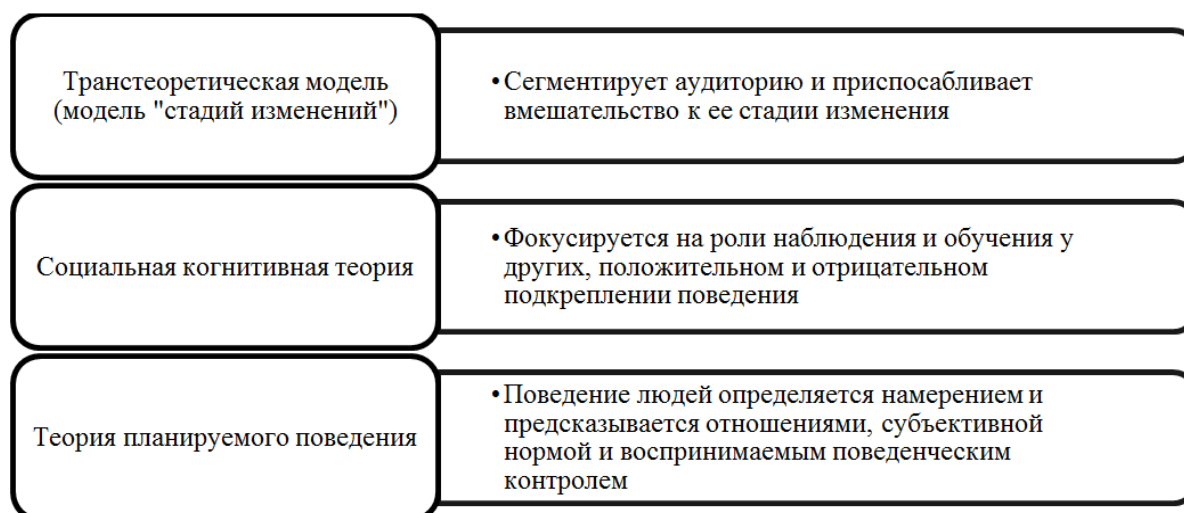

Рисунок. Модели поведения личности

Динамические модели поведения также раскрывают характеристики методов исследования изменения в поведении личности. Так, одни методы могут раскрывать последствия того или иного поведения, другие — быть нацелены на постановку конкретных целей, третьи — давать представления о том, какие возможности имеются для сравнения индивида с другими членами общества. Кроме того, некоторые методы позволяют определять позиции по управлению стрессом, временем, выдавая характеристики мотивационного профиля той или иной личности.

Согласно исследованиям К. Meier, у самосохранительного поведения можно выделить сразу три компонента.

1. Когнитивный компонент. Подразумевает, что личность (индивид) осведомлен о состоянии своего здоровья. При этом он знает не только о позитивных характеристиках здоровья, но и негативных, в частности тех, что разрушают его организм (например, курение). Когнитивный компонент означает еще и знание человека о способах укрепления здоровья, его сохранения (или исцеления от болезни).

2. Эмоциональный компонент. Характеризует то, как человек переживает конкретную ситуацию, имеющую отношение к его здоровью. Разные заболевания и патологические состояния вызывают различные эмоции и чувства, но в подавляющем большинстве случаев они отрицательны.

3. Мотивационно-поведенческий компонент. Определяет то, какое место имеет здоровье в структуре ценностей индивида. Включает элементы, связанные с характерными поведенческими мотивами в области здоровьесбережения, и ценности, имеющие отношение к саморегуляции при ухудшении здоровья, например болезни [11].

S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith основываются на предположении о том, что существует сразу три категории самосохранительного поведения.

1. Профилактическое поведение, в которое включены любые виды деятельности человека — здорового, уверенного в своих силах и возможностях. Подобное поведение направлено на предотвращение или выявление болезни в бессимптомном состоянии. Профилактическое поведение включает самозащитное поведение, представляющее собой действие по защите от потенциального вреда. К таким способам самозащиты относятся, например, ношение каски на строительной площадке или медицинской маски при ограничительных мерах в период COVID-19. Иными словами, самозащитное поведение вполне может быть приравнено к осторожному поведению, направленному на профилактику негативных последствий.

2. Болезненное поведение, которое характеризуется тем, что человек считает себя больным, отчаянно ищет для себя любое лекарственное средство, подвержен маниакальным действиям по отношению к определению реального состояния своего здоровья.

3. Больнично-ролевое поведение, означающее и включающее в себя любую деятельность человека, который считает себя больным, но целью которого является вылечиться не любыми способами, а с помощью представителей лечебно-профилактических учреждений [12]. В исследованиях Т. Koller наглядно показано, что такое поведение во многом перекладывает ответственность за собственные здоровье и жизнь человека на медицинских работников.

Стоит также понимать, что абсолютно «чистых» видов ролевого поведения не существует, поэтому целесообразно выделять и несколько категорий сохранительного поведения человека [13].

Во-первых, это категория «поведение против образа жизни». В данном случае суть поведения стоит рассматривать с позиции повторяемости того или иного типа поведения. Самосохранительное поведение может быть чем-то, что делается один раз, или чем-то, что делается периодически (например, сделать прививку или прививку от гриппа). Это также может быть что-то, что человек делает только для себя, например использует солнцезащитный крем, или поведение, которое влияет на других, например установка теневого покрытия, чтобы дети на детской площадке были защищены от солнца. Другие виды здорового поведения — это действия, которые выполняются в течение длительного периода времени, такие как здоровое питание, регулярная физическая активность и отказ от употребления табака. Именно эти последние типы поведения, которые являются устойчивыми паттернами сложного поведения, называются поведением «образа жизни». Сочетание различных видов здорового поведения часто называют «здоровым образом жизни». Между тем, как показывают исследования и отечественных, и зарубежных исследователей, подавляющее большинство населения мира не поступают в соответствии с принципами здоровьесбережения постоянно, изо

дня в день. Большинство людей время от времени начинают заниматься своим здоровьем, пытаются бросить курить, избавиться от негативных пищевых привычек и т. п. Тем не менее люди, признающие важность здорового образа жизни и пытающиеся даже изредка соблюдать некоторые его принципы и правила, согласно Е. А. Holmes, могут быть признаны как «практикующие ведение здорового образа жизни» [14].

Во-вторых, это категория «поведение, направленное на здоровье». К такому поведению причисляется любое действие, которое имеет отношение к профилактическим мерам воздействия, поддержанию, улучшению или восстановлению здоровья. При этом характерная особенность данной категории заключается в том, что добровольность — необязательный ее признак, то есть человека можно заставить практиковать данный вид поведения по принуждению, например, решению суда или требованиями законов. Данный тип поведения широко распространен среди обучающихся, когда задание выполняется не потому что этого хочешь, а потому что надо. Это тип поведения по принуждению. Напротив, взрослый, имеющий ожирение любой степени, понимает, что лишний вес наносит серьезный удар его организму, начинает заниматься спортом, держать диету — это пример добровольного типа поведения, направленного на здоровье.

В-третьих, это категория «поведение по уходу за собой», в которую включается принятие мер по улучшению или сохранению своего здоровья. Самообслуживание часто рассматривается как профилактика или самолечение определенных проблем со здоровьем или состояний, но оно также может включать первичную профилактику при отсутствии каких-либо симптомов. Самообслуживание включает в себя действия, предпринятые для лечения симптомов до обращения за медицинской помощью, такие как прием лекарств от симптомов простуды или гриппа. Это также включает в себя лечение незначительных травм, таких как ушибы, царапины и скрученные лодыжки, когда человек не считает, что медицинский работник необходим. Самообслуживание также включает в себя домашние процедуры, такие как смена повязки на рану, выполнение реабилитационных упражнений или отказ от продуктов, вызывающих аллергическую реакцию. Как справедливо отмечает А. С. Ваторопин с соавторами, «использование альтернативных и дополнительных медицинских методов лечения без медицинского наблюдения также является поведением самопомощи». При этом следует отметить, что поведение самопомощи абсолютно немыслимо без личного активного участия больного [15].

В-четвертых, это категория «поведение использования здравоохранения», подразумевающая активное использование услуг в сфере медицины. Эта категория самосохранительного поведения подразумевает и профилактические меры (например, вакцинация), и плановые операции, и проведение профилактических осмотров, сдачу анализов. Использование медицинских услуг зависит от множества различных факторов, поэтому изучение поведения использования включает изучение того, кто пользуется медицинскими услугами, когда и почему они используют эти услуги, и насколько они удовлетворены этими услугами [8].

В-пятых, это категория «диетическое поведение», которая справедливо относится к выработке правил питания для определенной личности. В целом придерживаться здорового питания стараются многие, однако некоторые индивиды считают данную форму поведения основополагающей для сохранения здоровья и долголетия. В основе

таких рассуждений лежат данные многочисленных исследований, согласно которым неправильные пищевые привычки способны вызвать диабет II типа, гипертонию, ишемическую болезнь сердца, рак толстой и прямой кишки, заболевания сосудов, желудка, печени, опорно-двигательного аппарата. Между тем данный тип самосохраняющего поведения, несмотря на то что все знают о вреде нездорового типа питания, не находится в стадии активного развития. Напротив, в мире стремительно увеличивается число населения с ожирением.

Наконец, в-шестых, это категория «безрассудное поведение». Такого типа поведения придерживаются люди, которые ставят себя в ситуации, обычно не возникающие в обычной повседневности. То есть данное поведение граничит с поведением психического отклонения: безрассудство стремительно и в значимой степени увеличивает шансы человека на болезнь, травму или смерть. Также такое поведение можно назвать «рискованным», оно характерно для подростков и молодых людей, особенно молодых мужчин, чаще, чем для других демографических групп. Примеры поведения, которое считается рискованным или безрассудным, включают пьянство, вождение в нетрезвом виде, употребление психоактивных веществ, экстремальные виды спорта и т. д. Было показано, что безрассудное поведение тесно связано со склонностью людей к импульсивности и поиску ощущений.

В. Н. Иванов указывает на существование четырех наиболее общих теорий в области самосохранительного поведения.

1. Модель убеждений в отношении здоровья. Теория была создана в целях найти логическое объяснение тому факту, почему при наличии давно действующих эффективных вакцин не все люди прибегают к этому простому способу профилактики заболевания. Согласно данной теории, поведение человека будет зависеть от оценки степени угрозы (оценки причинения вреда его здоровью в случае заражения болезнью). Модель находит хорошее объяснение тому, что сами факты вакцинации могут являться устрашающими, пугающими, особенно если вакцина недостаточно хорошо (обычно это критерий долговременности использования) себя зарекомендовала [16].

2. Модель стадий изменений. Данная модель имеет отношение к тому, насколько человек, понимающий черты своего нездорового поведения, готов совершить нечто, что изменит его привычки, пристрастия и т. п. Авторы теории исходят из того, что принятие нового типа самосохранительного поведения — это не событие или факт, а целый процесс, часто длящийся месяцы или даже годы (это касается пищевых привычек, нездоровых пристрастий к алкоголю, никотину, наркотическим веществам). При этом отмечается, что у всех людей этот уровень готовности свой, и сильно зависит от наличия внутренних стимулов. Это означает, что люди, находящиеся на разных этапах процесса изменений, могут извлечь выгоду из различных программ изменений, и эти программы работают лучше всего, если они соответствуют их стадии готовности.

3. Социально-когнитивная теория. В данной теории опора идет на социальное окружение человека. Считается, что человек, живя в обществе и являясь существом социальным, отслеживает не только свой жизненный прогресс, но и результаты и поступки других людей, его окружающих. Данная теория также придерживается мнения, что, хотя люди находятся под влиянием окружающего мира, они также могут активно изме-

нять этот мир. Социально-когнитивная теория обеспечивает основу для нескольких стратегий изменения поведения, например использование ролевых моделей, которые выполняют поведение и достигают хороших результатов [6]. Другой способ, с помощью которого социально-когнитивная теория применяется к изменению поведения, заключается в том, что люди меняют свои ситуации, изменяя свое собственное поведение.

4. Изменение поведения как процесс. Отдельно от модели стадий изменений выделена и эта теория, хотя в ее основе та же идея — это целый процесс, а не просто событие, происходящее в один момент. В отличие от предыдущей теории в данном случае акцент поставлен на поэтапности процесса. Иными словами, человек, решивший бросить курить или принимать пищу в ночное время, вряд ли сделает это за один день. К этой мысли ему нужно прийти самостоятельно, подготовиться морально, «прокрутить ее в голове». Однако эта теория получила более широкое признание к концу двадцатого века. Одним из примеров является теория диффузии инноваций, которая отличает диффузию или распространение новых форм поведения от их адаптации или использования растущим числом людей.

Говоря о принятии и готовности к изменениям по отношению к своему здоровью, следует сказать и о наличии некоторых барьеров, под которыми можно понимать воспринимаемые препятствия для достижения цели самосохранительного поведения. Расширение этой концепции включает в себя так называемый «баланс принятия решений». Эта идея называется «чистая выгода от действий» в модели убеждений о здоровье и «плюсы, и минусы» в модели этапов изменений. Все эти термины отражают идею о том, что люди участвуют в относительном взвешивании плюсов и минусов предполагаемого изменения поведения. Это понятие является базовым для моделей рационального принятия решений, в которых люди интеллектуально думают о преимуществах и недостатках участия в том или ином действии.

Y. Qiu, X. Chen и W. Shi справедливо указывают на то, что чем более человек успешен в саморегуляции, тем более эффективным и рациональным будет и его поведенческая реакция [17]. Следовательно, такому индивиду легче освоиться в новой для него ситуации, будь то новый вид деятельности или пандемия. Безусловно, пандемия COVID-19 серьезно изменила поведенческие реакции личности, внесла значительные коррективы в быт, образ жизни и трудовую деятельность людей, особенно в период самоизоляции в 2020 году.

Вспышки инфекционных заболеваний, таких как COVID-19, — это настоящий «вызов» как для населения, так и для органов государственной власти, включая правительство. Во время возникновения заболевания правительство будет принимать различные стратегии профилактики и контроля, такие как закрытие городов, домашний карантин и остановка работы и производства, чтобы контролировать вред, причиняемый болезнью. Реализация этих мер, несомненно, принесет большой стресс и беспокойство общественности. Общественность может сопротивляться принятию мер самозащиты, основанных на их тревоге. Таким образом, индивидуальное восприятие риска и предосторожность могут быть отрицательно коррелированы в результате.

Однако те представители общественности, которые обладают способностью и уверенностью справляться со своими проблемами со здоровьем, могут быть более

склонны полагать, что самозащита может помочь улучшить их состояние здоровья и снизить уровень заражения болезнями, тем самым укрепляя их готовность к самозащите. Следовательно, индивидуальные представления о риске заболевания и самоэффективности здоровья в ходе пандемии также могут оказывать влияние на самозащиту.

Таким образом, анализ источников отечественных и зарубежных исследователей наглядно показывает, что поведение самосохранительного типа является свойственным для людей, но тем не менее находится в прямой зависимости от ценностей, образа жизни, готовности осознать и принять неправильность привычек и здоровьесберегающего поведения в целом. По результатам анализа литературы становится очевидным, что категория «самосохранительное поведение» не относится исключительно к одной из сфер жизнедеятельности человека. Данную категорию сегодня следует рассматривать как комплексное понятие, лежащее на стыке психофизиологии, медицины, социального и поведенческого аспектов деятельности личности.

Материалы и методы

Пандемия коронавирусной инфекции стала одним из ведущих факторов динамики изменения поведения индивидов, и не только в России. Согласно исследованию S. K. Brooks, R. K. Webster и L. E. Smith [12], в такой кризисной ситуации ключевым направлением изменения поведения личности стал рост неподдельного интереса к медицинской тематике. Однако вторым по популярности стал спрос на психологические ресурсы, необходимые для профилактики проблем, повышения иммунитета и облегчения реабилитации людей после болезни. Нехватка психологических ресурсов является одной из основных причин страданий от смерти близких людей, потери работы, ограничений мобильности людей, осложнений семейных отношений, связанных с изоляцией, а также неуверенности и страха за будущее.

T. M. Alon отмечает, что в такой кризисной для личности ситуации, как пандемия, способность человека к адаптации и саморегуляции, очевидно, требует серьезных исследовательских дополнений. Авторы также подчеркивают, что важная характеристика саморегуляции — это способность человека достигать своего успеха при наличии адаптивных возможностей не только организма (наличие здоровья физического), но и психической составляющей личности [18].

Одним из элементов самосохранительного поведения является отношение к здоровью. К сожалению, пандемия, охватившая мир в 2020 году, наглядно показала, что россияне недостаточно внимательно относятся к собственному здоровью. Существует много вопросов о самосохранительном поведении, которые еще недостаточно изучены. Поэтому и сотрудники здравоохранения, и научные исследователи продолжают пытаться понять природу и причины многих различных форм поведения в отношении здоровья. Подобное справедливо не только для России, но и для западных стран. Так, K. M. Cummings указывает на то, что «самосохранительное поведение охватывает обширную область исследований, которая в свою очередь охватывает различные области, включая психологию, образование, социологию, общественное здравоохранение, эпидемиологию и антропологию».

Согласно Т. Koller, ранний жизненный опыт является ключевым фактором, определяющим психическое и физическое здоровье. Шкала неблагоприятных детских событий определяет опыт детства, связанный с повышенным риском плохого здоровья во взрослой жизни, включая насилие в семье, жестокое обращение, лишения и развод родителей. Однако также признается, что не все люди, которые испытывали неблагоприятные события в раннем детстве, будут иметь проблемы со здоровьем в старшем возрасте. Факторы, связанные с устойчивостью в годы становления, такие как чувство любви или наличие взрослого в семье, который заботится об образовании ребенка, могут смягчить последствия неблагоприятного опыта. На протяжении всей жизни социальная поддержка на нескольких уровнях имеет решающее значение для того, чтобы люди могли справляться с трудными или стрессовыми обстоятельствами [13].

Среди взрослых занятость является одним из наиболее убедительно подтвержденных детерминант здоровья — не только с точки зрения социальных и медицинских последствий занятости или безработицы, но и воздействия самой работы. Имеется и социальный градиент в работе и здоровье, причем более низкий статус занятости связан с увеличением заболеваемости и смертности. Низкооплачиваемые, низкоквалифицированные работники с большей вероятностью будут отсутствовать и вообще выпадать с работы из-за плохого самочувствия, небезопасная и низко статусная работа снижает объем контроля и поддержки людей на работе, что, в свою очередь, оказывает пагубное воздействие на физическое и психическое здоровье.

В исследовании имеется опора на предположение о том, что есть некоторые защитные механизмы, играющие роль компенсаторных факторов, если речь идет о неравенстве в области здоровья между разными индивидами. Таким образом, методология исследования исходит из того, что различные социальные условия, в которые поставлена личность, будут играть определяющую роль в развитии таких компенсаторных факторов, препятствующих формированию адекватного самосохранительного поведения, тем самым увеличивая риск утраты здоровья. Однако многие из таких факторов, напротив, снижают риск неблагоприятных последствий наступления болезни, либо же вовсе способствуют повышению защитных сил организма человека.

У Y. Qiu есть исследования, посвященные мотивации населения к самозащите. Автор исследует возможности их прогнозирования и утверждает, что в целях защиты от различных заболеваний, в том числе инфекционной природы (вирусы, передача от человека к человеку), будут использовать определенные меры предосторожности, то есть меры профилактики. Подобная система была названа «системой отношения к восприятию риска» или RPA [17]. Были проведены исследования для проверки предсказуемости структуры RPA для индивидуального предупредительного поведения. Данную систему целесообразно применить при исследовании эффективности готовности индивида к самозащите в период реальной пандемии.

Результаты и обсуждение

Исследования, проведенные М. Pareek, показывают, что у личности могут формироваться защитные механизмы, в той или иной степени позволяющие адекватно воспри-

нимать ситуацию, повышая уровень адаптации к факторам, неблагоприятно воздействующим на организм. В исследовании был выявлен сразу целый ряд факторов, наглядно свидетельствующих об эффективности их воздействия в качестве элемента самосохранительного поведения [19].

Фактор семьи как родительской, так и собственной. Исследователь подчеркивает, что наличие поддержки со стороны семьи обуславливает повышение защитной реакции на стрессовые ситуации, к которым относится, в частности, и пандемия COVID-19. Люди, которые сообщают о легкости общения со своими родителями, также с большей вероятностью сообщают о ряде положительных результатов в области здоровья, таких как более высокая самооценка здоровья, более высокая удовлетворенность жизнью и меньшее количество физических и психологических жалоб. Поддержка со стороны родителей, братьев, сестер и сверстников приводит к еще более сильному предиктору положительного здоровья: чем больше поддержки, тем больше вероятность того, что люди будут здоровее, как физически, так и психологически. Это говорит о том, что специалисты, работающие в медицинской области, должны не только непосредственно решать проблемы со здоровьем, но и учитывать влияние семьи на развитие здорового образа жизни.

Фактор взаимоотношений и социальных взаимодействий. Это еще один положительный фактор, который сказывается на позитивном восприятии негативных событий в жизни. Люди, ведущие активную социальную жизнь, имея друзей, вращаясь в широком кругу знакомых, в том числе на работе, обладают более устойчивой психикой. По крайней мере, от них поступает гораздо меньше запросов на работу с психотерапевтом, как утверждается в западных исследованиях. Однако данный фактор может сыграть и прямо противоположную роль: влияя позитивно с позиции эмоциональной составляющей, фактор может влиять негативно на физическую составляющую (например, имея много друзей, легче пристраститься к алкоголю, что уже не будет способствовать повышению уровня здоровья).

Фактор окружающей среды. Этот фактор указывает на более высокую степень социальной и физической активности, а также получение более высокого уровня дохода у людей, проживающих в местности, признанной благополучной с социально-экономической и экологической позиций. Создание социального достатка является средством борьбы с неравенством в отношении здоровья. Исследования в области социальных наук показали, что относительное качество индивидуальных и групповых социальных отношений служит психосоциальным посредником в отношении здоровья. Считается, что качество этих отношений отражает степень, в которой люди обладают или имеют доступ к широкому набору социальных контактов и общему набору социальных норм. Социологи признают эти факторы ключевыми характеристиками сплоченного общества. Результаты широкого спектра эпидемиологических исследований показали, что социальный и психологический стресс является одним из основных факторов, влияющих на способность человека поддерживать свое здоровье. В социологических и социально-психологических исследованиях делается вывод, что мы все испытываем такие стрессы или «жизненные события, влияние которых усиливается для тех людей и социальных групп, которые имеют ограниченную социальную поддержку».

Фактор социальной поддержки. Этот фактор связан с вышеприведенными в той или иной мере, однако в контексте формирования самосохранительного поведения стоит его рассматривать как фактор адаптации к стрессовым жизненным ситуациям. Важность наличия социальной поддержки — прямой фактор повышения уровня адаптированности индивида. Подчеркивается, что семья — первичная ячейка, где человек обычно может получить социальную поддержку. Классическое исследование клинической депрессии среди женщин рабочего класса, проведенное Брауном и Харрисом (1978), признало, что дифференциальная доступность социальной поддержки является критическим фактором относительной «уязвимости» человека к стрессовым жизненным событиям. Важность социальной поддержки для здоровья подчеркивается в работе Marmot (2010), где одиночество и социальная изоляция связаны с преждевременной смертностью и повышенным риском депрессии. Имея положительные и долговременные социальные контакты, индивиды способны даже быстрее выздоравливать, у них быстрее работают когнитивные процессы. Напротив, люди, вынужденные проживать в неблагоприятной местности и общающиеся лишь изредка с другими людьми, могут испытывать серьезные затруднения с получением социальной поддержки. Следует, однако, делать исключения и обращать внимание на то, что не все нуждаются в активной поддержке. Так, есть индивиды — истинные интроверты, которым никогда не скучно с самим собой, а любое общение с другими их лишь тяготит. Хотя это, скорее, исключение из правила, и большинству людей, даже с интровертированной позицией темперамента и характера, требуется то или иное социальное, пусть и минимальное, но взаимное действие.

Отсутствие социальной поддержки, негативно влияющее на здоровье, признано Департаментом здравоохранения проблемой общественного здравоохранения. В 2013–2014 гг. результаты социальной помощи взрослым были обновлены, в нее включили меры социальной изоляции, поскольку нет здоровья без психического здоровья, а также подчеркнули важность социальной поддержки для улучшения психического здоровья граждан [20].

Согласно исследованиям, проведенным S. Mongey, очевидно, что на формирование самосохранительного поведения в период пандемии или эпидемии, равно как и в любой другой неблагоприятной обстановке, угрожающей жизни и сохранению здоровья человека, влияют социальные нормы: то, что они воспринимают, что делают другие, или то, что, по их мнению, другие одобряют или не одобряют. Стоит выделить совершенно разные мотивы соответствия нормам, включая желание учиться у других людей и получить принадлежность или социальное одобрение [21]. Хотя люди находятся под влиянием норм, их восприятие часто бывает неточным. Так, люди могут недооценивать поведение, способствующее здоровью (например, мытье рук).

В том случае, если будут восприняты позитивно публичные сообщения (например, «мойте руки с мылом не менее 5 минут»), то вполне реально изменение привычного поведения определенной группы людей (среди тех, кто видел данное публичное сообщение, например социальную рекламу). При этом крайне важным с позиции субъекта предоставления данной информации делать эту информацию правдивой, точной для того, чтобы человек искренне ощущал потребность и правильность и воспринимал ее

так, как задумано (в данном случае цель одна — профилактика заражения инфекционным возбудителем, если речь идет об инфекции и эпидемии или пандемии).

Однако, если то, что делает большинство людей, нежелательно, предоставление чисто описательной нормативной информации может иметь неприятные последствия, уменьшая позитивное поведение среди людей, которые уже участвуют в них, если оно не сопровождается информацией, сигнализирующей о том, что большинство людей одобряют эти действия (предписывающие, а не описательные нормы). Воспринимаемые нормы также наиболее влиятельны, когда они специфичны для других, с которыми разделяются общие идентичности, в том числе для распространения поведения в отношении здоровья. Поэтому сообщения, которые предоставляют внутригрупповые модели для норм, могут быть наиболее эффективными.

По результатам изучения поведенческих основ населения в период пандемии в исследовании Y. Qiu были выделены контрольные переменные (возраст, пол, образование, брак) и определено, что именно их следует учитывать при оценке степени формирования самосохранительного поведения личности. Так, например, способность к обработке большого объема информации о распространении, методах лечения, проблемах, связанных с COVID-19 и т. п., проявляется сильнее у людей с высоким уровнем образованности [17]. В другом исследовании [22] отмечено, что именно люди с низким уровнем образования демонстрируют беспечное поведение, его рискованный тип согласно классификации категорий поведения самосохранения. Например, люди этого типа менее склонны носить защитные маски и перчатки, мыть руки, в целом соблюдать какие-либо меры предосторожности.

Говоря о возрастных факторах, влияющих на формирование самосохранительного поведения, отмечается, что самые «дисциплинированные» в данном отношении оказываются люди старшего возраста (от 65 лет). Цель поддержания здоровья для этих людей первична, благодаря чему у них и развита высочайшая степень мотивации. Западные исследователи поддерживают общее мнение о том, что пожилые люди считаются более заботящимися о своем здоровье по сравнению с молодыми людьми, и ВОЗ, как правило, меньше обеспокоена последствиями для здоровья, которые они испытают в дальнейшей жизни. Эти возрастные различия в моделях поведения в отношении здоровья увеличиваются с возрастом.

Исследуя зависимости степени сформированности самосохранительного поведения от пола, следует указывать на то, что у женщин проявляется гораздо больший интерес к опасности пандемии. Женщины в целом уделяют больше внимания потенциальным глобальным пандемиям, чем мужчины. По сравнению с последними женщины обычно имеют лучшие методы и поведение, способствующие укреплению здоровья. Кроме того, они, как правило, чаще мужчин участвуют в просоциальном поведении, поэтому могут с большей вероятностью практиковать поведение по профилактике COVID-19.

В России наибольшее влияние на самосохранительное поведение оказала самоизоляция, затронувшая почти каждого жителя страны в 2020 году. Исследования и наблюдения показали, что самоизоляция значительно повышает восприимчивость к осложнениям относительно здоровья. Меры общественного здравоохранения по борьбе с пандемией могут изменить самосохранительное поведение. Рассмотрим несколько факторов, влияющих на самосохранительное поведение российских граждан.

Во-первых, это физическая активность, которая, безусловно, в период пандемии сильно снизилась, однако по выходу из режима самоизоляции был отмечен всплеск интереса к занятиям физической культурой и различными видами спорта на любительском уровне. С открытием фитнес-клубов интерес россиян к поддержанию здоровья вырос еще больше. Очевидна связь с тем, что люди, активно занимающиеся спортом и поддерживающие свое физическое здоровье, имеют более здоровую сердечно-сосудистую систему, здоровый опорно-двигательный аппарат, обычно у них нет серьезных проблем с сосудами, им не грозит диабет II типа. Занятия спортом значительно повышают уровень серотонина в крови, а следовательно, способствуют более лучшему расположению духа, что помогает бороться со стрессом. В свою очередь это приводит и к улучшению когнитивных способностей; сокращению периодов депрессии и тревоги. Физическая активность также имеет решающее значение для улучшения качества жизни среди людей с хроническими заболеваниями. Однако в рассматриваемый период самоизоляции россияне были лишены этого.

Во-вторых, фактор сна. Было отмечено, что многие россияне стали спать хуже из-за течения болезни, переживаний за близких, нарастающей тревоги. Нарушение выработки гормона сна мелатонина приводит к ухудшению когнитивных способностей.

В-третьих, фактор питания. Пандемия резко изменила питание людей. Рекордно высокий уровень безработицы, отсутствие доходов, перебои в поставке продуктов, усиленные проверки безопасности — все это не оставило людям иного выбора, кроме как потреблять то, что они могут себе позволить купить в местных магазинах.

Органы государственной власти должны были вмешаться в разрастание факторов повышения стресса среди населения. Влияние мер общественного здравоохранения на индивидуальное благополучие и психосоциальное функционирование было одним из факторов, исследованных в ходе поведенческого управления во время предыдущих пандемий. Обзор этих исследований выявил негативное психологическое воздействие физической изоляции и карантина. Эти данные из мер, принятых для смешанных списков заболеваний, которые являются приоритетными в контексте чрезвычайных ситуаций в области общественного здравоохранения, как правило, подтверждаются исследованиями по ограничению свободы, проведенными во время вспышки COVID-19.

Заведующей кафедрой социальных технологий РГСУ Я. В. Шимановкой было проведено собственное эмпирическое исследование, в результате которого выявлено, что россиянки меньше подвержены вредным привычкам в отношении здоровья, больше следят за своим питанием и качеством продуктов, больше внимания уделяют профилактическим мерам в отношении здоровья, но при этом имеют более низкий уровень физической активности, нежели мужчины, живущие в нашей стране [23].

Напротив, мужчины подвержены вредным привычкам, но являются более активными физически. Мужчины независимо от периода — пандемия есть или нет — обращают минимальное внимание на качество потребляемых продуктов питания. На всех, независимо от гендера сказывается сидячая работа (почти 50 % всех опрошенных), а в период самоизоляции многие работники были переведены на дистанционный режим, что никак не способствовало увеличению физической нагрузки, а наоборот, лишь снизило ее.

Респонденты возрастной категории 55 лет и старше (женщины), 60 лет и старше (мужчины) имеют меньше физических нагрузок в виде физкультуры (46,2 %). Представители старшего поколения чаще других изучают покупаемые продукты на состав и содержание вредных веществ. Меньше остальных респонденты из этой возрастной категории подвержены курению (23,3 % курящих) и имеют самый продолжительный сон.

В условиях распространения коронавируса произошли изменения в повседневной жизни людей: жители города Москвы стали больше заботиться о своей безопасности и безопасности своих близких. Пандемия стала поводом для размышления горожан о значимых жизненных ценностях: сориентировала людей на обращение к собственной экзистенции, рефлексии в отношении своей жизни и деятельности. Горожане дали следующие ответы на вопрос о том, что они делают в ситуации распространения коронавируса: «защищаюсь, стараюсь как можно реже появляться в общественных местах, соблюдаю меры личной безопасности: часто мою руки, использую антисептик, маску» (68,3 %); «думаю, ситуация с коронавирусом заставляет меня задуматься о здоровье моих близких и других важных жизненных ценностях» (50,9 %); «обсуждаю и информирую знакомых о новых сведениях о вирусе, ставших доступными мне» (21,9 %).

Выводы

Можно сделать вывод, что в некоторой степени ответственность людей за самосохранительное поведение в период пандемии была перенесена на внешние обстоятельства, правительство, неблагоприятную ситуацию. Данный факт был характерен для всех крупных городов России. Между тем люди стали задумываться и о том, что следует бережнее относиться к собственному здоровью, заботиться о близких и друзьях. Качество социальных взаимоотношений и повышение уровня ценности социальных контактов стали первичными факторами, способствующими повышению сопротивляемости заболеванию, повышению защитных сил организма. Ввиду того, что многие люди оставались все же равнодушными к введенным ограничительным мерам и даже игнорировали их, в обществе потребовалась поддержка и адекватная пропаганда здорового образа жизни. Подавляющая часть населения осознала, что распространение болезни в значительной степени оказывает влияние на их жизнь. Таким образом, поведенческие реакции были изменены с приходом пандемии, а степень готовности к быстрым изменениям во многом являлась следствием развития адаптивных возможностей организма. В случае недостаточности физических возможностей в поведенческой реакции человека часто вступают в действие различного рода защитные механизмы, например поддержка семьи, социальное взаимодействие, окружающая среда.

Список источников

- [1] Champion, V. L. The health belief model / V. L. Champion, C. S. Skinner. – Direct text // Health behavior and health education : Theory, research, and practice / Edited by K. Glanz, B. K. Rimer, K. Viswanath. – San Francisco : Jossey-Bass, 2008. – P. 45–65.

- [2] Осколков, А. В. Социальная политика РФ в условиях пандемии / А. В. Осколков. – DOI 10.18411/lj-09-2020-108. – Текст : непосредственный // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 65–3. – С. 109–112.
- [3] Bonacini, L. Identifying policy challenges of COVID-19 in hardly reliable data and judging the success of lockdown measures / L. Bonacini, G. Gallo, F. Patriarca. – DOI 10.1007/s00148-020-00799-x. – Direct text // Journal of Population Economics. – 2021. – Vol. 34, Issue 1. – P. 275–301.
- [4] Milani, F. COVID-19 outbreak, social response, and early economic effects : a global VAR analysis of cross-country interdependencies / F. Milani. – DOI 10.1007/s00148-020-00792-4. – Direct text // Journal of Population Economics. – 2021. – Vol. 34, Issue 1. – P. 223–252.
- [5] Shao, W. Confidence in political leaders can slant risk perceptions of COVID-19 in a highly polarized environment / W. Shao, F. Hao. – DOI 10.1016/j.socscimed.2020.113235. – Direct text // Social Science & Medicine. – 2020. – Vol. 261. – P. 113235.
- [6] Levy, B. R. Preventive health behaviors influenced by self-perceptions of aging / B. R. Levy, L. M. Myers. – DOI 10.1016/j.ypmed.2004.02.029. – Direct text // Preventive Medicine. – 2004. – Vol. 39, Issue 3. – P. 625–629.
- [7] Baumeister, R. F. Self-regulation as a limited resource : Strength model of control and depletion / R. F. Baumeister, J. L. Alquist. – Direct text // Psychology of self-regulation : Cognitive, affective, and motivational processes / Edited by J. P. Forgas, R. F. Baumeister, D. M. Tice. – New York : Psychology Press, 2009 – P. 21–33.
- [8] Рязанцев, С. В. Социально-демографические аспекты вакцинации населения России в контексте пандемии COVID-19 / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, А. В. Смирнов. – DOI 10.32687/0869-866X-2021-29-5-1047-1056. – Текст : непосредственный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – Т. 29, № 5. – С. 1047–1056.
- [9] Пациорковский, В. В. Особенности современного этапа мирового развития : от глобализации к пандемии / В. В. Пациорковский. – Текст : непосредственный // Россия : Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 16 : Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России : приоритеты, проблемы, решения». – Москва, 2021. – Ч. 1. – С. 220–225.
- [10] Игошев, М. В. Система ценностей в формировании культуры самосохранительного поведения : концептуальный подход / Игошев, М. В. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9–1 (35). – С. 59–62.
- [11] Public perspective on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy : A survey study / K. Meier, T. Glatz, M. C. Guijt [et al.]. – DOI 10.1371/journal.pone.0236917. – Direct text // PLOS One. – 2020. – Vol. 15, Issue 8. – P. e0236917.
- [12] The psychological impact of quarantine and how to reduce it : rapid review of the evidence / S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith [et al.]. – DOI 10.1016/S0140-6736(20)30460-8. – Direct text // The Lancet. – 2020. – Vol. 395, Issue 10227. – P. 912–920.

- [13] Koller, T. Addressing the socioeconomic determinants of adolescent health : experience from the WHO/HBSC Forum 2007 / T. Koller. – DOI 10.1007/s00038-009-5420-x. – Direct text // International Journal of Public Health. – 2009. – Vol. 54, Issue S2. – P. 278–284.
- [14] Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic : a call for action for mental health science / E. A. Holmes, R. C. O'Connor, V. H. Perry [et al.]. – DOI 10.1016/S2215-0366(20)30168-1. – Direct text // The Lancet Psychiatry. – 2020. – Vol. 7, Issue 6. – P. 547–560.
- [15] Ваторопин, А. С. Отношение россиян к режиму самоизоляции в условиях коронавирусной инфекции / А. С. Ваторопин, М. Н. Лату, Э. И. Гараева. – DOI 10.22394/2304-3369-2021-3-62-79. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2021. – № 3 (70). – С. 62–79.
- [16] Иванов, В. Н. Социальные технологии : Курс лекций / В. Н. Иванов, В. И. Патрушев ; Московский государственный социальный университет, Институт социологии, Кафедра социальной инженерии. – Москва : Союз, 1999. – 431 с.
- [17] Qiu, Y. Impacts of social and economic factors on the transmission of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in China / Y. Qiu, X. Chen, W. Shi. – DOI 10.1007/s00148-020-00778-2. – Direct text // Journal of Population Economics. – 2020. – Vol. 33, Issue 4. – P. 1127–1172.
- [18] The impact of COVID-19 on gender equality / T. Alon, M. Dоеpke, J. Olmstead-Rumsey, M. Tertilt. – Cambridge, 2020. – P. 69. – DOI 10.3386/w26947. – Direct text.
- [19] Ethnicity and COVID-19 : an urgent public health research priority / M. Pareek, M. N. Bangash, N. Pareek [et al.]. – DOI 10.1016/S0140-6736(20)30922-3. – Direct text // The Lancet. – 2020. – Vol. 395, Issue 10234. – P. 1421–1422.
- [20] The early impact of COVID-19 on mental health and community physical health services and their patients' mortality in Cambridgeshire and Peterborough, UK / Sh. Chen, P. B. Jones, B. R. Underwood [et al.]. – DOI 10.1016/j.jpsychires.2020.09.020. – Direct text // Journal of Psychiatric Research. – 2020. – Vol. 131. – P. 244–254.
- [21] Mongey S. Which workers bear the burden of social distancing? / S. Mongey, L. Pilosoph, A. Weinberg. – DOI 10.1007/s10888-021-09487-6. – Direct text // The Journal of Economic Inequality. – 2020. – Vol. 19, Issue 3. – P. 509–526.
- [22] The impact of self-regulation strategies on student success and satisfaction in an online course / F. Inan, E. Yukselturk, M. Kurucay, R. Flores. – Direct text // International Journal on E-learning. – 2017. – Vol. 16, Issue 1. – P. 23–32.
- [23] Шимановская, Я. В. Самоохранительное поведение жителей города Москвы в период пандемии COVID-19 / Я. В. Шимановская. – DOI 10.22394/2304-3369-2020-5-29-35. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2020. – № 5 (66). – С. 29–35.

References

- [1] Champion, V. L., & Skinner, C. S. (2008). The health belief model. Health behavior and health education: Theory, research, and practice. San Francisco, Jossey-Bass, pp. 45-65. (In English).

- [2] Oskolkov, A. V. (2020). Sotsial'naya politika RF v usloviyakh pandemii. Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya, (65-3), pp. 109-112. (In Russian). DOI: 10.18411/lj-09-2020-108
- [3] Bonacini, L., Gallo, G., & Patriarca, F. (2021). Identifying policy challenges of COVID-19 in hardly reliable data and judging the success of lockdown measures. *Journal of Population Economics*, 34(1), pp. 275-301. (In English). DOI: 10.1007/s00148-020-00799-x
- [4] Milani, F. (2021). COVID-19 outbreak, social response, and early economic effects: a global VAR analysis of cross-country interdependencies. *Journal of Population Economics*, 34(1), pp. 223-252. (In English). DOI: 10.1007/s00148-020-00792-4
- [5] Shao, W., & Hao, F. (2020). Confidence in political leaders can slant risk perceptions of COVID-19 in a highly polarized environment. *Social Science & Medicine*, 261, p. 113235. (In English). DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113235
- [6] Levy, B. R., & Myers, L. M. (2004). Preventive health behaviors influenced by self-perceptions of aging. *Preventive Medicine*, 39(3), pp. 625-629. (In English). DOI: 10.1016/j.ypmed.2004.02.029
- [7] Baumeister, R. F., & Alquist, J. L. (2009). Self-regulation as a limited resource: Strength model of control and depletion. *Psychology of self-regulation: Cognitive, affective, and motivational processes*. New York, Psychology Press, pp. 21-33. (In English).
- [8] Ryazantsev, S. V., Khramova, M. N., & Smirnov, A. V. (2021). The social demographic aspects of vaccination of population of Russia in the context of COVID-19 pandemic. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 29(5), pp. 1047-1056. (In Russian). DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-5-1047-1056
- [9] Patsiorkovskiy, V. V. (2021). Osobennosti sovremennogo etapa mirovogo razvitiya: ot globalizatsii k pandemii. *Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vypusk 16*. Moscow, (1), pp. 220-225. (In Russian).
- [10] Igoshev, M. V. (2013). Values system in self-preservation behaviour culture formation: conceptual approach. *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, (9-1(35)), pp. 59-62. (In Russian).
- [11] Meier, K., Glatz, T., Guijt, M. C., Piccininni, M., Meulen, M., Atmar, K.,... Zamanipoor Najafabadi, A. H. (2020). Public perspective on protective measures during the COVID-19 pandemic in the Netherlands, Germany and Italy: A survey study. *PLOS One*, 15(8), p. e0236917. (In English). DOI: 10.1371/journal.pone.0236917
- [12] Brooks, S. K., Webster, R. K., Smith, L. E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., & Rubin, G. J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *The Lancet*, 395(10227), pp. 912-920. (In English). DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
- [13] Koller, T. (2009). Addressing the socio-economic determinants of adolescent health: experience from the WHO/HBSC Forum 2007. *International Journal of Public Health*, 54(S2), pp. 278-284. (In English). DOI: 10.1007/s00038-009-5420-x
- [14] Holmes, E. A., O'Connor, R. C., Perry, V. H., Tracey, I., Wessely, S., Arseneault, L.,... Bullmore, E. (2020). Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: a call for action for mental health science. *Lancet Psychiatry*, 7(6), pp. 547-560. (In English). DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30168-1

- [15] Vatoropin, A. S., Latu, M. N., & Garaeva, E. I. (2021). Attitude of the Russians to self-isolation regime caused by the COVID-19 pandemic. *Management issues*, (3(70)), pp. 62-79. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-62-79
- [16] Ivanov, V. N., & Patrushev, V. I. (1999). *Social'nye tekhnologii*. Moscow, Soyuz Publ., 431 p. (In Russian).
- [17] Qiu, Y., Chen, X., & Shi, W. (2020). Impacts of social and economic factors on the transmission of coronavirus disease 2019 (COVID-19) in China. *Journal of Population Economics*, 33(4), pp. 1127-1172. (In English). DOI: 10.1007/s00148-020-00778-2
- [18] Alon, T., Doepke, M., Olmstead-Rumsey, J., & Tertilt, M. (2020). The impact of COVID-19 on gender equality. *Cambridge*, p. 69. (In English). DOI: 10.3386/w26947
- [19] Pareek, M., Bangash, M. N., Pareek, N., Pan, D., Sze, Sh., Minhas, J. S.,... Khunti, K. (2020). Ethnicity and COVID-19: an urgent public health research priority. *The Lancet*, 395(10234), pp.1421-1422. (In English). DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30922-3
- [20] Chen, Sh., Jones, P. B., Underwood, B. R., Moore, A., Bullmore, E. T., Banerjee, S.,... Cardinal, R. N. (2020). The early impact of COVID-19 on mental health and community physical health services and their patients' mortality in Cambridgeshire and Peterborough, UK. *Journal of Psychiatric Research*, 131, pp. 244-254. (In English). DOI: 10.1016/j.jpsychires.2020.09.020
- [21] Mongey, S., Pilossoph, L., & Weinberg, A. (2020). Which workers bear the burden of social distancing policies? *The Journal of Economic Inequality*, 19(3), pp. 509-526. (In English). DOI: 10.1007/s10888-021-09487-6
- [22] Inan, F., Yukselturk, E., Kurucay, M., & Flores, R. (2017). The impact of self-regulation strategies on student success and satisfaction in an online course. *International Journal on E-learning*, 16(1), pp. 23-32. (In English).
- [23] Shimanovskaya, Ya. V. (2020). Self-preservation behavior of Moscow residents during the COVID-19 pandemic. *Management Issues*, (5(66)), pp. 29-35. (In Russian). DOI: 10.22394/2304-3369-2020-5-29-35

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 06.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.

УДК 316.77

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-41-53

Социологическое исследование содержательных аспектов образа медицинской сестры

**Игнат Викторович Богдан, Светлана Юрьевна Кацаурова,
Дарья Павловна Чистякова**

*Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения г. Москвы, Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу особенностей восприятия сестринского дела — самой распространенной по численности сотрудников медицинской профессии в мире и образа медицинской сестры в массовом сознании москвичей. По результатам проведенного исследования были выделены и обобщены характерные черты «абстрактного» образа медсестры — современного специалиста сестринского дела, а также образа «конкретного», насыщенного ассоциациями, сформированными реальным опытом взаимодействия пациентов с медицинскими сестрами, и впитавшего разнообразные социальные стереотипы. Проведенный анализ собранной информации помог сформулировать выводы относительно текущего социального восприятия профессии, а также разработать практические рекомендации и обозначить перспективы формирования позитивного образа медицинской сестры в массовом сознании. Актуальный тренд развития профессии медицинской сестры в нашей стране связан с созданием условий для роста автономности сестринского персонала, расширением его функционала. Важно поддержать данную трансформацию профессии грамотными информационными кампаниями, направленными на повышение статуса профессии и ее престижа.

Ключевые слова: медицинская сестра, стереотип, образ специалиста, статус профессии, массовое сознание, престижность, восприятие

Для цитирования: Богдан, И. В. Социологическое исследование содержательных аспектов образа медицинской сестры / И. В. Богдан, С. Ю. Кацаурова, Д. П. Чистякова. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-41-53 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 41–53.

A sociological study of the nurse's image content aspects

Ignat V. Bogdan, Svetlana Yu. Katsaurova, Dariya P. Chistyakova

*Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department,
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the peculiarities of the perception of nursing, which is the most common medical profession in terms of the number of employees in the world, and the image of a nurse in the mass consciousness of Moscow residents. Based on the results of the study, the characteristic features of both the "abstract" image of a nurse as a modern nursing specialist, and also the "concrete" image, saturated with associations formed by the real experience of interaction between patients and nurses, as well as having absorbed various social stereotypes, were identified and summarized. The analysis of the collected information helped to formulate conclusions regarding the current social perception of the profession, as well as to develop practical recommendations and outline the prospects for the development of a positive image of a nurse in the mass consciousness. The current trend in the development of the profession of a nurse in our country is

associated with the creation of conditions for the vaster autonomy of nursing staff, the expansion of its functionality. It is important to support this transformation of the profession with competent information campaigns aimed at raising the status of the profession and its prestige.

Keywords: nurse, stereotype, image of a specialist, status of the profession, mass consciousness, prestige, perception

For citation: Bogdan, I. V., Katsaurova, S. Yu., & Chistyakova, D. P. (2023). A sociological study of the nurse's image content aspects. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 41-53. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-41-53

Введение

Сестринское дело для здравоохранения во многом является особенной профессией. Это самая распространенная по численности сотрудников медицинская профессия в нашей стране и в мире [1], с самого своего создания вносящая значимый вклад в работу системы здравоохранения. Еще основательница профессии «сестринское дело» Флоренс Найтингейл доказала важнейшую роль данных специалистов в снижении смертности [2].

Сегодня медсестры выполняют широкий перечень трудовых функций, включая оказание медицинской помощи, в том числе в экстренной форме, ведение документации, осуществление сестринского ухода и наблюдения за пациентами, проведение профилактических мероприятий, мероприятий по формированию здорового образа жизни и т. д. [3]. Это требует эффективного межличностного контакта с пациентом и его родственниками, создания благоприятной психологической атмосферы. В исследованиях отмечается, что медсестры проводят намного больше времени с пациентом, чем врачи, и тем не менее их работа часто бывает недооценена [4]. Сестринское дело, как мы видим, находится сегодня «в тени» врачебной профессии — мы почти не наблюдаем в медиа ярких лидеров сестринского дела, а СМИ в качестве эксперта скорее привлекут врача, даже по тем вопросам, где компетенции сестринского персонала могут быть выше. Несмотря на важность профессии, заслуженное уважение, высокая общественная оценка заслуг ее представителям зачастую достается в последнюю очередь, уже после врачей. Не последнюю роль здесь играет распространенное восприятие медицинской сестры исключительно как «помощника врача» [5–7], хотя данный специалист обладает в большинстве случаев своей собственной зоной ответственности, включающей «сестринский процесс».

Тематика сестринского дела представляет интерес именно социальными истоками сложившегося дисбаланса властных отношений в здравоохранении. Такое положение дел во многом сформировалось исторически, когда широкая представленность женщин в профессии привела к ассоциации сестринской профессии с «женской» [8–11], в связи с чем восприятие профессии во многом переняло негативный ряд аспектов социальных отношений «мужчина — женщина» того времени.

Совокупность указанных обстоятельств, их укоренение в профессиональной сфере привело впоследствии к значимому интересу к сестринской профессии среди зарубежных исследователей, многие из которых сами являлись медсестрами и в пробле-

матике сестринского дела, кроме прочего, видели проблему положения женщины в обществе в целом. В рамках данных исследований (в основном на материалах произведений искусства и СМИ) были выявлены яркие метафоры-образы медсестер, укорененные в массовом сознании, среди которых «ангел-хранитель», «помощник врача», «авторитарная медсестра», «чувственная медсестра» [5].

Обнаруживаемые негативные аспекты образа медицинской сестры отражаются в том числе на представлении о престижности профессии, мотивации ее выбора, видятся барьерами для выстраивания корректных и эффективных взаимоотношений в профессиональном коллективе (сестринский персонал и другие медицинские работники), влияют на доверие пациентов и, как следствие, на желание медицинских сестер оставаться в профессии.

В нашей стране, как показывает обзор литературы, работы, посвященные данной теме, почти не известны, а сама проблематика комплексного обозначения и изучения образа профессии практически не ставится. В отдельных работах, безусловно, рассматриваются частные аспекты образа профессии: восприятие медсестры в социальных медиа [6], искусстве [12], вопросы самовосприятия (автообраза) медсестры [13], восприятия ее коллегами [14], пациентами [15]. Однако количественных популяционных исследований, отвечающих на вопрос, каков образ медсестры в массовом сознании в целом, у других авторов найдено не было.

Исходя из этого, задачей данной работы является описание образа медицинской сестры в массовом сознании. Комплексный анализ образа специалиста может дать инсайты в области того, как понять причины и улучшить текущее положение дел, касающееся социального восприятия профессии.

Материалы и методы

Исследование было проведено в 2021 году на репрезентативной выборке населения Москвы старше 18 лет. Использован метод телефонного опроса с применением случайной двухосновной выборки номеров московского региона, объем выборки — 1 204 человека. Стратификация была проведена по полу и возрасту на основании данных Росстата. Данные были собраны компанией ООО «Спектр» по техническому заданию, разработанному авторами. Авторы проводили контроль сбора данных, принимали или отклоняли собранные анкеты, опираясь на формализованные критерии качества.

Была осуществлена комплексная обработка собранной информации (включая кодировку ответов на открытые вопросы) и расчет количественных абсолютных и относительных показателей. Список вопросов и кодировочные категории для открытых вопросов были разработаны на основании обзора литературы. Кодировка вопросов и обработка данных производилась авторами статьи.

Методология была направлена на то, чтобы в полной мере наполнить континуум «абстрактное — конкретное» для образа медицинской сестры: «абстрактный» образ можно связать с восприятием специалистов сестринского дела в целом, на уровне идеалистических и стереотипных образов, а «конкретный» — с соответствием представлений о медсестрах заданным характеристикам. Как правило, в данном случае происходит апелляция к реальному опыту взаимодействия со специалистами [16].

Для наполнения более абстрактных, стереотипных категорий применялись проективные методики, в частности открытый вопрос об ассоциациях с медсестрой. Соответствие конкретным характеристикам анализировалось с применением метода семантического дифференциала, а также с помощью закрытых вопросов.

Результаты и обсуждение

С одной стороны, медицину определенно можно отнести к области престижных и пользующихся социальным признанием сфер. Однако данный престиж может быть крайне неравномерно распределен между ее представителями. В таблице отображены результаты оценки респондентами престижности ряда профессий по 11-балльной шкале (до 0 до 10).

Уровень престижности профессий в восприятии москвичей, по убыванию среднего балла (исключая затруднившихся с ответом)

Воспринимаемый уровень престижности	Диапазон оценок			Средний балл
	От 0 до 4 баллов, %	От 5 до 7 баллов, %	От 8 до 10 баллов, %	
Врач-хирург	2	11	87	9,1
Программист	12	38	69	8,1
Юрист	13	36	51	7,1
Учитель	16	35	49	7,1
Бизнесмен/предприниматель	13	37	50	7,0
Военнослужащий	17	36	47	6,9
Участковый терапевт	19	39	42	6,6
Медсестра	23	45	32	6,2
Кассир	56	33	11	4,1

Из таблицы видно, что профессия медсестры воспринимается менее престижной, чем врача-терапевта, и обе эти профессии существенно проигрывают профессии врача-хирурга. Такое распределение может соотноситься с восприятием работы в стационаре (с которым прежде всего ассоциируется хирургия) как более престижной (38 %), чем в поликлинике (20 %). Можно предположить, что медсестра, работающая в больнице в хирургии, будет восприниматься как более статусная, чем та, которая работает в поликлинике.

Среди предложенных для сравнения разнообразных профессий медицинская сестра оценивается как наименее престижная после кассира. Минимальные баллы (0–4 балла) престижности сестринской профессии выставил почти каждый четвертый участник исследования (23 %). В то же время говорить о минимальной престижности также не приходится: полученная усредненная оценка престижности (6,2) находится в середине обозначенной шкалы (от 0 до 10).

С чем связаны такие невысокие оценки?

Во-первых, важно понимать, что само понятие престижности является многокомпонентным. А. А. Стельмах описывает структуру престижа профессии, вклю-

чающую ее основной, а не вспомогательный характер, наличие условий для самоутверждения личности, содержательность труда, а также высокий уровень заработной платы [17]. Безусловно, компоненты являются созависимыми, однако тот или иной главенствующий для респондента аспект мог оказать значимое влияние на его оценку. Далее будут обозначены представления о сестринской профессии, в том числе в контексте данных компонентов престижности.

Во-вторых, престиж профессии — это «оценка, которую выставляет общество не отдельным представителям профессионального сообщества, а его членам в совокупности» [17]. Результаты проведенного исследования также свидетельствуют в пользу того, что восприятие специалиста строится на образе представителей сестринского персонала в целом, а не конкретных ее представителей (84 % опрошенных отметили, что характеризовали не конкретную медсестру, а «всех медсестер в целом»). Таким образом, можно предполагать высокую роль стереотипизации в восприятии медсестер, сложившуюся в том числе под влиянием информационного поля.

Важно понять наполнение данных стереотипов. Ответ на вопрос о причинах отношения к медсестрам может дать анализ различных компонентов образа. Для этого в нашем исследовании респондентам было предложено ответить на вопрос об ассоциациях с медицинской сестрой.

Прежде всего наблюдается преобладание нейтральной тональности в упоминаемых ассоциациях (59 %). При этом положительное отношение к профессии выражено в том, что позитивные ассоциации заметно преобладают над негативными — они возникли у респондентов в 5 раз чаще (34 и 7 % соответственно). Пример такого рода позитива — ассоциации медсестры с помощью и спасением (15 %).

Основная группа ассоциаций касается функционала и выполнения рабочих задач (29 %), включая «уколы», «массаж», «анализы», «уход», «общение с пациентами». При этом важно обратить внимание на то, что ассоциации, связанные с автономными функциями профессии, почти не назывались, а «уход», который можно считать существенным аспектом сестринской профессии, упоминался всего в 2 % случаев. Также характерно, что в 5 % случаев москвичи путали медсестру с другими специалистами, например с фельдшерами, что также говорит о несформированности образа и не самой высокой престижности профессии.

Выражена (14 %) ассоциация с помощником врача (также упоминаемая в литературе [5–7]), притом что в стандартах профессии «ассистирование врачу» — это лишь один пункт из множества обязанностей [3], к тому же характерный не для всех сестринских позиций. Кроме того, обязанности по «выполнению назначений врача» не обязательно ставят медсестер в подчинение доктору, также как не ставит человека в подчиненное положение от врача следование его назначениям самостоятельно (например, прием определенных лекарств). Стереотипное представление о медсестре как помощнике врача — одно из самых устойчивых [7], при этом оно не соответствует тому, в какую сторону движется развитие сестринской профессии [18]. Например, ВОЗ говорит сегодня о существенной необходимости развития лидерства в сестринском деле [1], которое сложно реализовать при образе «помощника врача». В связи с изложенным неудивительно, что дискурс об автономии сестринского дела сегодня широко обсуждается в литературе [19].

Внешние атрибуты (одежда, пол, возраст, признаки принадлежности профессии и др.) незначительно уступают функционалу по частоте упоминаний (24 %). В первую очередь медсестры ассоциируются с полом — девушками и женщинами (13 %). Отдельно 2 % отметили ассоциации с внешней привлекательностью, что определенно соответствует стереотипу «чувственной медсестры» [5–7; 20]. При этом метаданные (аудиозаписи разговоров) позволяют предполагать, что в реальности таких ассоциаций больше, однако они не всегда декларируются вследствие социальной нежелательности.

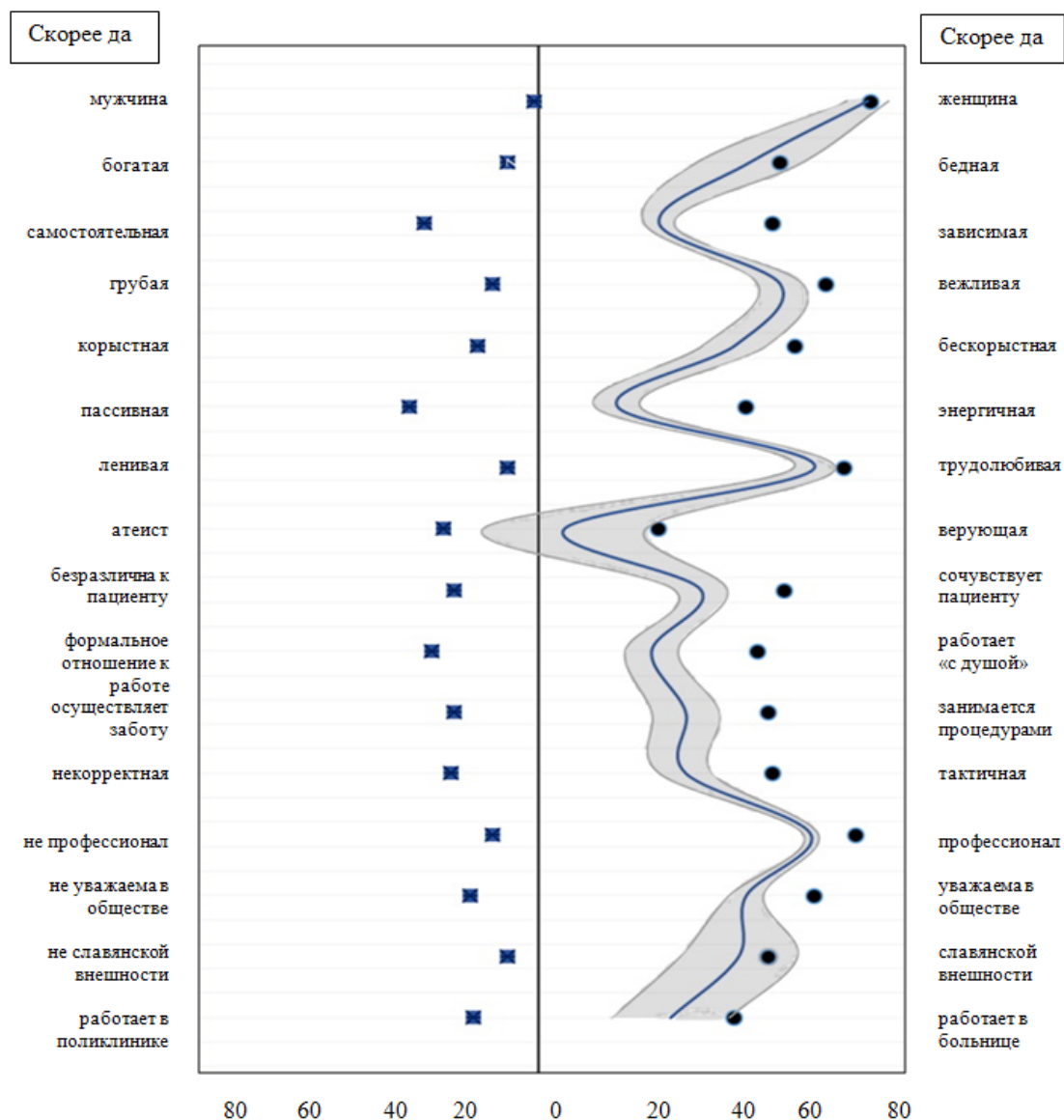

Рис. 1. Профиль типичного представителя сестринского дела, медсестры, в % (характеристики, ассоциируемые с типичными представителями сестринского дела)

В целом мы видим такие ассоциации как следствие восприятия сестринской профессии как «женской». Кроме акцента на внешности «женская» оптика восприятия

приводит к приоритету личного над профессиональным. Ассоциации с личными качествами (18 %) упоминаются в два раза чаще, чем профессиональные (9 %). Это соотносится со стереотипным восприятием профессии медсестры как «женской», требующей соответствующих личных качеств и связанной с отношениями «человек — человек», в свою очередь связанными с уходом и заботой [8].

Более «конкретный» образ медицинской профессии, обнаруженный с помощью выбора одного из двух противоположных вариантов (количественный подход в противоположность качественному при исследовании «абстрактного» образа), подтверждает и уточняет «абстрактный» образ (рис. 1).

Точки на графике (квадратной и круглой формы) показывают доли респондентов, выбравших ту или иную характеристику медсестры (сумма процентов не равна 100 %, так как не показано число затруднившихся ответить на данный вопрос). Кривая демонстрирует преобладающее мнение (разницу между долями выбравших ту или иную характеристику медсестры: правое или левое суждение). Соответственно, чем больше кривая отклоняется от 0 и меньше от ближайшей точки, тем большей устойчивостью обладает данная характеристика в массовом сознании (например, «бедная», «трудолюбивая», «вежливая»). Серая плоскость у кривой обозначает степень влияния неопределенных оценок (группы затруднившихся с ответом), чем плоскость шире, тем больше «размыты» преобладающие мнения, и говорить об устойчивости образа в данном случае не приходится (например, «работает в больнице» — «работает в поликлинике», «атеист» — «верующая»). Для оценки устойчивости образа, как и указывалось, учитывалась разница между долями выбравших различные характеристики, а также доля затруднившихся ответить: признавалось, что они велики и значимы, если их значение превышало медианное значение по всем изученным характеристикам: медиана для «кривой» равна 47,5 %; для затруднившихся — 14 %.

Данные исследования подтверждают восприятие профессии как «женской», также среди устойчивых в массовом сознании образов преобладают положительные качества: трудолюбие, вежливость, профессионализм и уважение (но не престижность) в обществе.

Вместе с тем медсестра в большей степени воспринимается как скорее «бедная», неоднозначны суждения относительно ее самостоятельности и активности (дихотомия «энергичная» — «пассивная»). Указанные негативные черты, как видится, существенно влияют на восприятие престижа профессии.

Также ряд черт, таких как религиозность представителей профессии, их отношение к работе, не являются четко определенными в массовом сознании. Распространенность мнения о формальном отношении к работе может быть обоснована представлениями о трудности работы и высокой загруженности специалистов (в информационном поле сегодня широко освещаются вопросы нехватки персонала [21]).

Также более конкретный образ медсестры раскрывается в согласии или несогласии москвичей с определенными утверждениями о профессии, которые указывают на особенности восприятия медсестры с точки зрения характера труда, уровня компетенций, знаний, навыков и места работы (рис. 2).

Рис. 2. Оценка профессиональных задач и личностных особенностей медсестры, в % (исключен ответ «затрудняюсь ответить»)

Приведенные на рисунке 2 результаты также демонстрируют причины невысокого престижа профессии, в частности меньшего престижа относительно врачебной профессии. Большинство опрошенных сегодня считают, что основная задача медсестры — помогать врачу, что коррелирует с выраженным «зависимым» восприятием специалиста. О низком статусе медицинской сестры именно относительно врача говорит достаточно выраженная доля (22 %) согласившихся с высказыванием, что медсестры — это те, кому не удалось стать врачами. Также показательно, что только каждый пятый готов мириться с грубым поведением медсестры, если получает необходимую медицинскую помощь (21 %), тогда как в случае врача этот процент значительно выше (37 %).

Интересен тот факт, что 76 % отметили приоритет профессионализма над внешним видом специалиста («мне не важно, как внешне выглядит медсестра, если она хорошо выполняет свою работу»), тогда как «абстрактный» образ свидетельствует об обратном, об основополагании внешнего вида в представлениях о профессии. Мы предполагаем социальную желательность ответа в рамках «конкретного» образа.

Показательны и другие высоко разделяемые высказывания, которые складывают образ медсестры: что, с одной стороны, это работа, требующая призвания и тяжелого обучения, а с другой — тяжелый и неблагодарный труд, что не прибавляет престижа в общественном восприятии в целом.

Более вежливыми и компетентными считают скорее медсестер частной медицины, что соотносится с тем, что 53 % опрошенных вообще считают более престижной работу в частных клиниках. При этом в реальности большинство респондентов чаще обращаются как раз не в частные, а в государственные организации (59 %). Более частое столкновение с «менее престижной» стороной медицины может негативно влиять на формирование образа медицинской сестры.

Выводы

В целом по итогам исследования мы видим «среднее», с уклоном в сторону позитивного, отношение к сестринской профессии и примерно такой же уровень ее престижа. Восприятие образа медицинской сестры на уровне прямых и проективных вопросов в целом коррелируют друг с другом, за исключением более глубоких гендерных стереотипов, связанных с интересом к внешности медсестры как представительницы «женской» профессии.

Представление о профессии как об уважаемой и требующей призвания и восприятие ее представителей как вежливых, трудолюбивых и профессиональных склоняют оценку в сторону позитива.

С другой стороны, эти позитивные стороны во многом перечеркиваются восприятием недостаточного признания роли сестринского дела, невысоким доходом представителей профессии. Также важный негативный фактор, не прибавляющий престижа профессии, — неоднозначные суждения о самостоятельности, автономности в целом, убеждения о второстепенной роли специалиста относительно врачебного персонала.

Существование такого негативного восприятия в противоположность тому, что рост автономии специалистов сестринской профессии сегодня становится трендом, призывает к учету важности освещения возможностей и условий для автономности сестринского персонала при проведении информационных кампаний, направленных на популяризацию профессии.

Позиционирование медсестры как профессионала должно проводиться как минимум не в меньшей степени, чем встречаемое сегодня позирование в инфокампаниях медсестры как человека с выдающимися душевными качествами. Последнее может приводить к восприятию медсестры как «просто доброй женщины в медицине», скорее волонтера, чем работника, с непонятным функционалом и карьерными перспективами (негативные эффекты метафоры «ангела-хранителя» [7]).

При этом трансформация образа в массовом сознании должна как минимум сопровождаться или даже следовать за трансформацией образа у коллег, а также законодательно закрепленными возможностями для расширения функционала. Коллеги должны признавать право медсестер на автономию в ряде областей, а новые порядки должны со-

здавать условия и возможности для расширения функциональных обязанностей после соответствующего обучения и с соответствующим материальным стимулированием.

Список источников

- [1] Состояние сестринского дела в мире, 2020 г. : Вложение средств в образование, рабочие места и воспитание лидеров. – Женева : Всемирная организация здравоохранения, 2020. – 118 с. – Текст : непосредственный.
- [2] Коэн, Б. Флоренс Найтингейл / Б. Коэн. – Текст : непосредственный // В мире науки. – 1984. – № 4. – С. 80–88.
- [3] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 июля 2020 г. № 475н «Об утверждении профессионального стандарта «Медицинская сестра / медицинский брат»». – Текст : электронный // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – 2020. – 9 сен. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74500092/> (дата обращения: 30.12.2022).
- [4] Великанова, Л. П. Роль медсестер в формировании терапевтической среды / Л. П. Великанова, Е. И. Гришина. – DOI 10.29296/25879979-2018-01-01. – Текст : непосредственный // Медицинская сестра. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 3–5.
- [5] Bridges, J. M. Literature review on the images of the nurse and nursing in the media / J. M. Bridges. – DOI 10.1111/j.1365-2648.1990.tb01917.x. – Direct text // Journal of Advanced Nursing. – 1990. – Vol. 15, Issue 7. – P. 850–854.
- [6] Darbyshire, Ph. Exploring Popular Images and Representations of Nurses and Nursing / Ph. Darbyshire, S. Gordon. – Direct text // Professional Nursing : Concepts, Issues, and Challenges, Springer. – New York : Springer Publishing Company, 2005. – P. 69–92.
- [7] Богдан, И. В. Четыре «больших» стереотипа о медицинских сестрах в массовом сознании : по материалам анализа сообщений москвичей в социальных медиа / И. В. Богдан, М. В. Гурьлина. – DOI 10.32687/0869-866X-2019-27-si1-552-558. – Текст : непосредственный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2019. – Т. 27, № 5. – С. 552–558.
- [8] Arif, Sh. A historical glance : Challenges for male nurses / Sh. Arif, S. Khokhar. – Direct text // Journal of the Pakistan Medical Association. – 2017. – Vol. 67, Issue 12. – P. 1889–1894.
- [9] Ozdemir, A. Gender and career : female and male nursing students' perceptions of male nursing role in Turkey / A. Ozdemir, N. Akansel, G. C. Tunk. – Direct text // Health science journal. – 2008. – Vol. 2, Issue 3. – P. 153–161.
- [10] The image of nursing, as perceived by Iranian male nurses / L. Valizadeh, V. Zamanzadeh, M. M. Fooladi [et al.]. – DOI 10.1111/nhs.12101. – Direct text // Nursing and Health Sciences. – 2014. – Vol. 16, Issue 3. – P. 307–313.
- [11] Galbany-Estragués, P. Care, Autonomy, and Gender in Nursing Practice : A Historical Study of Nurses' Experiences / P. Galbany-Estragués, D. Comas-d'Argemir. – DOI 10.1097/JNR.000000000000184. – Direct text // Journal of Nursing Research. – 2017. – Vol. 25, Issue 5. – P. 361–367.

- [12] Правдиковская, Е. Н. Образ сестры милосердия в русской литературе конца XIX — начала XX вв. / Е. Н. Правдиковская. – Текст : непосредственный // Наука и школа. – 2011. – № 3. – С. 141–143.
- [13] Андриянова, Е.А. Социально-профессиональный статус медицинских сестер в контексте инновационных преобразований в сестринской практике / Е. А. Андриянова, О. Ю. Алешкина, Е. В. Засыпкина // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 491–494.
- [14] Максудова, Ю. В. Какие они — современные медицинские сестры? / Ю. В. Максудова, В. В. Ефремова. – Текст : непосредственный // Труды III Форума с международным участием «Социология здоровья : уроки пандемии и контуры будущего здравоохранения», Москва, 23 ноября 2021 г. – Москва : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ». – 2021. – С. 63.
- [15] Опыт организации контроля качества сестринской деятельности в терапевтическом стационаре / В. В. Масляков, В. А. Левина, И. В. Романова, Н. М. Нехотящая. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 9–3. – С. 404–408.
- [16] Богдан, И. В. Изменился ли образ врача в пандемию? / И. В. Богдан, А. А. Дренева, Д. П. Чистякова. – Текст : непосредственный // Труды III Форума с международным участием «Социология здоровья : уроки пандемии и контуры будущего здравоохранения», Москва, 23 ноября 2021 г. – Москва : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ». – 2021. – С. 47–48.
- [17] Стельмах, А. А. Престиж профессии как один из элементов, формирующих систему координат ценностного отношения к профессии / А. А. Стельмах. – Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60–3. – С. 310–313.
- [18] Attitudes toward expanding nurses' authority / H. Kerzman, D. Van Dijk, L. Eizenberg [et al.]. – Text : electronic // Israel Journal of Health Policy Research. – 2015. – Vol. 4, Issue 19. – URL: <https://doi.org/10.1186/s13584-015-0005-z>
- [19] Varjus, S.-L. Professional autonomy of nurses in hospital settings — a review of the literature / S.-L. Varjus, H. Leino-Kilpi, T. Suominen. – DOI 10.1111/j.1471-6712.2010.00819.x. – Direct text // Scandinavian Journal of Caring Sciences. – 2011. – Vol. 25, Issue 1. – P. 201–207.
- [20] Kailsch, B. J. The nurse as a sex object in motion pictures, 1930 to 1980 / B. J. Kailsch, P. A. Kalisch, M. L. McHugh. – DOI 10.1002/nur.4770050306. – Direct text // Research in Nursing And Health. – 1982. – Vol. 5, Issue 3. – P. 147–154.
- [21] Голикова признала нехватку врачей и медицинских сестер в системе здравоохранения. – Текст : электронный // МК.ru : Электронное периодическое издание. – 2021. – 27 окт. – URL: <https://www.mk.ru/social/health/2021/10/27/golikova-priznala-nekhvatku-vrachey-i-medsester-v-sisteme-zdravookhraneniya.html> (дата обращения: 30.12.2022).

References

- [1] State of the world's nursing 2020: investing in education, jobs and leadership. (2020). Geneva, World Health Organization, 118 p. (In Russian).

- [2] Cohen, B. (1984). Florence Nightingale. *Scientific American*, (4), pp. 80-88. (In Russian).
- [3] Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity RF ot 31 iyulya 2020 g. № 475n Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Meditsinskaya sestra / meditsinskiy brat" (In Russian). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74500092/>.
- [4] Velikanova, L. P., & Grishina, E. I. (2018). The role of health workers in generating a treatment-and-rehabilitation setting. *Meditsinskaya sestra*, 20(1), pp. 3-5. (In Russian). DOI: 10.29296/25879979-2018-01-01
- [5] Bridges, J. M. (1990). Literature review on the images of the nurse and nursing in the media. *Journal of Advanced Nursing*, 15(7), pp. 850-854. (In English). DOI: 10.1111/j.1365-2648.1990.tb01917.x
- [6] Darbyshire, Ph., & Gordon, S. (2005). Exploring Popular Images and Representations of Nurses and Nursing. *Professional Nursing: Concepts, Issues, and Challenges*, Springer, New York, Springer Publishing Company, pp. 69-92. (In English).
- [7] Bogdan, I. V., & Gurylina, M. V. (2019). Four "big" stereotypes on nurses in mass consciousness: on the materials of the Moscow people opinion analysis in social media. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 27(S), pp. 552-558. (In Russian). DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-si1-552-558
- [8] Arif, Sh., Khokhar, S. (2017). A historical glance: Challenges for male nurses. *Journal of the Pakistan Medical Association*, 67(12), pp. 1889-1894. (In English).
- [9] Ozdemir, A., Akansel, N., & Tunk, G. C. (2008). Gender and career: female and male nursing students' perceptions of male nursing role in Turkey. *Health science journal*, 2(3), pp. 153-161. (In English).
- [10] Valizadeh, L., Zamanzadeh, V., Fooladi, M. M., Azadi, A., Negarandeh, R., & Monadi, M. (2014). The image of nursing, as perceived by Iranian male nurses. *Nursing and Health Sciences*, 16(3), pp. 307-311. (In English). DOI: 10.1111/nhs.12101
- [11] Galbany-Estragués, P., Comas-d'Argemir, D. (2017). Care, Autonomy, and Gender in Nursing Practice: A Historical Study of Nurses' Experiences. *Journal of Nursing Research*, 25(5), pp. 361-367. (In English). DOI: 10.1097/JNR.000000000000184
- [12] Pravdikovskaya, E. N. (2011). The image of a nurse in the Russian literature of the late 19th - early 20th centuries. *Science and School*, (3), pp. 141-143. (In Russian).
- [13] Andriyanova, E. A., Aleshkina, O. Yu., & Zasyapkina, E. V. (2011). Social and professional status of nurses in a context of innovative reforms in nursing practice. *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 7(2), pp. 491-494. (In Russian).
- [14] Maksudova, Yu. V. (2021). Kakie oni - sovremennye meditsinskie sestry? Trudy III Foruma s mezhdunarodnym uchastiem "Sotsiologiya zdorov'ya: uroki pandemii i kontury budushchego zdavookhraneniya". Moscow, GBU "NIOZMM DZM" Publ., p. 63. (In Russian).
- [15] Maslyakov, V. V., Levina, V. A., Romanova, I. V., & Nehotyachaya, N. M. (2013). Experience of the organization of quality control of sestriynskoy of activity in the therapeutic hospital. *The fundamental researches*, (9-3), pp. 404-408. (In Russian).
- [16] Bogdan, I. V. (2021). Izmenilsya Li obraz vracha v pandemiyu? Trudy III Foruma s mezhdunarodnym uchastiem "Sotsiologiya zdorov'ya : uroki pandemii i kontury budushchego zdavookhraneniya". Moscow, GBU "NIOZMM DZM" Publ., pp. 47-48. (In Russian).

- [17] Stelmakh, A. A. (2018). The prestige of the profession as one of the elements that form the coordinate system of value attitude to the profession. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, (60-3), pp. 310-313. (In Russian).
- [18] Kerzman, H., Van Dijk, D., Eizenberg, L., Khaikin, R., Phridman, Sh., Siman-Tov, M., & Goldberg, Sh. (2015). Attitudes toward expanding nurses' authority. *Israel Journal of Health Policy Research*, 4(19). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1186/s13584-015-0005-z>
- [19] Varjus, S.-L., Leino-Kilpi, H., & Suominen, T. (2011). Professional autonomy of nurses in hospital settings - a review of the literature. *Scandinavian Journal of Caring Sciences*, 25(1), pp. 201-207. (In English). DOI: 10.1111/j.1471-6712.2010.00819.x
- [20] Kailsch, B. J., Kalisch, P. A., & McHugh, M. L. (1982). The nurse as a sex object in motion pictures, 1930 to 1980. *Research in Nursing And Health*, 5(3), pp. 147-154. (In English). DOI: 10.1002/nur.4770050306
- [21] Golikova priznala nekhvatku vrachey i meditsinskikh sester v sisteme zdravookhraneniya (2021). (In Russian). Available at: <https://www.mk.ru/social/health/2021/10/27/golikova-priznala-nekhvatku-vrachey-i-medsester-v-sisteme-zdravookhraneniya.html>.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2023; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 31.01.2023; accepted for publication 13.02.2023.

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-54-65

Управленческая культура автомобильного центра: социологический анализ

Ильиных Светлана Анатольевна

Кафедра социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования управленческой культуры автомобильного центра связана с тем, что в рамках социологии достаточно редко исследуются такие объекты. В статье рассматриваются особенности управленческой культуры и автомобилизации. В феномене «управленческая культура» объединяются и управление, и культура. В связи с этим важно одновременное изучение управленческих и культурных аспектов. Наиболее полно описывает управленческую культуру как самостоятельный социальный феномен М. А. Васьков. Ученый представляет ее в виде системы из ценностей и определяемых этими ценностями методов управленческой деятельности. Что касается автомобилизации, то в российской социологии эта проблематика изучена достаточно слабо. Автомобилизация активно исследуется в зарубежной социологии. Здесь представлена широкая палитра интересных исследований. Автомобилизация трактуется как феномен общества потребления, как социальный конструкт стилей жизни, поведенческих практик и многих других аспектов. Управленческая культура автомобильных центров в российской социологии практически не исследована. В статье представлены материалы эмпирического исследования. Интерес к материалам статьи могут проявить те, кто занимается исследованием управленческой культуры, а также вопросами социологии автомобилизации.

Ключевые слова: управленческая культура, автомобилизация, автомобильный центр, ценности, адаптация

Для цитирования: Ильиных, С. А. Управленческая культура автомобильного центра: социологический анализ / С. А. Ильиных. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-54-65 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 54–65.

Management culture of the automobile center: a sociological analysis

Svetlana A. Ilynykh

Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. The relevance of the research of the management culture of the automobile center is due to the rarity of the study of such objects. The article discusses the features of both managerial culture and motorization. Management and culture are combined in the phenomenon of managerial culture. In this regard, it's important to simultaneously study managerial and cultural aspects. M. A. Vaskov describes managerial culture most fully as an independent social phenomenon. The scientist presents it in the form of a system of values and methods of managerial activity determined by these values. As for motorization, this problem has been studied rather poorly in Russian sociology. Automation is actively researched in foreign sociology. The sociology of motorization presents new interesting researches in the aspects of consumption, the construction of new life styles and identities, global and local cultural practices, political strategies, human rights and many other aspects. The managerial culture of automobile centers in Russian sociology hasn't been practically studied. The article presents the materials of an empirical study. The materials of the article may be of interest to anyone who is engaged in the study of managerial culture, as well as issues of the sociology of motorization.

Keywords: management culture, motorization, automobile center, values, adaptation

For citation: Плыных, С. А. (2023). Management culture of the automobile center: a sociological analysis. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 54-65. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-54-65

Введение

Повседневная жизнь человека наполнена множеством социальных практик, которые стали обыденными. Но вместе с тем некоторые практики требуют к себе большего внимания. С нашей точки зрения, к числу таковых можно отнести то, что связано с автомобилизацией. Сама по себе автомобилизация не является новым феноменом, но сегодня она сопровождается новым смыслом, значением, маркировкой того, что с ней связано. Несмотря на кажущуюся прозрачность и рациональность процессов, сопровождающих автомобилизацию, существует множество скрытых символов, которые понятны одним и непонятны другим. Отчасти это спровоцировано вхождением в общество потребления и изменением потребностей человека, переориентацией их не только на удобство, но и на статус, престижность. В связи с этим актуальными являются вопросы исследования того, что связано с автомобилизацией. К одному из таких вопросов относятся автомобильные центры, которые призваны осуществлять сервисные услуги.

Отметим, что в социологии мало исследуется как тематика автомобилизации, так и тематика автоцентров. Как нам представляется, исследование автоцентров с позиции социологии возможно в контексте исследования их управленческой культуры.

Управленческая культура как феномен исследуется российскими и зарубежными учеными достаточно давно. Вместе с тем по-прежнему остаются неисследованными те или иные аспекты этого феномена. Особенно это касается тех случаев, когда речь идет об управленческой культуре организаций, которые нечасто являются объектом исследования социологов. К примеру, одним из таких объектов является автомобильный центр.

В связи с этим актуальными являются два вопроса. Во-первых, описание особенностей автомобильного центра в социологическом разрезе. Во-вторых, представление подходов к понятию управленческой культуры.

Отметим, что вопросы управленческой культуры в большей или меньшей степени раскрыты в социологической науке, в то время как социологическое исследование автомобильных центров встречается не так часто. Справедливости ради стоит отметить, что тема автомобилизации не является совершенно новой. Автомобилизация раскрывается в контексте культуры повседневности. Так, Р. Кононенко касается таких аспектов, как автомобильная культура, технологизация транспорта и др. Автор анализирует социологию автомобилизации, в большей мере развитую в зарубежной социологии. Здесь представлена широкая палитра интересных исследований. Автомобилизация трактуется как феномен общества потребления, как социальный конструкт стилей жизни, поведенческих практик и многих других аспектов [1].

Р. Кононенко вводит в оборот понятие «культура автомобильности». Такая культура сочетает и автономию, и солидарность. В контексте рассмотрения нашей про-

блематики данное понятие играет определенную роль. Как нам представляется, именно культура автомобильности влияет на то, каким сервисом будет пользоваться владелец автомобиля. И здесь можно увидеть то, что тип культуры автомобильности конкретного владельца в определенной степени влияет на культуру управления того автомобильного центра, которым пользуется автовладелец. Отметим, что тип культуры автомобильности зависит от широкого спектра факторов, включая общую культуру общества, национальную культуру, ценностно-нормативную систему взаимодействия потребителя автоуслуги и автоцентра. С этой точки зрения культура автомобильности весьма неоднородна. Она зависит и от жизненных стилей автовладельцев, и от их профессиональной принадлежности, и от статусности.

Социально значимые маркеры высокого или низкого социального статуса важны в отношении автомобильного потребления. По мере насыщения отечественного рынка импортными товарами резко возросла роль автомобилей как товара, символическую ценность которого очень трудно подделать [1].

Выстраивая нить рассуждений дальше, можем отметить, что чем выше культура автомобильности, тем выше требовательность автовладельца ко многим аспектам, включая и автосервис. Это связано с тем, что автовладельцу с высокой культурой автомобильности важно не просто получить услугу, но и удовлетворить целый спектр человеческих потребностей, начиная с потребности в безопасности, признании, заканчивая потребностью в самопрезентации и счастье. С этой точки зрения управленческая культура автомобильного центра, безусловно, должна быть нацелена на удовлетворение этих потребностей.

Хотелось бы отдельно остановиться на такой потребности, как потребность автолюбителя в счастье. Это не всеобщее и всепоглощающее состояние. Счастье касается лишь того, чтобы автомобиль был в исправности, для чего и обращается автолюбитель в автосервис. В связи с этим весьма важным является не только техническое оказание услуги, но и, как ни странно, удовлетворение потребности автолюбителя в таком виде счастья.

Отметим, что тематика автомобилизации в отечественной социологии начала развиваться еще в 1981 году в работах В. Т. Ефимова [2], А. П. Ноздрякова [3]. Впоследствии эта тематика получила развитие в автомобильной социологии, социологии техники.

В зарубежной науке опубликован ряд монографий, касающихся изучения «автомобиля в глобализационном контексте», С. Бом, К. Джонс [4], Д. Эппльярд, К. Линч [5], Дж. Флинк [6], В. Шарфф [7], М. Шеллер, Дж. Урри [8; 9].

Однако работ, посвященных современному исследованию автомобилей и сервисов, связанных с их обслуживанием, практически нет.

Другой актуальный вопрос, как мы указывали выше, — это управленческая культура. В этом феномене соединяется и управление, и культура, поэтому важно одновременное изучение управленческих и культурных аспектов.

Управленческая культура исследуется такими учеными, как Л. Н. Госсельбах [12], Е. В. Павлова [13], Д. М. Паньков [14], Д. Г. Передня [15], А. Я. Строилова [16], Т. А. Третьякова [17], А. И. Юркевич [18], А. Н. Ядрищенский [19].

Основная идея, которая объединяет мнения ученых, состоит в том, что управленческая культура вбирает в себя совокупность таких элементов культуры, как ценно-

сти, нормы, образцы поведения. На основании этой совокупности определяются методы управленческой деятельности.

Наиболее полно описывает управленческую культуру как самостоятельный социальный феномен М. А. Васьков. Ученый представляет ее в виде системы из ценностей и определяемых этими ценностями методов управленческой деятельности [10]. Поддерживает данную идею и другой отечественный ученый. По мнению А. Н. Митина, управленческая культура представляет собой совокупность идей, взглядов, ценностей, а также методов и приемов управленческой деятельности [11].

Несмотря на кажущуюся прозрачность и рациональность управленческой культуры, в ней отражается множество неочевидных смыслов. Так, именно благодаря культуре управления происходит преобразование организации. Если мы применим это к автомобильному центру, то можем отметить, что в нем создается особая среда, которая не только будет благоприятна для членов коллектива, но привлекает автовладельцев.

Управленческая культура способствует формированию оптимальных вертикальных и горизонтальных управленческих связей между руководством и подчиненными. В отношении автоцентра это означает, что не только руководство определяет стратегические и тактические задачи подчиненным, но и сотрудники могут предлагать свое видение.

Важным является то, что ценности и нормы, формируемые посредством управленческой культуры, воплощаются в повседневных практиках. Именно ценностно-нормативный аспект управленческой культуры проявляется в отношениях автовладельцев и сотрудников автоцентров. Обратим внимание на то, что благодаря ценностно-нормативному аспекту управленческой культуры автовладельцы ощущают коллективную солидарность. Иными словами, автовладелец не только получает автоуслугу, но и солидаризируется со многими акторами автомобилизации — коллегами, сотрудниками автосервиса и т. д. Если этот аспект культуры управления является слабым, то коллективная солидарность именно с этим автоцентром не формируется.

Коммуникативный аспект культуры управления также значим для построения эффективной команды и налаживания коммуникационных процессов внутри организации и с клиентами. Что касается культуры управления автоцентров, то в данном случае актуальными являются практики выстраивания коммуникации на всех стадиях взаимодействия с клиентом. Безусловно, в процессе взаимодействия возможны конфликтные ситуации. Но они или успешно разрешаются благодаря наличию сильной культуры управления, или, напротив, усугубляются, если культура управления слабая. Управленческая культура именно в аспекте коммуникации сотрудников автосервиса и клиентов автосервиса способствует статусному признанию клиента, его самопрезентации.

Обратим внимание на то, что управленческая культура занимает особое место в процессе формирования внутренней стабильности организации. При этом внутренняя стабильность организации всегда находит и внешнее проявление, которое становится доступным клиентам автомобильного центра.

Специфика управленческой культуры в том, что она вбирает в себя не только культуру управления организацией, но и личную культуру руководителя. Культура управления организацией — это практически все «видимые» и «невидимые» аспекты

управления. Это и ценности, нормы, принятые и транслируемые в организации, и культура взаимодействия как с персоналом, так и с клиентами, клиентоцентрированность и т. д. А личная культура руководителя — это стиль управления, культура общения, управленческие знания, управленческий опыт и др. К культуре управления относятся результативность в реализации принятых решений, умение управлять инновационными направлениями, умение генерировать идеи.

Дополним эти идеи в отношении управленческой культуры автомобильного центра таким аспектом, как соблюдение дисциплины в повседневных практиках. Этот аспект крайне важен, поскольку влияет на рабочий процесс, на клиентоориентированность. Готовность соблюдать принятые стандарты и правила, регламентирующие дисциплину, — это то, что определяется стилем руководства, культурой взаимодействия с сотрудниками автосервиса.

Стоит отметить, что именно на уровне управленческой культуры автоцентра происходит влияние на такую социальную практику, как автомобильное потребление. Благодаря этой культуре или эффективно реализуются функции автомобильного потребления, или, напротив, нарушаются. Функции достаточно простые — это утилитарность и символизм. Безусловно, они уже дифференцируются по социально-демографическим параметрам и по вкусовым предпочтениям. Но тем не менее в процессе взаимодействия с персоналом автоцентра компоненты культуры автомобильного потребления актуализируются или не актуализируются. Дело в том, что, обращаясь на обслуживание в автомобильный центр, автовладелец получает не только реальную услугу, но и символические ценности — подтверждение своего статуса, престижа. Иными словами, за коммерческими категориями стоимости, качества, иными техническими достоинствами автомобиля стоят символические ценности, которые в идеальном варианте должны быть «расшифрованы» сотрудниками автосервиса.

Безусловно, в управленческой культуре автоцентра должны транслироваться такие ценности, как надежность, безопасность, компетентность, учтивость, готовность предоставить услугу.

В связи с этим актуальным является исследование того, какие ценности, нормы существуют в управленческой культуре автоцентра, и какие методы управленческой деятельности воплощаются в повседневных практиках. Укажем, что все рассмотренные в теоретической части аспекты не представляется возможным раскрыть в эмпирической части работы. Остановимся на некоторых из них.

Методы исследования

С целью изучения управленческой культуры автомобильного центра в мае – июне 2022 года в Новосибирске проведено социологическое исследование. В качестве методов исследования использовались анкетирование персонала и интервьюирование экспертов. В исследовании приняли участие 70 опрошенных (сплошной опрос) и 5 экспертов. Возраст респондентов варьировал от 18 до 33 лет, мужчин (81 %), женщин (19 %). В рамках статьи представим некоторые результаты исследования.

Результаты и обсуждение

Автомобильный центр оказывает сервисное обслуживание автомобилей. Клиенты автосервиса являются заказчиками услуг и одновременно субъектом принятия решений по выбору средств и программы оказания сервисных услуг. В связи с этим важно изучить, каких ценностей и принципов придерживаются сотрудники автосервиса. На вопрос о том, какие ценности существуют в автомобильном центре, 18,4 % указали клиентоориентированность, 15,4 % — ответственность, 11,4 — конкурентоспособность. Интересно, что самостоятельность отметили в 3,5 % случаев, творческий подход — в 1,0 %, новаторство — в 0,5 %. Наличие таких ценностей, вероятно, можно объяснить тем, что в автомобильном центре персонал работает с автомобилями разного ценового сегмента: как с бюджетными, так и с дорогостоящими. Поэтому обслуживание, например, дорогостоящих автомобилей требует в большей мере профессионализма, чем просто новаторства. Кроме того, важно сохранять репутацию организации.

Одним из инструментов управленческой культуры является адаптация новых сотрудников. 76,8 % опрошенных полагают, что в автомобильном центре проводится хорошая работа по адаптации новичков, чтобы они быстро влились в коллектив. Примерно каждый пятый испытал затруднения с ответом, 3 % отметили недостаточную работу по адаптации. Эксперты подтверждают то, что в автоцентре имеется хорошо отработанная система обучения и адаптации новых сотрудников: *«сначала новичок проходит собеседование, потом мы прикрепляем к нему менеджера контроля качества, который его курирует»*.

Как показатель успешной управленческой культуры можно считать уровень сплоченности коллектива. Изучение этого вопроса показывает, что коллектив достаточно сплочен (рис. 1).

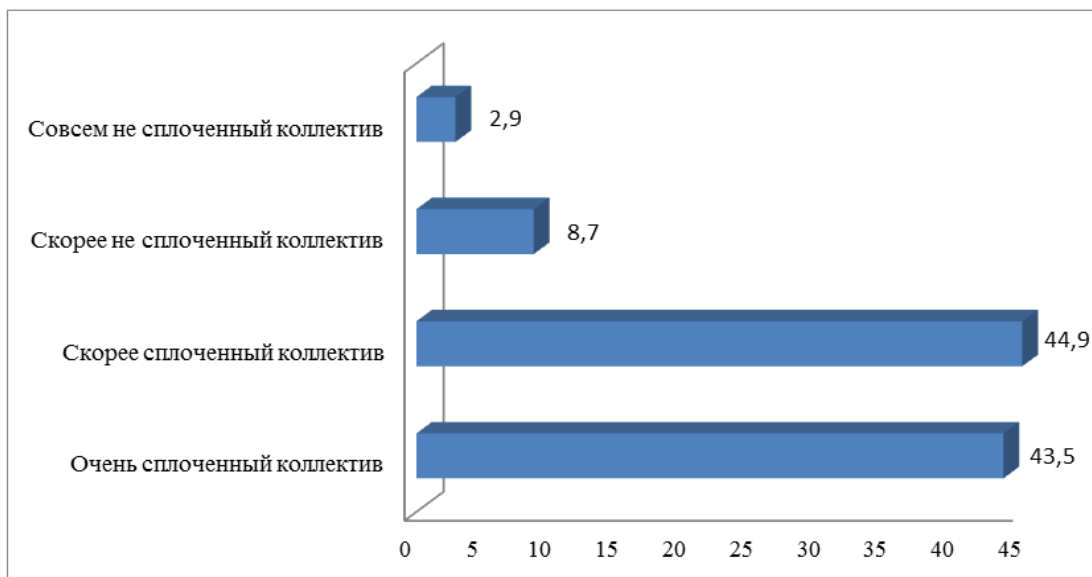

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцените степень сплоченности коллектива?» (%)

У тех, кто считает, что коллектив недостаточно сплочен, мы поинтересовались о причинах этого. На уровень сплоченности влияют такие факторы, как текучесть кадров (57,5 %), работа, которая не согласована (27,5 %), безответственность (27,5 %), недисциплинированность (20 %), конфликты (20 %).

Эксперты также отмечают текучесть кадров как фактор, снижающий сплоченность. При этом эксперты оценили уровень сплоченности как средний: *«руководящий состав — это команда сплоченная, а вот исполнители — менее сплоченные»*.

Кроме сплоченности уровень управленческой культуры отражает также и дисциплинированность сотрудников. Чем более однозначны, понятны, определены нормы и ценности культуры управления, методы управленческой деятельности, тем большая дисциплинированность персонала в организации. Как нам представляется, резервы повышения дисциплинированности кроются не только в жестких рамках поведения, но и в других формах, таких как сплоченность, солидарность, моральное стимулирование.

Большинство опрошенных оценивают дисциплину как «отличную» (33,3 %) и «хорошую» (34,8 %). Примерно каждый пятый респондент считает, что есть нарушения дисциплины (рис. 2).

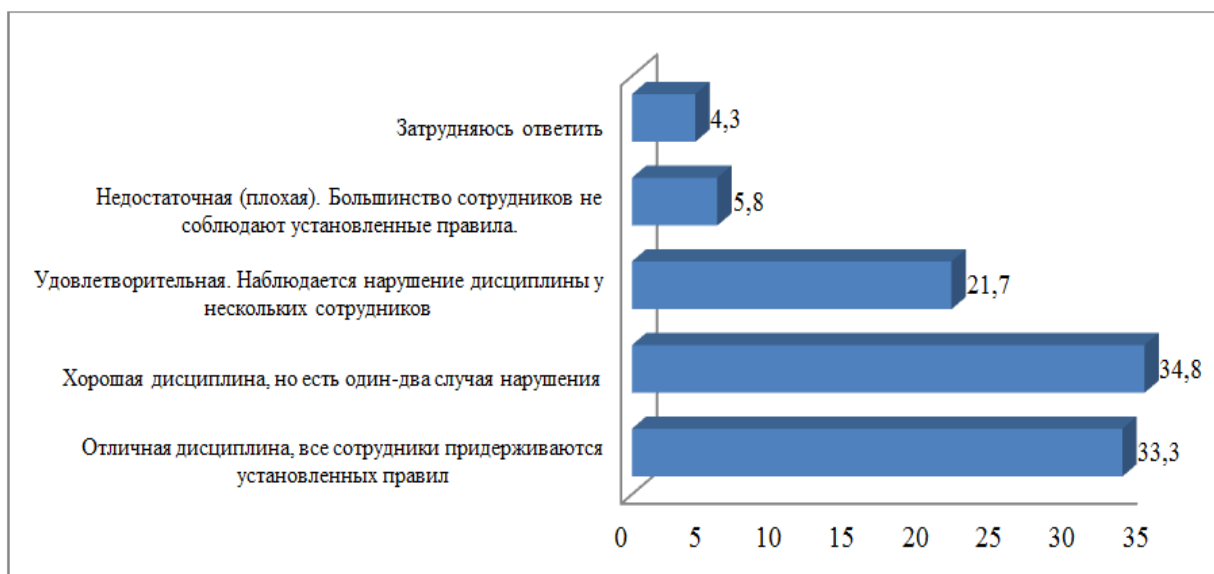

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените уровень дисциплины других сотрудников» (%)

Специфика автомобильного центра состоит в том, что сотрудники взаимодействуют в самых разных ситуациях с клиентами, в том числе конфликтных. Здесь стоит отметить, что клиенты автосервиса различаются уровнем дохода, покупательской способностью, социальным статусом. В связи с этим важно, чтобы сотрудники обладали компетенциями, способствующими разрешению конфликтных ситуаций с клиентами. Такие компетенции формируются в эффективной управленческой культуре.

Представим результаты ответов на вопрос о работе сотрудников автосервиса в ситуации конфликта (таблица).

Распределение ответов на вопрос о поведенческих стратегиях в конфликтной ситуации с клиентами в процессе выполнения работы, в %

Вариант ответа	Доля опрошенных
Спокойно разбираюсь в проблеме	49,3
Направляю клиента к руководству	43,5
Спорю с клиентом, выясняя причину	4,3
Не пытаюсь выяснить причины, ухожу	2,9
Затрудняюсь ответить	0

Можно отметить, что сотрудники автосервиса используют две стратегии: первая — это самостоятельное разрешение проблемы (49,3 %), вторая — направление клиента к руководству (43,5 %). Лишь 4,3 % начинают спорить с клиентом, а 2,9 % не пытаются общаться с клиентами. С нашей точки зрения, доминирующие стратегии демонстрируют клиентоцентрированность управленческой культуры. Сотрудники ориентированы не только на достижение количественных результатов, но и на позитивное сотрудничество с клиентами, способствующее их лояльности.

К еще одному аспекту управленческой культуры относится дисциплина персонала автоцентра. Распределение ответов на вопрос «Оцените уровень дисциплины других сотрудников?» показывает, что большая часть оценивает ее высоко. Так, 33,3 % высказываются об отличной дисциплине, 34,8 % — о хорошей. Примерно каждый пятый считает, что дисциплина удовлетворительная (21,7 %). Показательно, что есть и совсем разочаровавшиеся в уровне дисциплины опрошенные — 5,8 % респондентов отметили неудовлетворительный уровень. Анализируя полученные данные, можно отметить, что низкие показатели дисциплины могут иметь накопительный эффект и сказываться на репутации и клиентоцентрированности автоцентра.

В исследовании мы изучили также и то, что особенно мотивирует сотрудников автоцентра. Были предложены следующие варианты: хороший заработок, престиж, отсутствие другой работы, хороший коллектив, моральное удовлетворение от работы, получение профессионального опыта (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о мотивации в работе (множественные ответы)

Интерпретируя полученные данные, можно отметить, что достаточно близкими мотивами являются и такой материальный мотив, как хороший заработок (26,4 %), и такой нематериальный мотив, как хороший коллектив (23,1 %). При этом хороший коллектив, как и возможность получения профессионального опыта (20,3 %), являет собой примеры эффективной управленческой культуры. Дальнейшей целью для работы топ-менеджмента в отношении культуры управления может быть повышение престижности работы и получение морального удовлетворения от нее.

Выводы

Проблематика автомобилизации является достаточно актуальной в социологии. Это связано с тем, каким образом автомобилизация изменяет человека, его социальное пространство, стиль жизни, как меняет его образ жизни и потребности. Автомобиль давно перестал быть утилитарным средством передвижения. В связи с этим все, что связано с его обслуживанием, сервисом, приобретает существенное значение. Автовладелец, обращаясь в автомобильный центр, нацелен на удовлетворение комплекса потребностей, начиная с безопасности, заканчивая самопрезентацией и счастьем. Такие потребности могут быть полностью или частично закрыты благодаря эффективной управленческой культуре автомобильного центра. А это означает, что в управленческой культуре автоцентра должны транслироваться такие ценности, как надежность, безопасность, компетентность, учтивость, готовность предоставить услугу.

Отметим, что управленческая культура автомобильного центра — явление малоизучаемое в социологии. На первый взгляд представляется, что она не вполне нужна такому типу организаций. Однако более пристальное исследование показывает, что она существует вне зависимости от того, знают о ней сотрудники или нет. Проявляется управленческая культура в виде ценностей, которые разделяются руководством и персоналом, а также методами управленческой деятельности.

В исследуемом автомобильном центре сформирована достаточно сильная управленческая культура, которая включает ценности клиентоцентрированности и ответственности. Клиенты, обращаясь в данный автосервис, сталкиваются именно с данными ценностями, что повышает ее репутационный потенциал. Это особенно важно в условиях конкуренции.

Хороший уровень управленческой культуры отражает также отношение к персоналу со стороны руководства, в частности адаптация новичков. Успех работы автомобильного центра зависит от качества работы всего персонала, применяемых им стратегий взаимодействия с клиентами. Особенно это касается стратегий взаимодействия в конфликтных ситуациях. Управленческая культура автомобильного центра наглядно отражает специфику взаимодействия руководителей, сотрудников и клиентов автосервиса.

Список источников

- [1] Кононенко, Р. В. Автомобиль в культуре повседневности / Р. В. Кононенко. — Текст: непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2008. — Т. 11, № 1. — С. 207–211.

- [2] Ефимов, В. Т. Автомобилизация : тенденции и противоречия / В. Т. Ефимов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1981. – № 4. – С. 169–176.
- [3] Ноздряков, А. П. Человек — дорога — автомобиль / А. П. Ноздряков. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1981. – № 7. – С. 113–117.
- [4] *Against Automobility* / Edited by S. Bohm, C. Jones, C. Land, M. Paterson. – Maiden, Oxford : Wiley-Blackwell, 2006. – 268 p. – Direct text.
- [5] Appleyard, D. *A view from the road* / D. Appleyard, K. Lynch, J. R. Myer. – Cambridge: The MIT Press, 1965. – Direct text.
- [6] Flink, J. *The Automobile Age* / J. Flink. – Cambridge : The MIT Press, 1988. – 363 p. – Direct text.
- [7] Scharff, V. *Taking the Wheel : Women and the Coming of the Motor Age* / V. Scharff. – New York : Free Press, 1991. – 106 p. – Direct text.
- [8] Sheller, M. *The city and the car* / M. Sheller, J. Urry. – DOI 10.1111/1468-2427.00276. – Direct text // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 2000. – Issue 24. – P. 737–757.
- [9] Urry, J. *Global complexity and the car-system* / J. Urry. – Direct text // *Automobilities* / Editors by M. Featherstone, N. Thrift, J. Urry. – London : Sage, 2004.
- [10] Васьков, М. А. Трансформация управленческой культуры крупных коммерческих организаций юга России : специальность 22.00.08 «Социология управления» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Максим Александрович Васьков. – Ростов-на-Дону, 2011. – 48 с. – Место защиты : Южный федеральный университет. – Текст : непосредственный.
- [11] Митин, А. Н. *Культура управления : учебное пособие* / А. Н. Митин. – Екатеринбург : Издательство Уральского академии государственной службы, 2000. – 526 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Госсельбах, Л. Н. *Управленческая культура и трансформация правил служебного поведения в деятельности органов внутренних дел* / Л. Н. Госсельбах. – DOI 10.12737/11672. – Текст : непосредственный // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2015. – № 3. – С. 28–36.
- [13] Павлова, Е. В. *Управленческая культура : понятие, сущность, основные черты* / Е. В. Павлова. – Текст : непосредственный // *Молодой ученый*. – 2015. – № 10 (90). – С. 1059–1061.
- [14] Паньков, Д. М. *Культура управленческой деятельности в современном обществе : социокультурные и политические факторы развития и их влияние на поведенческие практики* : специальность 22.00.08 «Социология управления» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Паньков Денис Михайлович. – Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с. – Место защиты : Южный федеральный университет. – Текст : непосредственный.
- [15] Передня, Д. Г. *Управленческая культура в системе органов внутренних дел : монография* / Д. Г. Передня. – Москва : ИНФРА-М, 2017. – 137 с. – Текст : непосредственный.
- [16] Строилова, А. Я. *Управленческая культура руководителя учреждения дополнительного образования*. – Оренбург : Издательство Оренбургского университета, 2005. – 120 с. – Текст : непосредственный.

- [17] Третьякова, Т. А. Формирование управленческой культуры в органах судебной власти (социологический аспект) / Т. А. Третьякова. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 101. – С. 292–296.
- [18] Юркевич, А. И. Управленческая культура в системе библиотечно-информационного образования : документоведческий аспект / А. И. Юркевич. – Текст : непосредственный // Академические тетради. – 2010. – Вып. 11. – С. 58–61.
- [19] Ядрищенский, А. Н. Роль управленческой культуры в формировании адаптивного поведения работников : специальность 22.00.08 «Социология управления» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Ядрищенский Андрей Николаевич. – Чита, 2009. – 35 с. – Место защиты : Читинский государственный университет. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Kononenko, R. V. (2008). Automobile in everyday culture. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, (11(1)), pp. 207-212. (In Russian).
- [2] Efimov, V. T. (1981). Avtomobilizaciya: tendencii i protivorechiya. *Sociological research*, (4), pp. 169-176. (In Russian).
- [3] Nozdryakov, A. P. (1981). Chelovek - doroga - avtomobil. *Sociological research*, (7), pp. 113-117. (In Russian).
- [4] Bohm, S., Jones, C., Land, C., & Paterson, M. (Eds) (2006). *Against Automobility*. Maiden, Oxford, Wiley-Blackwell, 268 p. (In English).
- [5] Appleyard, D, Lynch, K., & Myer, J. R. (1965). *A view from the road*. Cambridge, The MIT Press. (In English).
- [6] Flink, J. (1988). *The Automobile Age*. Cambridge, The MIT Press, 363 p. (In English).
- [7] Scharff, V. (1991). *Taking the Wheel: Women and the Coming of the Motor Age*. New York, Free Press, 106 p. (In English).
- [8] Sheller, M., & Urry, J. (2000). The city and the car. *International Journal of Urban and Regional Research*, (24), pp. 737-757. (In English). DOI: 10.1111/1468-2427.00276
- [9] Urry, J. (2004). *Global complexity and the car-system*. Automobilities. London, Sage. (In English).
- [10] Vaskov, M. A. (2011). Transformaciya upravlencheskoj kul'tury krupnyh kommercheskih organizacij yuga Rossii. Avtoreferat diss. ... dokt. Sociol. nauk. Rostov-na-Donu, 48 p. (In Russian).
- [11] Mitin, A. N. (2000). *Kultura upravleniya*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural. akad. gos. sluzhby Publ., 526 p. (In Russian).
- [12] Gosselbach, L. N. (2015). Management culture and transformation of the rules of official conduct in the activities of the internal affairs bodies. *Central Russian journal of social sciences*, (3), pp. 28-36. (In Russian). DOI: 10.12737/11672
- [13] Pavlova, E. V. (2015). Upravlencheskaya kultura: ponyatie, sushchnost, osnovnye cherty. *Young scientist*, (10(90)), pp. 1059-1061. (In Russian).

- [14] Pankov, D. M. (2013). *Kultura upravlencheskoj deyatel'nosti v sovremennom obshchestve: sociokulturnye i politicheskie faktory razvitiya i ih vliyanie na povedencheskie praktiki*. Avtoreferat diss. ... kand. sociol. nauk. Rostov-na-Donu, 24 p. (In Russian).
- [15] Perednya, D. G. (2017). *Upravlencheskaya kul'tura v sisteme organov vnutrennih del: monografiya*. Moscow, INFRA-M Publ., pp. 137 p. (In Russian).
- [16] Stroilova, A. Ya. (2005). *Managerial culture of the head of an additional education institution. Upravlencheskaya kul'tura rukovoditelya uchrezhdeniya dopolni-tel'nogo obrazovaniya*. Orenburg, Izdatel'stvo Orenburgskogo universiteta Publ., 120 p. (In Russian).
- [17] Tretyakova, T. A. (2009). *Forming of administrative culture in judicial bodies (sociological aspect)*. *Izvestia: Herzen university journal of Humanities & Sciences*, (101), pp. 292-296. (In Russian).
- [18] Yurkevich, A. I. (2010). *Upravlencheskaya kul'tura v sisteme bibliotechno-informatsionnogo obrazovaniya: dokumentovedcheskiy aspect*. *Akademicheskie tetradi*, vypusk 11, pp. 58-61. (In Russian).
- [19] Yadrishchenskiy, A. N. (2009). *Rol' upravlencheskoj kul'tury v formirovanii adaptivnogo povedeniya rabotnikov*. Avtoreferat diss. ... kand. sociol. nauk. Chita, 35 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 24.02.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 24.02.2023.

УДК 316.334.56

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-66-79

Система социальных взаимодействий при формировании платформенных решений в процессе реализации программ развития «Умный город»

**Борис Максимович Лихтенштейн¹, Олег Федорович Данилов²,
Дарья Александровна Костырева¹**

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Кафедра автомобильного транспорта, строительных и дорожных машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов реализации проекта «Умный город» в Российской Федерации, анализируются наработанный опыт и варианты активизации социальных процессов взаимодействия стейкхолдеров. Проведен анализ платформенных решений, реализуемых в российских городах, выделены основные правила и проблемы организации информационного взаимодействия городских служб и населения. Рассмотрены основные принципы построения системы взаимодействия органов власти и управления с территориальными сообществами, осуществляющими коммуникации в виртуальных средах.

Показано, что использование платформенных возможностей для информационного наполнения процедур социологического мониторинга процессов реализации программы «Умный город» затрудняется нерешенностью вопросов синхронизации разнородных информационных потоков, особенно в части согласования временных режимов хранения исходной оперативной информации и сформированных на их основе баз данных.

Приведены результаты социологического мониторинга мнений населения по проблемам внедрения программы «Умный город» в г. Тюмени, имеющем высокие российские рейтинги по уровню информатизации.

Ключевые слова: платформенные решения, «Умный город», городское население, технологические и социальные инновации, интернет-ресурсы

Для цитирования: Лихтенштейн, Б. М. Система социальных взаимодействий при формировании платформенных решений в процессе реализации программ развития «Умный город» / Б. М. Лихтенштейн, О. Ф. Данилов, Д. А. Костырева. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-66-79 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 66–79.

The system of social interactions in the formation of platform solutions in the process of implementing the "Smart City" project

Boris M. Likhtenshtein¹, Oleg F. Danilov², Daria A. Kostyreva¹

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Road Transport, Construction and Road Machines, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. The article is devoted to problematic issues of the "Smart City" project implementation in the Russian Federation. The authors of the article have analyzed the accumulated experience and options for enhancing the social processes of interaction among stakeholders. Also, the authors have deconstructed platform solutions, which are implemented in cities of Russia; they have identified the main rules and issues of organizing information interaction between city services and population. The article considers the basic principles of an interaction system between government agencies and territorial communities that communicate in virtual environments.

It is shown that the use of platform capabilities for the information content of the procedures for sociological monitoring of the implementation of the "Smart City" project causes difficulties due to the unresolved issues of synchronization of heterogeneous information flows, especially in terms of coordinating the temporal storage modes of the initial operational information and the databases formed on their basis.

The authors present the results of sociological monitoring of the opinions of the population in Tyumen on the issues of implementing the "Smart City" project.

Keywords: platform solutions, "Smart City", urban population, technological and social innovations, Internet resources

For citation: Likhtenshtein, B. M., Danilov, O. F. & Kostyreva, D. A. (2023). The system of social interactions in the formation of platform solutions in the process of implementing the "Smart City" project Proceedings from Higher Educational Institutions. *Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 66-79. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-66-79

Введение

Настоящая работа является логическим продолжением цикла исследований авторов по проблемам реализации проектов создания «умных городов» в России [1–3].

По мере развития цифровизации городского хозяйства появляются новые практики и выявляются проблемные ситуации, связанные с организацией эффективного взаимодействия человеко-машинных систем в различных сферах жизни современного города. Растет понимание того, что новые технические и технологические решения должны сопровождаться изменениями в социуме, характеризующими новации в коллективном и индивидуальном поведении жителей городов.

Граждане, оставляющие коммуникационные взаимодействия в социальных сетях, мобильных приложениях, различного рода агрегаторах, становятся, наряду с системами интернета вещей, генераторами больших массивов данных, которые могут использоваться как для оперативного управления городом, так и для изучения динамики происходящих процессов в целях прогноза развития. На основе этих данных формируются новые взаимосвязи и взаимодействия между органами управления, хозяйствующими субъектами и населением территории, для эффективной реализации которых создаются цифровые платформы.

Основной идеей, закладываемой при создании цифровых платформ, является формирование возможностей эффективного взаимодействия между различными категориями пользователей. Сегодня мы наблюдаем развитие большого числа зависимых и независимых цифровых платформ, которые подразделяются на основе тех или иных классификационных признаков. Наличие большого количества разнообразных цифро-

вых платформ заставляет разработчиков и пользователей формировать правила их эффективного совместного существования.

Цифровые платформы позволяют синхронизировать потребности с ресурсами, обрабатывать большие массивы разнородной информации в рамках различных форматов взаимодействия и обеспечивать возможности получения синергетических эффектов взаимодействия.

Целью настоящего исследования является проведение обзорного анализа системных взаимодействий при реализации платформенных решений в рамках концепции «Умный город».

Материалы и методы

Согласно поставленной цели и сформулированным задачам в работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза (диалектический, системный, синергетический). Это способствовало комплексному рассмотрению ситуации, характеризующей проблемные вопросы организации системных взаимодействий различного рода стейкхолдеров при использовании платформенных решений в умных городах.

В статье использованы аналитические материалы по изучению инновационной активности населения, проведенные Российской венчурной компанией, материалы аналитического отчета компании Pricewaterhouse Coopers «Пространство города для человека», результаты работ, выполненных в рамках Национального проекта РФ «Жилье и городская среда», проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» Минстроя РФ, а также эмпирические материалы, полученные авторами в процессе проведения исследования проблемных вопросов реализации стратегии создания умного города в Тюмени.

Результаты и обсуждение

Развитие отечественных цифровых платформ в экономике, социальной сфере, сфере государственного управления и оказания государственных услуг является стратегической задачей, реализуемой в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года».

В соответствии с данным документом осуществляется ряд мероприятий, предусматривающих следующее [4]:

- выработку эффективной политики управления большими данными, в части обеспечения конфиденциальности персональных данных;
- развитие инфраструктуры сетей широкополосного доступа, включая запуск сетей пятого поколения (5G);
- разработку и внедрение эффективных механизмов арбитража и разрешения споров между участниками цифровых платформ, а также между цифровыми платформами и участниками в целях создания доверительной институциональной среды и обеспечения безопасности транзакций;
- развитие и поддержку отечественных производств различных датчиков, роботов, устройств и систем, необходимых для развития проектов в сфере интернета вещей, робототехники, 3D-печати и других направлений.

Основной целью создания цифровых платформ является формирование возможностей эффективного взаимодействия между различными категориями пользователей.

Программы развития цифрового взаимодействия предусматривают наличие открытых цифровых платформ, в которых государство, с одной стороны, выступало бы основным регулятором и инициатором сотрудничества стейкхолдеров, а с другой — гарантом безопасности и результатов взаимодействия.

Ориентируясь на реализацию платформенных решений в сфере развития технологий умного города, мы исходим из базового тезиса, представляющего государство как глобальную платформу, ориентированную на предоставление различного рода услуг в цифровой форме.

Это позволяет рассматривать как единую развивающуюся экосистему существующие структуры и элементы цифровой экономики, включающие единый портал государственных и муниципальных услуг, региональные порталы государственных услуг, веб-сайты федеральных ведомств, региональных органов власти и органов местного самоуправления.

Необходимым условием успешной работы платформы является наличие четких представлений о задачах, принципах, организационных процедурах и возможностях контроля их соблюдения пользователями.

Для реализации сервисов умного города городская цифровая платформа должна обеспечивать следующие возможности [5]:

- взаимодействие между элементами городской инфраструктуры;
- масштабирование процессов при увеличении нагрузки на инфраструктурные элементы;
- трансляцию наработанных решений для тиражирования.

Если анализировать архитектуру такого рода платформы, то она, как правило, должна содержать структурные блоки инфраструктурных элементов, управления данными, интерфейсов, различного рода аналитики, создания и поддержки разнообразных сервисов, системы обеспечения безопасности, управления.

Такого рода структура позволяет эффективно коммутировать потоки информационных данных, формируемых в городе с существующими сервисами.

Построение эффективной городской платформы умного города затрудняется следующими исторически сложившимися особенностями организации системы информационного взаимодействия городских служб [6]:

- различными сетевыми стандартами обмена информацией в городских службах;
- наличием большого числа неэффективных и дублирующих коммуникационных каналов;
- различием в моделях представления информационных данных;
- различием в системах обеспечения информационной безопасности, что затрудняет формирование приложений, использующих данные из нескольких источников.

Кроме того, необходимо решение проблем организационного характера, связанных с тем, что многие технические, технологические и управленческие решения муниципального уровня делегируются добровольно или принудительно городами на уровень региона. Такое положение дел вызывает необходимость объединять сервисы и

данные на уровне не городской, а региональной платформы. Примером такого варианта организации единой платформы является Санкт-Петербург. В цифровой панели управления городом все существующие информационные системы городских служб являются составными компонентами и поставщиками данных региональной платформы.

Многokратное использование данных — это базовый принцип, позволяющий обеспечить эффективный результат при построении сервисов умных городов.

Для эффективного анализа информации, характеризующей процессы функционирования городов, необходимо учитывать скорость создания данных, разнообразие, объем и их ценность.

Выделим основные направления использования цифровых данных, оказывающих заметное влияние на реализацию проектов умных городов (табл. 1).

Таблица 1

Влияние цифровизации городской инфраструктуры на реализацию программ «умный город» на основе информационного обмена

Содержание	Характеристика воздействия
Автоматизация производственных процессов	Повышение эффективности использования интеллектуальных, материальных, энергетических ресурсов городов
Организационные и управленческие воздействия	Использование специальным образом сформированных баз данных, в том числе и сквозных данных для формирования и обоснования организационных и управленческих решений
Городские платформы взаимодействия	Формирование единого информационного пространства для системного взаимодействия городских стейкхолдеров и властных структур
Координационная и арбитражная деятельность внутри городского сообщества	Организация правил и регламентов информационного обмена в интересах координации и кооперации деятельности стейкхолдеров
Новые информационные товары и услуги	Выход на территориальный рынок специальным образом сформированных информационных баз данных в качестве самостоятельного товарного продукта

Создание комплексной системы управления городской средой возможно тогда, когда выстроена эффективная система коммуникаций между различными составляющими городской инфраструктуры, которая позволяет обмениваться данными и использовать их в единой системе городского управления. Это требует формализации процедур обращения с данными на уровне подсистем и регламентации механизмов и инструментов сбора, анализа и защиты данных. Целью является достижение синергетического эффекта в управлении городом, путем выявления закономерностей в разнородных и не связанных на первый взгляд массивах данных.

Внедрение цифровых платформ ведет к изменениям в различных сферах жизни горожан и способам взаимодействия жителей с органами власти и управления, хозяйствующими субъектами, отдельными городскими сообществами и между собой. Эти

процессы одновременно ведут к возникновению различного рода противоречий, связанных с возможным снижением уровня безопасности и нарушением конфиденциальности. Поэтому в городах, реализующих «умную повестку развития», разрабатываются пакеты нормативных документов, направленных на обеспечение высокого уровня информационной безопасности.

Содержательно эти нормативные акты наряду с комплексом мер, связанных с обеспечением конфиденциальности и регулированием правил допуска к тем или иным базам данных, предусматривают создание систем защищенного обмена данными между городскими стейкхолдерами из различных сфер, меры по обеспечению контроля достоверности и качества информационных баз данных, создание необходимой технической и технологической инфраструктуры, проведение обучения и повышения квалификации специалистов в данной сфере.

При создании разнообразных массивов данных городской информации существенным обстоятельством, влияющим на обеспечение различных режимов синхронизации информационных потоков, становится возможность длительного хранения данных. Как показывает практика [7], в настоящее время большинство городов, исходя из ресурсных возможностей, ориентируются на сокращение времени хранения собираемой мониторинговой информации, что позволяет осуществлять оперативное управление, но затрудняет достоверное прогнозирование целого ряда социально-экономических процессов развития территории.

Рассматривая город как масштабную цифровую платформу, мы выстраиваем среду для обмена информацией и ресурсами, организации коммуникации между горожанами и органами власти, обеспечения доступа жителей к общественным благам и данным.

В настоящее время в городах наблюдается развитие двух основных вариантов платформенных решений: платформы открытых данных и платформы вовлечения граждан.

Платформы открытых данных — это информационные системы, которые обеспечивают централизованное хранение информации, а также доступ жителей к данным городских служб и организаций с возможностью их повторного использования [8]. Основной проблемой для доступа и распространения открытых данных является отсутствие сложившейся системы их размещения и обновления в различных сферах жизнедеятельности города.

Имеющийся в мире опыт реализации открытых платформ наблюдается в Европейском союзе, где уже более 7 лет действует инициатива ЕС «Открытые данные в городах ЕС», позволившая сконцентрировать в доступном ресурсе открытые данные большого числа европейских городов, касающихся деятельности общественных служб, состояния окружающей среды, туризма, движения транспорта в режиме реального времени [8; 9]. Эти данные актуализируются, преимущественно в автоматическом режиме, используя системы интернета вещей.

Платформа вовлечения граждан является развитием платформы открытых данных в направлении повышения интерактивного режима взаимодействия. Платформами вовлечения граждан называют цифровые системы, в рамках которых организована син-

хронизация деятельности городских служб, дистанционное взаимодействие органов власти и жителей, контроль органов власти за исполнением решений [10].

В такого рода платформах основное внимание концентрируется на развитии технологических решений, ориентированных на обеспечение эффективных возможностей обратных связей с горожанами. Обратные связи формируются на основе интернет-обращений, сбора информации через онлайн-сервисы и модули данной платформы.

Обсуждение необходимости использования информационных технологий для поддержания обратной связи между органами власти и управления было тесно связано с опытом реализации в Москве платформы голосования «Активный гражданин» и распространением этого опыта на другие регионы. Опыт организации такого рода взаимодействия исследовался авторами в динамике на примере г. Москвы и Тюменской области [1–3].

Начиная с 2014 года, когда был запущен этот проект, по декабрь 2018 года на платформе «Активный гражданин» г. Москвы зарегистрировались 2 183 789 горожан, прошло 3 783 голосования, и было принято 111 165 194 мнения по различным вопросам. Мониторинг показателей участия горожан в системных взаимодействиях в рамках данной платформы с момента ее запуска и по настоящее время с шагом оценки примерно в 2 года демонстрирует следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Мониторинг показателей участия горожан в системных взаимодействиях

Показатель	Декабрь 2018	Декабрь 2020	Январь 2023
Количество зарегистрировавшихся горожан	2 183 789	4 760 674	6 385 456
Количество проведенных голосований	3 783	4 712	5 903
Количество принятых мнений	111 165 194	151 146 253	219 767 226
Усредненное количество участия в одном голосовании	30 000	32 000	37 000

Эти цифры иллюстрируют, с одной стороны, положительную динамику роста социальной активности жителей Москвы, с другой стороны, определяется то обстоятельство, что усредненные показатели в пересчете на одно голосование растут в процентном отношении существенно медленнее, чем общие показатели роста числа голосующих респондентов. Можно полагать, что наблюдаемая положительная динамика роста социальной активности горожан в г. Москве в использовании информационно-коммуникационных технологий взаимодействия с органами муниципальной власти, с одной стороны, является следствием развития уровня их компетентности в данной сфере, а с другой — эффективным развитием в Москве программы «Умный город» с серьезным ресурсным обеспечением реализуемых проектов.

В других городах России, в том числе и в г. Тюмени, который является участником проекта «Умный город» и находится в числе российских городов с высоким уровнем цифровизации во всех сферах [3], относительный уровень социальной активности горожан существенно ниже, даже с поправкой на масштабирование по численности населения. В Тюменской области функционирует портал услуг «Активный гражданин», где размещены ссылки на 3 интернет-проекта администрации Тюмени: портал «Тюмень

— наш дом», присутствующий во всех наиболее популярных социальных сетях, сайт электронных опросов «Я решаю» и сайт «Твоя Тюмень» [11–13]. Также разработаны и действуют соответствующие мобильные приложения.

Эти инструменты информирования горожан и представляемые возможности учета мнений являются действующим элементом системы инициирования участия жителей в жизни города. Так же как и в Москве, на тюменских ресурсах обсуждаются предложения и мероприятия, касающиеся вопросов текущей жизнедеятельности: освоение городских территорий, ремонт и содержание дорог, транспортные проблемы, снос и реконструкция зданий, работа медицинских учреждений, содержание парков, скверов, детских площадок, дворовых территорий и другие проблемные ситуации.

Результаты проведенного в 2018 году авторского социологического исследования мнений населения г. Тюмени по проблемам внедрения программы «Умный город» и стратегии развития Тюмени в данном направлении показали, что в городе фиксируется достаточное для позитивного развития программы количество жителей, понимающих перспективы внедрения технологий «умного города» и ориентированных на участие в этих процессах [1].

Оценка мнений горожан по ранее разработанной методике, проведенная в 2020 году (объем выборки — 368 респондентов), показала некоторое увеличение позитивных оценок по выбранным для анализа показателям при одновременном росте пассивности в отношении к программе. За 2 года более чем на 9 % (с 24,3 до 33,6 %) увеличилось число жителей, считающих, что жизнь в городе после реализации программы «Умный город» станет более комфортной и интересной, повысилось и количество респондентов, считающих, что программа будет способствовать созданию новых рабочих мест [2]. По мнению авторов, увеличение пассивных оценок было вызвано влиянием внешних факторов глобального характера, связанных с воздействием эпидемии коронавируса, повлиявшей не только на социально-экономические условия жизнедеятельности, но и на систему социальных взаимодействий.

Решение проблем повышения социальной активности горожан, задействованных в информационно-коммуникационном взаимодействии с территориальными органами управления как эффективного средства оптимизации деятельности городских управленческих и хозяйствующих структур невозможно без инициирования действий по структуризации социального пространства путем стимулирования созидательной деятельности городских интернет-сообществ.

Известно, что источником активности личности являются потребности. До тех пор, пока потребность не осознается, активность развивается как влечение, на подсознательном уровне идет поиск и восприятие тех аспектов окружающей среды, которые потенциально могут служить источником удовлетворения этой потребности. Принимая участие в различных сообществах, личность удовлетворяет социально-обусловленные функции: познавательную, нравственную, общественную [14].

Интернет-сообщества горожан являются открытыми системами — они подвержены естественному влиянию окружающей социально-экономической среды с одной стороны, а с другой — влиянию среды личного окружения пользователей. Сообщества проходят в своем развитии определенные стадии, начиная с момента зарождения, затем

роста, стабилизации и заканчивая возможной деградацией. Участники интернет-сообществ обычно характеризуются как деятельные, инициативные люди, которые легко включаются в современные процессы коммуникации, пробуют новинки, мобильны и стремятся к самообразованию. Тем не менее можно утверждать, что состав участников является неоднородным, количественно подвижным и для развития системы взаимной коммуникации со стороны органов власти и управления на территориях необходимо осуществлять целенаправленные действия стимулирующего характера. С одной стороны, эти действия должны поддерживать заинтересованность пользователей городских ресурсов в достижении предметных результатов, способных повлиять на качество жизни населения, в том числе и путем повышения компетентности жителей в вопросах использования возможностей новых технологий и сервисов, а с другой — предоставлять определенного рода стимулирующие бонусы, как это, например, предусматривается на платформе «Активный гражданин» в г. Москве.

Для развития системы информационно-коммуникационного взаимодействия портал должен обеспечивать возможности идентификации индивида или группы, иметь механизмы контроля, иметь четко обозначенные и понятные цели деятельности, процедуры их достижения и процедуры принятия решений, возможность влияния участников взаимодействия на формирование правил коммуникации.

Творческая деятельность муниципальных органов власти и управления, ориентированная на создание благоприятных условий для деятельности сообществ, может ориентироваться и на «мягкое» лояльное участие в их администрировании, обеспечении грантовой поддержки, помощи в налаживании возможностей коммуникации в реализации целей, для которых создавались сообщества. Многие зависят от лидеров общественного мнения, с которыми нужно работать. Деятельность по росту числа сообществ, их грамотное администрирование, налаживание эффективного взаимодействия с органами городской власти создают эффект притяжения для горожан по участию в решении городских проблем, а также создают ресурс для роста числа «активных горожан».

Проводя сопоставительный анализ, можно считать, что только в Москве и Санкт-Петербурге достигнутый уровень взаимодействия органов власти и населения соответствует современным требованиям, формируемым при оценке эффективности такого рода взаимодействий, а в целом ряде других российских городов, реализующих программы «Умный город», это направление деятельности имеет потенциал роста.

Поскольку заказчиками многих проектов являются государство и крупные государственные корпорации, а программы развития «умных городов» являются долгосрочными, то эти ориентиры должны быть вписаны в стратегии развития городов с прогнозами ресурсного обеспечения.

Координатором деятельности по данному направлению развития Правительством Российской Федерации было определено Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства (Минстрой РФ). Ведомственный проект Минстроя РФ «Умный город» реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика» с участием крупных государственных корпораций и предусматривает координацию на федеральном уровне региональных проектов «Умный город».

Так, национальный проект «Жилье и городская среда» предусматривает, кроме всего прочего, создание механизма прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, увеличение доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды, до 30 процентов. Пока эти ориентиры достигнуты только в Москве и Санкт-Петербурге.

Таблица 3

Оценка платформ вовлечения граждан банка решений «Умный город» Минстроя РФ

Проект платформы из банка решений «Умный город»	Модель платформы и количество поддерживаемых групп модулей (от 1 до 6)	Количество городов, в которых реализована платформа
Оmnikanальная система коммуникаций граждан и государственных структур (ООО «Лаборатория информационных технологий»)	Платформа контроля и доступа к услугам (3)	33 (Белгород, Курск, Владивосток, муниципальные центры)
Портал «Активный гражданин Республики Бурятия»	Платформа информирования (3)	9 (города Бурятии)
Вместе.ру (ООО «InPutLab»)	Платформа информирования(3)	5 (Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Иркутск, Иваново)
Базовая платформа «Умный город» Росатома	Интегрированная платформа вовлечения граждан (5)	4 (Саров, Красноярск, Междуреченск, Дубна)
ИАС «Голос» — общение власти с гражданами (ООО «WhiteSoft»)	Интегрированная модель вовлечения граждан (5)	3 (Хабаровск, Петропавловск-Камчатский, Южно-Сахалинск)
Интерактивный портал «Управляем вместе» Правительства Пермского края	Интегрированная платформа вовлечения граждан (5)	1 (Пермь)
Программа приема обращений граждан (Администрация города Магас)	Платформа информирования (1)	1 (Магас)
ИС «Открытый город» (Администрация города Тольятти)	Платформа информирования (2)	1 (Тольятти)
Интернет-портал «Открытая Елабуга»	Платформа информирования (1)	1 (Елабуга)
Городской портал инициатив жителей (ГКУ «Московский центр «Открытое правительство»)	Платформа информирования (1)	1 (Москва)
Добродел — платформа для взаимодействия граждан, государства и бизнеса (ООО «IQS»)	Интегрированная платформа вовлечения граждан (5)	Города Московской области
Мобильное приложение «Город Онлайн» (ООО «Веб-студия А42»)	Платформа информирования (2)	1 (Кемерово)
Гражданский контролер	Платформа информирования (2)	1 (Челябинск)
Площадка для диалога жителей и администрации «Жить в городе» (АО «ИНКОМА)	Платформа информирования(2)	1 (Москва)
Эффективная команда — система проведения опросов и сбора обращений граждан (Мегафон)	Платформа информирования (2)	1 (Псков)
Активный горожанин (Мегафон)	Платформа информирования (3)	1 (Псков)
«Город — это я» — виртуальная книга жалоб и предложений по вопросам благоустройства	Платформа информирования (3)	1 (Челябинск)

В процессе реализации данного проекта планируется создание механизмов развития комфортной городской среды, комплексного развития городов и других населенных пунктов с учетом индекса качества городской среды. В рамках реализации проекта «Умный город» Приказом Минстроя РФ № 924 от 31 декабря 2019 года для анализа хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации была утверждена и введена в действие методика оценки «IQ городов» [2].

В 2020 году ведомство представило индекс цифровизации городского хозяйства «IQ городов», в котором наличие цифровой платформы вовлечения граждан в решение вопросов городского развития является одним из индикаторов для оценки городского управления [15]. В результате целенаправленной деятельности Минстроя РФ по реализации программы «Умный город» сформировался Банк решений «Умный город», включающий и цифровые платформы вовлечения граждан. Результаты экспертной оценки данных платформ, проведенной Д. Р. Мухаметовым [10], приведены в таблице 3.

Оценки существующих решений в создании платформ вовлечения населения показывают, что большинство рассмотренных платформ относятся к моделям «Платформ информирования» и «Платформ контроля и предоставления услуг».

В результате в приоритете оказались решения, ориентированные на обеспечение коммуникации органов власти и населения, инцидент-менеджмента, голосования и оценки горожанами планируемых к реализации и уже реализованных проектов и предложений.

Выводы

- Использование платформенных решений при реализации проектов развития «Умный город» в России позволяет на основе работы с большими данными увязать в единый комплекс разнородные программы технологического и социально-экономического характера. При этом результативность наряду с уровнем развития материально-технического и технологического ресурсного обеспечения определяется эффективностью информационно-коммуникационных взаимодействий органов власти и населения.

- Внешние факторы, определяющие социально-экономические показатели развития территории, влияют на социальную активность населения, вызывая при негативном воздействии снижение эффективности информационно-коммуникационных взаимодействий органов власти и управления горожан. Это проявилось и во время действия эпидемии коронавирусной инфекции, и, видимо, будет наблюдаться в 2023 году при оценке последствий воздействия западных санкций, которые, кроме всего прочего, актуализируют вопросы импортозамещения технической и технологической базы информационно-коммуникационных систем и систем обработки больших массивов данных, используемых в программах «Умный город».

- Значимым ресурсом в развитии информационно-коммуникационного взаимодействия стейкхолдеров в рамках городских платформ вовлечения населения является целенаправленная деятельность по развитию системы разного рода сообществ, где

используются «мягкие» модели администрирования и методы стимулирования такого рода образований.

- Анализ опыта реализации программ «Умный город» в столичных городах и региональных центрах в России дает основания полагать, что в городах, реализующих данные программы за счет скоординированного использования в системах городского хозяйства и территориального управления информационно-коммуникационных технологий, имеются потенциальные ресурсы развития социальной активности населения в рамках использования нарабатываемых платформенных решений.

- Платформенные решения в рамках концепции «Умный город» позволяют оперативно обновлять разнообразные массивы социологической информации, используемой для организации мониторинга происходящих процессов развития городов.

Список источников

- [1] Оценки перспектив развития г. Тюмени в рамках концепции «SMART-City» в представлении жителей города (социологический ракурс) / М. Л. Белоножко, Б. М. Лихтенштейн, О. М. Барбаков, Д. А. Костырева. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – № 3. – С. 58–73.
- [2] Лихтенштейн, Б. М. Умный город, власть и население : субъектно-объектные взаимодействия // Б. М. Лихтенштейн, О. Ф. Данилов, Д. А. Костырева. – DOI 10.31660/1993-1824-2021-2-49-69. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2021. – № 2. – С. 49–69.
- [3] Оценки потенциала развития г. Тюмени на пути к умному городу / О. Ф. Данилов, С. И. Логинов, Б. М. Лихтенштейн, М. Л. Белоножко. – Текст : непосредственный // Стратегия научно-технологического развития России : проблемы и перспективы реализации : монография. – Петрозаводск : Новая наука, 2022. – С. 91–116.
- [4] Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» : введ. в действие с 07.05.2018. – Москва, 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения : 25.01.2023). – Текст : электронный.
- [5] UrbanPlatforms : [сайт]. – URL: <https://eu-smartcities.eu/content/urban-platforms> (дата обращения: 08.08.2022). – Text : electronic.
- [6] Намиот, Д. Е. Инфокоммуникационные сервисы в умном городе / Д. Е. Намиот, В. П. Куприяновский, С. А. Синягов. – Текст : непосредственный // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – Т. 4, № 4. – С. 1–9.
- [7] Семячков, К. А. Цифровые данные как ключевой ресурс развития умных городов / К. А. Семячков. – DOI 10.18334/epp.10.12.111345. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 12. – С. 3003–3020.

- [8] Ревякин, С. А. Функциональность электронных платформ общественного участия : причем здесь социальные сети? / С. А. Ревякин. – Текст : электронный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 3. – С. 88–106. – URL: <https://vgmu.hse.ru/data/2019/09/30/1543247858/Ревякин%203-2019.pdf> (дата обращения: 08.08.2022).
- [9] Kiuru, J., Inkinen, T. E-Capital and Economic Growth in European Metropolitan Areas : Applying Social Media Messaging in Technology-Based Urban Analysis / J. Kiuru, T. Inkinen. – DOI 10.1080/10630732.2019.1579513. – Direct text // Journal of Urban Technology. – 2020. – Vol. 26, Issue 2. – P. 67–88.
- [10] Мухаметов, Д. Р. Модели платформ вовлечения граждан для создания в России «умных городов» нового поколения / Д. Р. Мухаметов. – DOI 10.18334/vines.10.3.110683. – Текст : непосредственный // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 1605–1622.
- [11] Тюмень — наш дом. Портал администрации г. Тюмени : официальный сайт. – URL: <http://dom.tyumen-city.ru> (дата обращения: 23.01.2023). – Текст : электронный.
- [12] Я решаю. Сайт электронных опросов администрации г. Тюмени : официальный сайт. – URL: <http://ir.tyumen-city.ru> (дата обращения: 23.01.2023). – Текст : электронный.
- [13] Тюмень — наш дом. Вся статистика : сайт. – URL: <https://top.mail.ru/visits?id=1546868&period=2&days=730> (дата обращения: 23.01.2023). – Текст : электронный.
- [14] Лихтенштейн, Б. М. Виртуальные методы организации социальной активности в социуме / Б. М. Лихтенштейн, Л. Б. Лихтенштейн. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2007. – № 4. – С. 89–92.
- [15] Методика оценки хода и эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (IQ городов). – URL: <https://russiasmartcity.ru/uploads/attachments/a7579656-22ef-4f5e-b24c-51ae5626efcb/6636075be77a33437f1634ef96e1bff.pdf> (дата обращения: 23.01.2023). – Текст: электронный.

References

- [1] Belonozhko, M. L., Likhtenshtein, B. M., Barbakov, O. M., & Kostyreva, D. A. (2019). Assessment of Tyumen city prospects and development opportunities towards "Smart city" concept, as viewed by Tyumen residents (sociological view). Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 58-74. (In Russian).
- [2] Likhtenstein, B. M., Danilov, O. F., & Kostyreva, D. A. (2021). Smart city, executive power and population: ecosystem interactions. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 49-70. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2021-2-49-69

- [3] Danilov, O. F., Loginov, S. I., Likhtenshtein, B. M., & Belonozhko, M. L. (2022). Assessment of the development potential of Tyumen on the way to a smart city. Petrozavodsk, New Science Publ., pp. 91-116. (In Russian).
- [4] Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda". (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
- [5] UrbanPlatforms: [website]. (In English). Available at: <https://eu-smartcities.eu/content/urban-platforms>.
- [6] Namiot, D. E., Kupriyanovsky, V. P., & Sinyagov, S. A. (2016). Info-communication services in the smart city. International Journal of Open Information Technologies, (4(4)), pp. 1-8. (In Russian).
- [7] Semyachkov, K. A. (2020). Digital data as a key resource for the smart cities development. Journal of Economics, Entrepreneurship and Law, (10(12)), pp. 3003-3020. (In Russian). DOI: 10.18334/epp.10.12.111345
- [8] Revyakin, S. A. (2019). Functionality of e-participation platforms: why social networks? Public administration issues, (3), pp. 88-106. (In Russian). Available at: <https://vgmu.hse.ru/data/2019/09/30/1543247858/Ревякин%203-2019.pdf>
- [9] Kiuru, J., & Inkinen, T. (2020). E-Capital and Economic Growth in European Metropolitan Areas: Applying Social Media Messaging in Technology-Based Urban Analysis. Journal of Urban Technology, (26(2)), pp. 67-88. (In English). DOI: 10.1080/10630732.2019.1579513
- [10] Mukhametov, D. R. (2020). Models of Citizen Engagement Platforms for Creating a New Generation of Smart Cities in Russia. Russian journal of innovation economics, (10(3)), pp. 1605-1622. (In Russian). DOI: 10.18334/vinec.10.3.110683
- [11] Tyumen - nash dom. (In Russian). Available at: <http://dom.tyumen-city.ru>
- [12] Ya reshayu. Sajt elektronnykh oprosov administratsii g. Tyumeni (In Russian). Available at: <http://ir.tyumen-city.ru>
- [13] Tyumen - nash dom. Vsyaz statistika. (In Russian). Available at: <https://top.mail.ru/visits?id=1546868&period=2&days=730>
- [14] Likhtenstein, B. M., & Likhtenstein, L. B. (2007). Virtual methods of arranging social activity in community. New from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 89-92. (In Russian).
- [15] Methodology for assessing the progress and effectiveness of the digital transformation of the urban economy in the Russian Federation (IQ of cities). (In Russian). Available at: <https://russiasmartcity.ru/uploads/attachments/a7579656-22ef-4f5e-b24c-51ae5626efcb/16636075be77a33437f1634ef96e1bff.pdf>

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 27.10.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

УДК 316.334.3-053.81

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-80-94

Политическое сознание и поведение современной молодежи

Лилия Валерьевна Рожкова, Альбина Шагидулловна Дубина

Кафедра экономической теории и международных отношений, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Аннотация. Современные социально-политические и экономические условия развития страны оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности общества, сознание и поведение граждан. Современная молодежь остро ощущает на себе влияние процессов, происходящих в российском обществе, трансформирует свои ценностные ориентации и меняет модели поведения в соответствии с новой реальностью. Особый интерес представляет анализ состояния политического сознания и поведения студенческой молодежи в современных условиях. На основе материалов авторских социологических исследований, проведенных среди молодежи российских регионов в 2018–2019 гг., 2021 г., 2023 г., рассматриваются особенности отношения и интерес к политике, доверие к власти, готовность к участию, включенность молодежи в политическую жизнь страны, оценка влияния политических изменений на жизнедеятельность молодежи. Интерес составляет динамика политического сознания и поведения молодежи в условиях происходящих политических событий. Материалы исследований свидетельствуют о невысоком интересе молодежи к политике, готовности к участию в ней, что во многом обусловлено прежде всего перераспределением интересов молодежи в сторону актуальных для молодого поколения личных приоритетов. Это требует обращения к комплексному анализу политических ориентаций и особенностей политического участия современной молодежи, выявлению ресурсов включения молодежи в политику посредством развития и реализации ее социокультурных компонентов политического потенциала.

Ключевые слова: политика, политические ценности, политическое поведение, политическая ситуация, молодежь

Для цитирования: Рожкова, Л. В. Политическое сознание и поведение современной молодежи / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-80-94 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 80–94.

Political consciousness and behavior of modern youth

Lilia V. Rozhkova, Albina Sh. Dubina

Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, Penza, Russia

Abstract. Modern socio-political and economic conditions of the country's development have an impact on all spheres of society, consciousness and behavior of citizens. Modern youth is acutely aware of the influence of the processes taking place in Russian society, transforms their value orientations and changes own behavior in accordance with the new reality. An analysis of the state of political consciousness and behavior of student youth in modern conditions is of particular interest. The authors of the article consider the features of attitudes and interest in politics, trust in the authorities, willingness to participate, youth involvement in the political life of the country, assessment of the impact of political changes on the life of youth; the results of author's sociological researches, which have been conducted among the youth of Russian regions in 2018-2019, 2021, 2023, emerged as based data. The dynamics of political consciousness and behavior of young people during ongoing political

events is of interest. Research materials indicate a low interest of young people in politics, readiness to participate in it, which is largely due to the redistribution of the interests of young people in the direction of personal priorities relevant to the younger generation. It needs a comprehensive analysis of the political orientations and features of the political participation of modern youth, the identification of resources for the inclusion of youth in politics through the development and implementation of its social and cultural components of political potential.

Keywords: politics, political values, political behavior, political situation, youth

For citation: Rozhkova, L. V., & Dubina, A. Sh. (2023). Political consciousness and behavior of modern youth. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 80-94. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-80-94

Введение

Политические ценности и ориентации современной молодежи формировались последние два десятилетия, этот период постсоветского развития характеризуется этапом становления новой России, а также активным изменением системы ценностных ориентаций и моделей поведения молодого поколения. Изучение политических ориентаций, ценностей современной молодежи, ее отношения к политике обусловлено ее ролью как основного актора будущего поступательного развития России.

Проблема изучения политических ценностей, ориентаций, политического сознания и поведения россиян и молодежи является весьма актуальной и вызывает значительный научный интерес со стороны отечественных ученых.

В социологической энциклопедии политическое сознание рассматривается как одна из форм общественного сознания, свое отражение находит в политических теориях, идеях, взглядах, а также в чувствах и настроениях людей, связанных с их отношением к политическому строю, политической системе, деятельности политических лидеров [1]. Политическое сознание рассматривается как совокупность представлений, взглядов, установок, оценок, которые отражают отношение к политике, способность к политическому участию [2]. Политическое сознание — совокупность представлений индивида, опосредующих отношение к политике, власти, политическим процессам, субъектам, институтам. В его структуре выделяют политические представления, установки и ценности [3]. Последние определяются как присущие обществу, личности, группе смысловые доминанты, которые определяют политические принципы социальных отношений [4]. Они отражают представления о свободе, справедливости, порядке [5].

Категория «сознание» приобретает определенный научный смысл только в соотношении с категорией «деятельность» и неотделима от нее. Молодежь интересуется политикой, но эта заинтересованность минимальна. Проявление политической и гражданской активности не является первостепенной сферой интересов молодых людей [6]. Данные исследований среди молодежи фиксируют разрыв между потенциальным и реальным проявлением разных форм политического поведения [7]. По мнению исследователей, активизация молодежи в политике выступает ответной реакцией на происходящие в обществе события и принимаемые государственные решения [8]. Несмотря на неоспоримость потенциальной активности молодежи, в рамках научных исследований констатируется факт абсентеизма современной российской молодежи, ее аполитично-

сти. В современных условиях наблюдается отсутствие мотивации молодежи к политической активности [9]. Невысокий уровень участия молодежи в разных формах политической деятельности обусловлен рядом причин. В их числе и незаинтересованность в политике, и бесперспективность участия в аспекте изменения политической ситуации, и невысокий уровень политической культуры, а также неинформированность и невысокая эффективность, несистемность работы с молодежью по включению ее в политическую жизнь.

Комплексное изучение особенностей социокультурных основ политического потенциала молодежи важно для оценки ее готовности и участия в политической жизни страны, поскольку сегодняшняя молодежь, придя в политику в ближайшем будущем, будет определять векторы развития страны [10], а ее политические ориентиры способны найти реализацию в будущем политическом развитии страны.

Материалы и методы

В работе использовались системный и структурно-функциональный подходы. Системный подход позволяет раскрыть политическое сознание и поведение в качестве системного образования; структурно-функциональный подход раскрывает особенности структуры политического сознания, формы политического поведения молодежи.

Для анализа политических ценностей, ориентаций, поведения молодежи, а также их динамики использовались материалы ряда авторских исследований: опросы методом анкетирования «Социальный потенциал молодежи: социокультурные особенности» (2018–2019 гг., г. Пенза, г. Саратов, г. Саранск, г. Севастополь, г. Москва, г. Санкт-Петербург, молодежь 14–30 лет, $n = 2\ 383$); «Политический и протестный потенциал молодежи» (2021 г., Пензенская область, молодежь 14–35 лет, $n = 654$); «Политические ценности молодежи» (2023 г., Пензенская область, молодежь 18–35 лет, $n = 204$). Обработка данных исследований проводилась в специально разработанной программе «Sociology». С целью сравнительного анализа использовались материалы общероссийских исследований: Всероссийского центра изучения общественного Мнения (ВЦИОМ), Фонда Общественного Мнения (ФОМ), Левада-центра (признан иностранным агентом) и др.

Результаты и обсуждение

Политическое сознание, ценности современного поколения молодых людей формировались в период становления новой политической системы, идеологического вакуума, периодов кризисов и нестабильности. Процесс их трансформации связан с социальной средой, развитием политической и экономической ситуации в стране.

По данным исследования 2018–2019 гг. было выявлено, что большая часть молодых респондентов в тот период ощущала на себе влияние кризиса и нестабильности в российском обществе. Так, только 28,31 % молодежи регионов Поволжья давали положительные оценки ситуации в стране, определяя ее как нормальную, спокойную. Большая часть молодых людей (59,32 %) оценивали ее как напряженную, кризисную. Наиболее негативные оценки давали жители мегаполисов (Москва — 68,28 % и Санкт-

Петербург — 70,50 %), выбирая вариант «ситуация напряженная, кризисная». В отличие от жителей других регионов молодые крымчане более положительно характеризовали ситуацию в стране: более трети опрошенных оценивали ее как «нормальную и спокойную» (33,8 %). Это, возможно, было обусловлено улучшением качества жизни и позитивными изменениями после референдума 2014 г. о присоединения Крыма к РФ [11].

По данным исследований 2018–2019 гг., политическую ситуацию в стране в тот период молодые люди характеризовали как сложную, но не опасную. По результатам опросов 2021 и 2023 гг. молодые люди Пензенской области чаще оценивают социально-политическую ситуацию в стране как кризисную. Данные последнего исследования (табл. 1) демонстрируют изменение настроения молодых людей, для которых современная социально-политическая ситуация становится тревожно-угрожающей, напряженной. Эти мнения вполне обоснованы с позиции ее нестабильности в России и мире в целом.

Таблица 1

Оценка современной социально-политической ситуации в РФ, в %

Вариант ответа	Поволжье (2018 г.), n = 754, %	Крым (2018 г.), n = 400, %	Москва (2019 г.), n = 675, %	Санкт-Петербург (2019 г.), n = 554, %	Пенза (2021 г.), n = 654, %	Пенза (2023 г.), n = 204, %
Благоприятная	8,28	7,75	2,64	1,44	4,59	4,3
Спокойная, устойчивая	17,59	15,49	6,17	5,04	8,35	7,4
Сложная, но не опасная	37,93	33,10	25,11	33,09	38,53	22,1
Напряженная, тревожная, угрожающая	17,07	16,90	36,12	27,70	16,82	25
Очень напряженная, предкризисная	15,34	11,27	17,18	20,14	9,8	11,8
Затрудняюсь ответить	3,79	15,49	12,78	12,59	21,91	29,4

Необходимо подчеркнуть, что в целом среди россиян растет уровень тревожности. Так, по данным «Национального индекса тревожностей» 2022 г., ее общий уровень превысил аналогичный показатель 2021 г. в два раза. Однако ранее россиян тревожила пандемия коронавируса; в 2022 г. — специальная военная операция (СВО) [12].

Влияние кризиса и нестабильности в стране на жизнедеятельность молодежи в целом подтверждают материалы авторского исследования 2021 г.: большая часть молодежи Пензенской области была уверена в этом влиянии (27 %). По данным исследования, треть респондентов (33,03 %) были уверены в том, что события в политической жизни России являются значимыми и влияют на них; об отсутствии этого влияния заявили 55,05 % опрошенных в 2021 г. Согласно исследованию 2023 г., около половины опрошенных (42,5 %) ответили отрицательно на вопрос о влиянии происходящих сегодня событий в политической сфере на жизнь молодых людей (рис. 1).

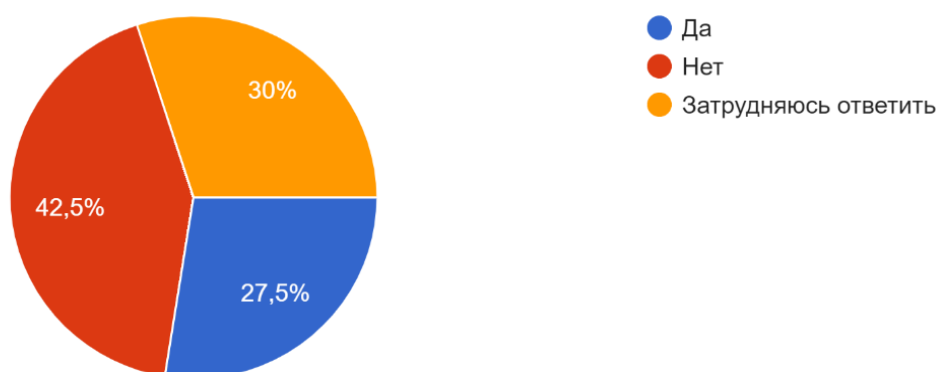

Рис. 1. Оценка влияния политических событий на жизнь молодых людей г. Пензы (в %, n = 204)

Вместе с тем авторские исследования 2018–2019 гг. показали некоторые взаимосвязи. Так, респонденты, ощущающие на себе влияние нестабильности и кризиса, чаще интересовались политической информацией, имели политические предпочтения и демонстрировали электоральную активность [13].

Политическое доверие рассматривается в связке с оценкой эффективности действующей политической системы. Российская молодежь демонстрирует невысокий уровень доверия власти [14].

По данным исследования 2021 г., в целом в молодежной среде отмечается невысокий уровень доверия к различным политическим институтам; исключение — доверие Президенту РФ и армии [10]. В целом опросы фиксируют больший уровень одобрения, чем доверия (48,01 % одобряли деятельность Президента РФ; для сравнения, по данным ВЦИОМ 2023 г., этот показатель среди россиян с 23 по 29 января 2023 года составил 75,7 % [15]).

Материалы авторских исследований 2018–2019 гг. показали, что больше доверяют органам власти респонденты из материально обеспеченных семей, молодые люди более старшего возраста, молодые государственные служащие [10]. Было выявлено, чем лучше молодые люди оценивают социально-экономическую ситуацию в стране, тем выше уровень их доверия власти [10].

По опросу 2021 г. молодые люди чаще были скорее не удовлетворены проводимой в России политикой (34,25 %). Согласно социологическому исследованию 2023 г. молодые люди чаще скорее удовлетворены проводимой сегодня политикой в России (35,8 %); также выросла и доля тех, кто полностью удовлетворен проводимой сегодня политикой (14,9 % в 2023 г. против 7,95 % в 2021 г.) (табл. 2). Повышение авторитета власти является бустером для государства в такой непростой для страны период, когда Россия строит многополярный мир.

Таблица 2

Удовлетворенность проводимой политикой в России, в %

Вариант ответа	Пенза (2021 г.), n = 654, %	Пенза (2023 г.), n = 204, %
Полностью удовлетворен	7,95	14,9
Скорее удовлетворен	23,24	35,8
Скорее не удовлетворен	34,25	11,9
Не удовлетворен	21,71	10,4
Затрудняюсь ответить	12,84	26,9

Необходимо отметить, что еще 80,73 % опрошенных в 2021 г. были согласны с тем, что за последние полгода-год они слышали от окружающих в адрес российских властей критические высказывания; а у 68,81 % респондентов действия российских властей вызвали возмущение, недовольство. В 2023 г. доля таких респондентов составила, соответственно, 55,2 и 46,3 %.

В 2021 г. 68,5 % молодых людей не являлись приверженцами определенных политических взглядов, принципов. В 2023 г. их доля почти не изменилась и составила 62,7 %.

Рассматривая политические ценности, исследователь А. В. Селезнева отмечает, что ядром ценностного сознания современной молодежи выступают такие традиционно присущие российской политической культуре ценности, как справедливость и свобода [16]. Данные исследования А. В. Селезневой показывают наличие у молодежи запроса на прозрачность, транспарентность, открытость информации о политических процессах и решениях. Ценности выступают смысловыми регуляторами отношения молодых людей к политике, а в рамках справедливости акцент делается на равенство возможностей и главенство закона [17].

По материалам исследования 2021 г., основными политическими ценностями для молодежи являлись (в порядке убывания) следующие: ценности прав человека (35,87 %), свободы (29,05 %), безопасности (27,52 %), стабильности (21,71 %), законности (24,16 %) [18].

Рассматривая политическое сознание и ценности современной молодежи, необходимо обратиться к анализу интереса молодых людей к политической жизни, событиям, происходящим в стране и мире.

В декабре 2022 г. на заседании Госсовета Президент РФ В. В. Путин отметил особый вклад современной молодежи в развитие России, понимание магистральных направлений сегодняшнего развития: «Наша молодежь демонстрирует... высокий уровень... понимания происходящих процессов в мире, в обществе ... Давайте сейчас посмотрим, как молодые люди сражаются. А как реагирует наша молодежь на то, что происходит в зоне специальной военной операции. Как поддерживает наших бойцов...» [19].

В этой связи интересными представляются материалы исследований А. А. Казакова. Так, половина опрошенных россиян следит за происходящим и в рамках СВО событиями, при этом молодежь проявляет к этому меньший интерес, также молодые лю-

ди относительно старшего поколения более равнодушны к тому, что происходит на территории соседних государств. Характерные для молодежи сравнительно невысокие уровни интереса и озабоченности происходящим нельзя считать неожиданными. Так или иначе, но в большинстве своем молодые люди традиционно менее склонны к рефлексии относительно политических по своей природе событий и процессов [20].

По данным ВЦИОМ 2021 г., интерес к политической жизни у россиян увеличился [21]. Результаты опроса ФОМ 2017 г. показывают, что 50 % молодых людей от 18 до 34 лет интересовались политикой. При этом 34 % опрошенных отметили, что интересуются как внутренней политикой, так и внешней в равной мере (11 % больше интересовались внутренней политикой и 8 % — внешней). 62 % молодых людей отметили, что их интерес к политике за последние 2–3 года почти не изменился. По мнению 19 % опрошенных, отсутствие интереса к политике среди молодежи — это особенность нынешнего поколения [22].

По материалам исследования 2021 г., среди молодежи Пензенской области интерес к политике был не высокий. Только 18,04 % интересовались политикой. В 2023 г. все кардинально изменилось. Так, уже 45,5 % молодых людей стали активно интересоваться политическими событиями, еще 42,4 % проявляют интерес от случая к случаю (табл. 3).

Таблица 3

Интерес молодежи к политике, в %

Вариант ответа	Пенза (2021 г.), n = 654, %	Пенза (2023 г.), n = 204, %
Постоянно интересуюсь политической информацией, внимательно слежу за информацией о политических событиях в стране	18,04	45,5
Интересуюсь политической информацией от случая к случаю, мало слежу за информацией о политических событиях	53,52	42,4
Политика меня не интересует	28,44	12,1

Необходимо подчеркнуть, что около половины опрошенных (42,2 %), по данным исследования 2021 г., обсуждают в семье, среди друзей и коллег вопросы, связанные с политикой. Интересны данные, представленные Левада-центром (признан иностранным агентом). По данным исследования 2022 г., большая часть респондентов считает, что может говорить о политике руководства страны более-менее свободно. Эти представления довольно устойчивы. При этом люди приписывают большинству населения те чувства, которые испытывают сами [23].

По результатам авторского исследования, молодые люди чаще всего черпают информацию о политических событиях из социальных сетей, форумов, блогов (табл. 4); далее следуют новостные интернет-порталы и телевидение.

Таблица 4

Источники, из которых молодежь чаще всего черпает информацию о политической жизни России (в %, n = 654, многовариантные ответы)

Вариант ответа	Пенза (2021 г.), n = 654, %
Телевидение	40,98
Социальные сети, форумы, блоги	50,15
Новостные интернет-порталы	49,24
Родственники, друзья, знакомые	29,97
Газеты, журналы	13,76
Радио	10,40
Политика меня не интересует	8,87
Затрудняюсь ответить	4,28

Рассмотрим особенности политической активности россиян и современной молодежи. По данным ВЦИОМ 2021 г., россияне чаще всего активно участвуют в благоустройстве своих домов (24 %), в выборах (22 %), помощи людям в тяжелом положении (20 %) [21].

Авторские исследования молодежи Пензенской области в 2021 г. демонстрируют незаинтересованность в политическом участии, 47 % молодых людей Пензенской области не принимали участия в политической жизни страны. Больше всего молодые люди участвовали в выборах (рис. 2).

Рис. 2. Участие молодежи в политической жизни страны за последний год: по данным 2021 г. (в %, n = 654; многовариантные ответы)

В 2023 г. молодежь меньше стала проявлять политическую активность, преобладающее большинство ни в чем подобном не участвует (65,2 %), но также как и в 2021 г. проявляет свою электоральную активность 21,2 % опрошенных (рис. 3). Подобные тенденции констатируют и ряд исследователей. Так, И. В. Инякин отмечает, что «...степень интенсивности участия в политической жизни общества является неравно-

мерной и даже нестабильной. Тем не менее, политическое участие (активность) молодежи в политике можно наблюдать всегда» [24].

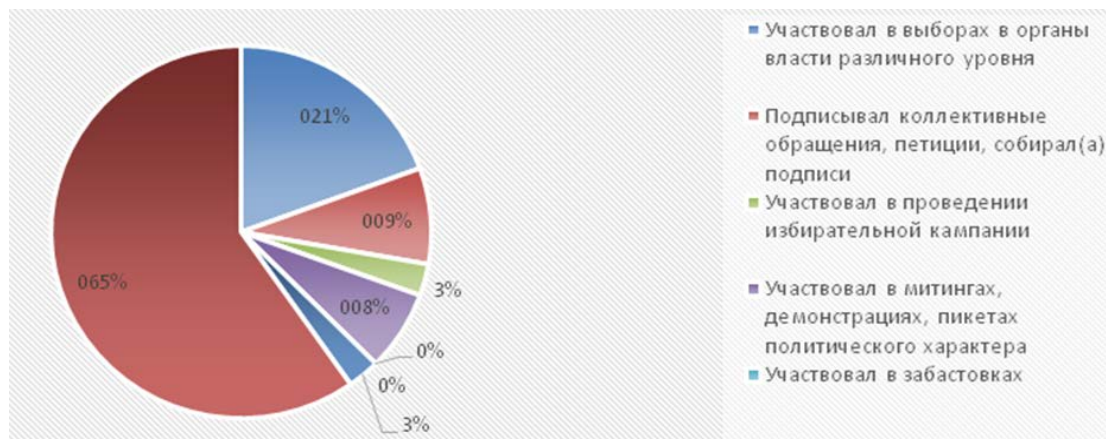

Рис. 3. Участие молодежи в политике за последний год: по данным 2023 г. (в %, n = 204; многовариантные ответы)

При этом интересно, что треть молодых людей (29,05 %), идя на выборы, заранее знают, за кого будут голосовать, имеют представление о кандидате и его деятельности, еще 23,85 % также знают, за кого будут голосовать, но не знакомы с политической деятельностью кандидата, 15,6 % молодых людей принимает решение непосредственно при голосовании (по данным исследования 2021 г.). 10,09 % уверены и еще 14,37 % скорее уверены в том, что их голос может оказать влияние на исход выборов (35,78 % — скорее не уверены и 24,77 % — не уверены).

Практически незначительно участие современной молодежи в постоянно действующих политических организациях. Так, по данным исследования 2021 г., только 7,73 % являются участниками политических организаций, 3,98 % — участниками внепартийных организаций и движений политической направленности. Только 13,15 % хотели бы стать членами какой-либо политической партии, организации.

По данным ВЦИОМ 2021 г., основными причинами отсутствия желания участвовать в политической жизни страны россияне назвали недостаток времени (28 %) [21]. По данным опроса среди молодежи 2021 г., в числе основных факторов отсутствия включенности в политику были названы незаинтересованность, неинформированность. В 2023 г. молодежь в качестве основных факторов, чаще всего препятствующих включению молодежи в политическую жизнь страны, выбрала незаинтересованность в политике — 62,7 %. Следует отметить рост этого показателя в 2023 г. в отличие от 2021 г. (табл. 5).

По мнению молодежи, наибольшее влияние на формирование их политических ценностей оказали Интернет (39,14 %), семья (37,31 %), СМИ (30,89 %) [18]. В эпоху цифровизации и доступности информации для получения знания в сфере политики на помощь молодежи приходят различные популярные социальные сети, интернет-каналы, видеохостинги и другие сервисы. Однако воспитание и первые этапы социализации

зации молодые люди все же проходят в семье. Поэтому часто дети разделяют политические позиции, убеждения своих родителей или близких родственников.

Таблица 5

Причины, препятствующие, по мнению молодежи, их включению в политическую жизнь (в %; многовариантные ответы)

Вариант ответа	Пенза (2021 г.), n = 654, %	Пенза (2023 г.), n = 204, %
Нехватка времени	21,82	34,3
Незаинтересованность в политике	44,64	62,7
Неинформированность	30,28	46,3
Бесперспективность участия, ситуацию не изменить	41,9	41,8
Традиции, привычка	7,6	9

Повышение уровня развития и реализации ценностных компонентов политического потенциала современной молодежи возможно на нескольких уровнях. На государственном и региональном уровнях необходимо дальнейшее совершенствование основ молодежной политики с учетом требований современности, четкое выстраивание системы мероприятий молодежной политики. Особое внимание следует уделить формированию системы информационного воздействия посредством средств массовой коммуникации, развитию молодежного медийного пространства. В рамках образовательных учреждений развитие политических ценностей молодежи возможно путем комплексного внедрения различных инициатив в структуру образовательной, воспитательной, научной деятельности, в том числе введение специальных дисциплин по правовой культуре, гражданской и политической активности (сегодня активно обсуждается введение курса «Основы российской государственности»), что возможно в рамках факультативных дисциплин. Необходимы разработка комплекса мероприятий по правовому просвещению и их проведение в рамках кураторских часов, организация вузовских конкурсов и проектов в области правового воспитания, формирования культуры гражданственности и др., например «Школа выборов», «Курсы молодых лидеров». Целесообразно создание в учебных заведениях службы социологического мониторинга молодежных проблем.

Выводы

Современные социально-политические и экономические условия развития страны оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности общества, сознание и поведение граждан, в том числе и молодежи. По данным исследований можно сделать ряд основных выводов. Еще пять лет назад молодежь российских регионов оценивала политическую ситуацию в России как сложную, но не опасную, в настоящих условиях оценивают ее как тре-

возно-угрожающую, напряженную, что в целом подтверждается и материалами общероссийских исследований о росте национального индекса тревожностей.

Вместе с тем данные исследований свидетельствуют об отсутствии роста влияния происходящих в стране политических событий на жизнедеятельность молодежи. В целом отмечается невысокий уровень доверия политическим институтам в среде молодежи.

Что касается удовлетворенности проводимой в России политикой, то молодые люди чаще ею не удовлетворены, однако в 2023 г. отмечается почти в два раза рост среди молодежи доли тех, кто полностью удовлетворен проводимой сегодня политикой. В ряду главных политических ценностей молодежи — права человека и свобода. Большая часть молодежи не является приверженцами определенных политических взглядов, принципов. В связи с последними происходящими событиями в 2023 г. отмечается увеличение постоянного интереса молодежи к политическим событиям, информацию они черпают в основном из социальных сетей, форумов, блогов. Достаточно часто молодые люди обсуждают происходящие политические события в семье, среди друзей и коллег. Материалы авторских и других социологических исследований свидетельствуют о невысоком уровне политического участия современной молодежи.

Список источников

- [1] Ирхин, Ю. В. Сознание политическое / Ю. В. Ирхин. – Текст : непосредственный // Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд ; руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин ; главный редактор В. Н. Иванов. – Москва : Мысль, 2003. – С. 438–439.
- [2] Нигматзянова, А. А. Понятие политического сознания в современном обществе / А. А. Нигматзянова. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (63). – С. 115–118.
- [3] Селезнева, А. В. Политическое сознание современной российской молодежи : политико-психологический анализ / А. В. Селезнева, А. В. Дождиков. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 2. – С. 48–60.
- [4] Селезнева, А. В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей / А. В. Селезнева. – DOI 10.17223/1998863X/49/18. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192.
- [5] Миронов, А. В. Политико-правовые ценности современной студенческой молодежи / А. В. Миронов, Л. В. Рожкова. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 3. – С. 288–296.
- [6] Татаева, Э. О. Политическое поведение студенческой молодежи России / Э. О. Татаева. – Текст : непосредственный // Российская наука и образование сегодня : проблемы и перспективы. – 2017. – 2(15). – С. 63–64.

- [7] Попова, О. В. Политическое поведение российской молодежи : репертуар тактик и реальные действия / О. В. Попова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 15–27.
- [8] Трынов, Д. В. Политическое участие молодежи : поддержка vs протест / Д. В. Трынов. – DOI 10.25136/2409-7144.2019.12.31195. – Текст : непосредственный // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 298–314.
- [9] Никитина, Ю. А. Проблема аполитичности молодежи в современной России / Ю. А. Никитина. – Текст : непосредственный // Плехановский барометр. – 2017. – № 10. – С. 42–44.
- [10] Отношение молодежи к политическим институтам: уровень доверия и одобрения / Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, О. В. Сальникова, А. Ш. Дубина. – DOI 10.21685/2072-3016-2022-1-1. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 1(61). – С. 5–17.
- [11] Рожкова, Л. В. Сравнительный анализ политического потенциала современной российской молодежи на примере Поволжья и автономной республики Крым / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, И. А. Голубев. – Текст : непосредственный // Противодействие экстремизму и терроризму : философские, социологические и политологические аспекты : материалы V Международной научно-практической конференции. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 88–90.
- [12] Рейтинг регионов России 2022. – Текст : электронный // КРОС : [сайт]. – URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/4048/> (дата обращения: 11.01.2023).
- [13] Рожкова, Л. В. Политические ориентации и электоральная активность современной молодежи / Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, А. Ш. Дубина. – Текст : непосредственный // Социальная активность молодежи как необходимое условие развития общества : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г. / Под редакцией Г. В. Ковалевой. – Санкт-Петербург : ФГБОУВО «СПбГУПТД». – 2019. – С. 369–374.
- [14] Федотова, В. А. Ценности как предиктор политического доверия и готовности к политическому поведению у российской молодежи / В. А. Федотова. – DOI 10.21603/2078-8975-2022-24-1-99-105. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – Т. 24, № 1 (89). – С. 99–105.
- [15] Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий. – Текст : электронный // ВЦИОМ : сетевое издание. – 2023. – 3 фев. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20230203> (дата обращения: 04.02.2023).
- [16] Тулегенова, Д. Д. «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса) / Д. Д. Тулегенова, А. В. Селезнева. – Текст : электронный // Полилог. – 2022. – Т. 6, № 2. – URL: <https://doi.org/10.18254/s258770110020714-7>

- [17] Селезнева, А. В. Политическая мораль современной российской молодежи : ценности, представления, установки / А. В. Селезнева. – DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 47–60.
- [18] Рожкова, Л. В. Политические ценности и ориентации современной молодежи : по результатам социологических исследований / Л. В. Рожкова. – Текст : непосредственный // Молодежь в современных политических процессах : сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 30 октября 2021 г. / Под редакцией Л. В. Рожковой, О. В. Сальниковой. – Пенза : ПГУ, 2021. – С. 7–12.
- [19] Развитие России и ее будущие ценности напрямую зависят от молодежи. – Текст : электронный // Первый канал : сайт. – 2022. – 25 дек. – URL: https://www.1tv.ru/news/2022-12-25/444175-razvitiye_rossii_i_ee_buduschie_tsennosti_napryamuyu_zavisyat_ot_molodezhi (дата обращения: 01.02.2023).
- [20] Казаков, А. А. Отношение российской молодежи к СВО : роль медийного сопровождения государственной политики / А. А. Казаков. – DOI 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 460–467.
- [21] Социальная и политическая активность россиян : мониторинг. – Текст : электронный // ВЦИОМ : сетевое издание. – 2021. – 2 авг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 02.02.2023).
- [22] Интерес молодежи к политике. – Текст : электронный // ФОМ : сайт. – 2017. – 18 апр. – URL: <https://fom.ru/Politika/13285> (дата обращения: 14.01.2023).
- [23] Готовность говорить о политике. – Текст : электронный // Левада-Центр : сайт. – 2022. – 26 апр. – URL: <https://www.levada.ru/2022/04/26/gotovnost-govorit-o-politike/> (дата обращения: 01.02.2023).
- [24] Инякин, В. В. Политическая активность молодежи в современной России / В. В. Инякин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 23 (313). – С. 515–517.

References

- [1] Irkhin, Yu. V. (2003). Soznanie politicheskoe. Sotsiologicheskaya entsiklopediya. Moscow, pp. 438-439. (In Russian).
- [2] Nigmatzyanova, A. A. (2016). Notion of political consciousness in contemporary society. Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice, (1(63)), pp.115-118. (In Russian).
- [3] Selezneva, A. V. & Dozhdikov, A. V. (2012). Politicheskoe soznanie sovremennoy rossiyskoy molodezhi: politiko-psikhologicheskiiy analiz. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, (2), pp. 48-60. (In Russian).

- [4] Selezneva, A. V. (2019). Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science*, (49), pp. 177-192. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/18
- [5] Mironov, A. V. & Rozhkova, L. V. (2014). Politiko-pravovye tsennosti sovremennoy studentcheskoy molodezhi. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, (3), pp. 288-296. (In Russian).
- [6] Tataeva, E. O. (2017). Politicheskoe povedenie studentcheskoy molodezhi Rossii. *Rossiyskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*, (2(15)), pp. 63-64. (In Russian).
- [7] Popova, O. V. (2016). Political behavior of the Russian youth: the repertoire of tactics and real actions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, (1), pp. 15-27. (In Russian).
- [8] Trynov, D. V. (2019). Youth political participation: support vs protest. *Sociodynamics*, (12), pp. 298-314. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195
- [9] Nikitina, Y. A. (2017). Problema apolitichnosti molodezhi v sovremennoy Rossii. *Plekhanovskiy barometr*, (10), pp. 42-44. (In Russian).
- [10] Rozhkova, L. V., Vlazneva, S. A., Salnikova, O. V., & Dubina, A. S. (2022). Youth's attitude towards political institutions: level of trust and approval. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, (1(61)), pp. 5-17. (In Russian). DOI: 10.21685/2072-3016-2022-1-1
- [11] Rozhkova, L. V., Dubina, A. S., & Golubev, I. A. (2018). Sravnitel'nyy analiz politicheskogo potentsiala sovremennoy rossiyskoy molodezhi na primere Povolzh'ya i avtonomnoy respubliki Krym. *Protivodeystvie ekstremizmu i terrorizmu: filosofskie, sotsiologicheskie i politologicheskie aspekty: Materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnodar, Krasnodarskiy universitet MVD Rossii Publ., pp. 88-90. (In Russian).
- [12] Reyting regionov Rossii 2022. (In Russian). Available at: <https://www.1tv.ru/news/2022-12-https://www.cros.ru/ru/exploration/research/4048>
- [13] Rozhkova, L. V., Vlazneva, S. A., & Dubina, A. S. (2019). Politicheskie orientatsii i elektoral'naya aktivnost' sovremennoy molodezhi. *Sotsial'naya aktivnost' molodezhi kak neobkhodimoe uslovie razvitiya obshchestva: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. St. Petersburg, FGBOUVO "SPbGUPTD" Publ., pp. 369-374. (In Russian).
- [14] Fedotova, V. A. (2022). Values as a predictor of political trust and readiness for political behavior among Russian youth. *Bulletin of Kemerovo State University* 24(1(89)), pp. 99-105. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-1-99-105
- [15] Reytingi doveriya politikam, otsenki raboty prezidenta i pravitel'stva, podderzhka politicheskikh partiy. (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20230203>
- [16] Tulegenova, D. D., & Selezneva, A. V. Traditional and new in the value orientations of russian youth: results of the expert survey. *Polylogos*. (In Russian). Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020714-7-1>

- [17] Selezneva, A. V. (2022). Political morality of modern Russian youth: values, representations attitudes. Research result. *Sociology and Management* 8(3), pp. 47-60. (In Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4
- [18] Rozhkova, L. V. (2021). Political values and orientations of modern youth: based on the results of sociological research. *Molodezh' v sovremennykh politicheskikh protsessakh: sbornik statey po materialam vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Penza, PGU Publ., pp. 7-12. (In Russian).
- [19] Razvitie Rossii i ee budushchie tsennosti napryamuyu zavisyat ot molodezhi. (In Russian). Available at: https://www.1tv.ru/news/2022-12-25/444175_razvitie_rossii_i_ee_budushchie_tsennosti_napryamuyu_zavisyat_ot_molodezhi
- [20] Kazakov, A. A. (2022). The attitude of Russian youth to the special military operation: the role of media support of state policy. *Izvestia of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology*, (22(4)), pp. 460-467. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467
- [21] Sotsial'naya i politicheskaya aktivnost' rossiyan: monitoring. (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>
- [22] Interes molodezhi k politike. (In Russian). Available at: <https://fom.ru/Politika/13285>
- [23] Gotovnost' govorit' o politike. (In Russian). Available at: <https://www.levada.ru/2022/04/26/gotovnost-govorit-o-politike/>
- [24] Inyakin, V. V. (2020). Politicheskaya aktivnost' molodezhi v sovremennoy Rossii. *Young Scientist*, (23(313)), pp. 515-517. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 03.03.2023.

УДК 316.4

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-95-107

Новый взгляд на образовательную миграционную подвижность молодежи в регионах

Анастасия Олеговна Ульмясбаева, Эльвира Ивановна Забнева

Кафедра экономики и управления, филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Новокузнецке, Новокузнецк, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу эффективных практик «сдерживания» молодежи в регионах, а также разработке научных выводов в сфере возможных мер по снижению оттока студентов в условиях поляризации и социально-экономических трансформаций жизнедеятельности. По результатам проведенного исследования были выявлены тенденции и закономерности межрегиональной образовательной миграции молодежи, обусловленные региональным дисбалансом в социально-экономическом развитии, высококонкурентной системой высшего образования, шансами выгодного трудоустройства и более высоким уровнем жизни, «западным дрейфом»; рассмотрены факторы, влияющие на выбор места получения образования и вуза; охарактеризованы эффективные практические принимаемые решения в регионах по снижению оттока студентов и молодежи, например, проект «Преуниверсарий», введение целевого обучения, выплаты стипендий за обучение и одновременное трудоустройство по будущей профессии, программа лояльности и др. Проведенный анализ научных исследований и практик реализации помог сформулировать выводы и разработать комплекс практических разноуровневых мер по «сдерживанию» и поддержки абитуриентов в регионе. Обоснована взаимосвязь межрегиональной образовательной миграции молодежи с социально-экономическим развитием региона, предопределяющая тенденции, масштабы и вектор процессов. В статье аргументированно предложен комплексный подход к решению проблемы межрегиональной образовательной подвижности молодежи через формирование конструктивного взаимодействия органов власти, бизнеса и образовательных организаций.

Ключевые слова: образовательная миграция, молодежь, факторы, регион, университет

Для цитирования: Ульмясбаева, А. О. Новый взгляд на образовательную миграционную подвижность молодежи в регионах / А. О. Ульмясбаева, Э. И. Забнева. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-95-107 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 95–107.

A new view on educational migration mobility of youth in the regions

Anastasia O. Ulmyasbaeva, Elvira I. Zabneva

Department of Economics and Management, a branch of Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev in Novokuznetsk, Novokuznetsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of effective practices of "containment" of youth in the regions, as well as the development of scientific conclusions in the field of possible measures to reduce the outflow of students in the conditions of polarization and social and economic transformations of life. The results of the study revealed trends and patterns of interregional educational migration of young people, due to regional imbalance in social and economic development, a highly competitive system of higher education, chances of profitable employment and a higher standard of living, "Western drift"; the factors influencing the choice of the place of education and university are considered; effective practical decisions made in the regions to reduce the outflow of students and youth are characterized, such as a project "Preuniversity", the introduction of targeted education,

the payment of scholarships for education and simultaneous employment in a future profession, a loyalty program, etc. The analysis of scientific research and implementation practices helped to formulate conclusions and develop a set of practical multi-level measures to "contain" and support applicants in the region. The relationship between interregional educational migration of young people and the social and economic development of the region, which determines the trends, scales and vector of processes, is substantiated. The article reasonably proposes an integrated approach to solving the problem of interregional educational migration of young people through the formation of constructive interaction between authorities, business and educational organizations.

Keywords: educational migration, youth, factors, region, university

For citation: Ulmyasbaeva, A. O., & Zabneva, E. I. (2023). A new view on educational migration mobility of youth in the regions. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 95-107. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-95-107

Введение

В настоящее время ведется много дискуссий о том, должно ли государство, региональные и муниципальные органы власти быть обеспокоены межрегиональной образовательной миграцией молодежи, поскольку одни регионы выступают в роли доноров молодежи, а другие реципиентами. Кроме того, процесс стал предметом многочисленных споров из-за влияния на социально-экономическое развитие отдельно взятых регионов. Сильные региональные перепады по числу университетов и их сосредоточенность в крупных городских агломерациях активизируют миграционную мобильность российской молодежи с периферии, а диспаритет состояния экономик территорий в их развитии лишь придает процессу невозвратный характер.

Исследователи Высшей школы экономики (ВШЭ), в том числе Н. К. Габдрахманов, отмечают в Российской Федерации (РФ) наличие, с одной стороны, «университетских оазисов», городов и регионов с большим выбором возможностей, а с другой — «университетских пустынь», где высшая школа представлена одним-двумя институтами, и молодежи не из чего выбирать [1]. Несомненно, два этих факта прямым образом сказываются на последствиях образовательной миграции молодежи, ее эффекте, чаще всего оказывая неблагоприятное воздействие на демографическую структуру обществ, рынок труда, развитие экономики, профессионально-квалификационную структуру территории. Все это характерно и для Кемеровской области — Кузбасса.

Исходя из вышеизложенного, целью статьи является анализ эффективных практик «удержания» молодежи в регионах, а также разработка научных выводов в сфере возможных мер по снижению оттока студентов в условиях поляризации и социально-экономических трансформаций жизнедеятельности.

Согласно поставленной цели определены основные задачи статьи: 1) выявить тенденции и закономерности межрегиональной образовательной миграции молодежи; 2) рассмотреть факторы, влияющие на выбор места получения образования и вуза; 3) охарактеризовать эффективные практические принимаемые решения в регионах по снижению оттока студентов и молодежи; 4) сформулировать выводы и разработать комплекс практических разноуровневых мер по «сдерживанию» и поддержке абитуриентов в регионе.

Материалом для предпринятого исследования послужили следующие источники: научные статьи, размещенные в журналах, публикации ученых, монографии, авторефераты диссертаций, электронные ресурсы в исследуемой сфере.

Общетеоретические взгляды на содержание проблемы миграционной образовательной активности молодежи и ее тренды поднимаются в работах таких российских ученых, как О. Д. Воробьева [2], Н. К. Габдрахманов [1], Т. И. Заславская [3], Л. Л. Рыбаковский [4], Е. И. Самофалова [5], О. В. Санникова [6], К. А. Чернышев [7] и др. Вопросы регулирования миграции на региональном уровне исследовались И. Корель [8], Е. Тюрюкановой [9], Б. С. Хоревым [10] и другими.

Материалы и методы

Согласно поставленной цели и сформулированным задачам в работе использованы такие общенаучные методы, как системный, диалектический, анализ и синтез, анкетный опрос, формально-логический, статистический и другие.

С помощью системного метода изучалась практика «удержания» молодежи и студентов в регионах «непривлекательных» с их позиции. Применение системного метода позволило не только выработать общие векторы, механизмы, способные реально повлиять на межрегиональную образовательную миграцию молодежи в целях развития территории, но и выявить ключевые факторы, негативно сказывающиеся на тенденциях процесса.

Диалектический метод был использован при определении тенденций и вектора студенческих миграционных потоков, обусловленных происходящими вызовами и «западными дрейфами», непосредственно влияющими на характер межрегиональной образовательной миграции молодежи.

Анкетный опрос позволил выявить миграционные установки и побуждающие факторы к образовательной мобильности абитуриентов Кемеровской области — Кузбасса. Проведенные авторские исследования представляли собой анкетный опрос, интервьюирование обучающихся 11 классов Кузбасса в общеобразовательных организациях городов Белово, Калтан, Киселевск, Кемерово, Междуреченск, Мыски, Новокузнецк, Осинники, Полысаево, Прокопьевск на предмет миграционных установок и побуждающих причин. Респондентами выступили выпускники из 132 школ региона. В большинстве вопросов анкетного листа предлагалось проранжировать ответы в порядке значимости.

Статистический метод включил в себя данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориального органа Кемеровостат.

Посредством метода анализа и синтеза были проанализированы теоретические и эмпирические исследования различных авторов по изучаемой проблематике. Анализ публикаций проводился в контексте социально-экономических аспектов исследования российской миграционной подвижности студентов.

Результаты и обсуждение

Современный мир представлен сложной и интегративной системой, регулярно порождающей новые социально-экономические проблемы, одна из которых — межрегио-

нальная образовательная миграция молодежи, влекущая за собой угрозу социально-экономического развития и риск деградации территорий, а также формирующая образ региональных городов как «бесперспективных» и «депрессивных».

Сегодня во многих российских регионах ситуация с социально-экономическим процессом образовательной миграции молодежи значительно усугубилась. Непростая обстановка складывается и в Кемеровской области — Кузбассе, которую, согласно Кемеровостату, ежегодно покидают более 40 % выпускников [11], что во многом обусловлено как социо-экономико-демографической асимметрией, так и типом специализации региона — моноспециализацией, проецирующейся на возможностях развития и занятости инициативной молодежи (таблица).

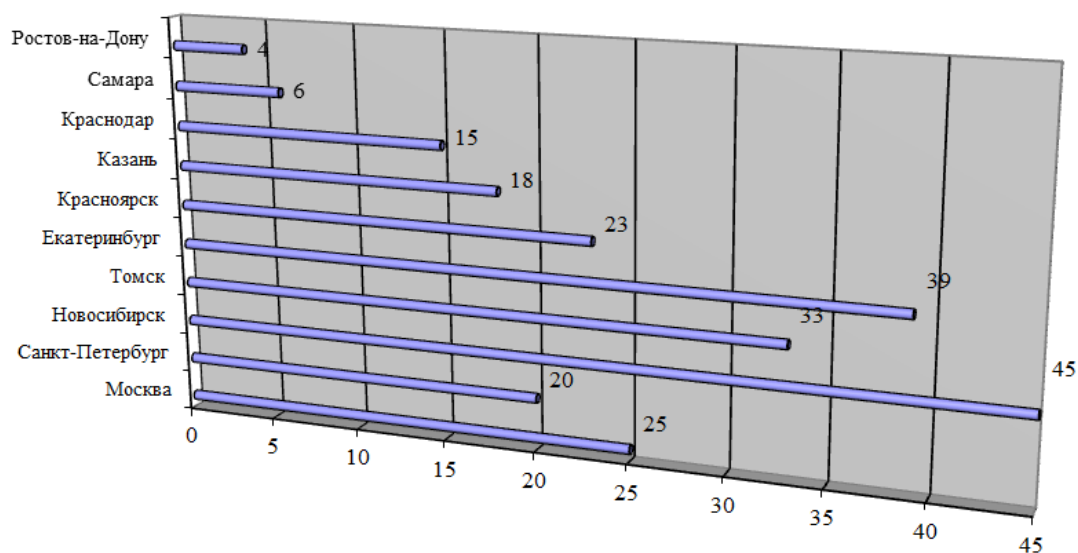
**Образовательная миграционная активность абитуриентов
Кемеровской области за 2016–2021 гг.**

Год	Выпускники 11 классов	Выпускники, покинувшие регион	Доля выехавших абитуриентов за пределы Кузбасса, %
2016	10 200	3 348	33,0
2017	9 922	3 597	36,3
2018	10 172	4 097	40,0
2019	10 586	4 643	43,9
2020	10 487	4 801	45,8
2021	10 394	4 821	46,4

Покидая «проблемные» периферийные территории, вчерашние выпускники общеобразовательных организаций наносят еще более отягощающий социально-экономический ущерб городам, поскольку ранее региональные и местные органы власти понесли затраты на их социализацию, образование, здравоохранение, культуру, а в итоге потенциальная молодежная когорта уезжает получать профессиональное образование уже в другие федеральные и региональные центры, и, как правило, безвозвратно. В таких условиях промышленные города с градообразующими предприятиями и менее привлекательными возможностями для молодого поколения утрачивают потенциал развития и конкурентоспособность на рынке труда. Как правильно было отмечено Н. В. Мкртчяном, «фундамент для отъезда формируется задолго до того, как подросток заканчивает школу» [12]. Потенциального мигранта морально и физически подготавливает вся семья, а возможности выбора более качественных условий проживания, образования и трудоустройства становятся серьезным фундаментом для устойчивого процесса образовательной миграционной мобильности молодежи. В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что перспектив открывающихся возможностей не видит не только вчерашний подросток, но и его уже получившие жизненный опыт родители. Безусловно, семья играет огромную роль в построении образовательной траектории и принятии решения о переезде выпускника. Но и образование в данном выборе занимает не последнее место, при условии того, что существует не изолированно от пространствен-

ных сред (социальной, экономической, демографической) и по большей части завязано с перспективой дальнейшего трудоустройства и карьерного пути.

В реалиях сегодняшнего дня, чем крупнее город, тем значительнее приток мигрирующей молодежи в регион. Современные исследователи ВШЭ все субъекты РФ поделили на категории регионов («магниты», «транзиты», «экспортеры», «замкнутые», «пограничные»), Кемеровскую область — Кузбасс отнесли к «пограничным» регионам, требующим отдельного изучения. Ключевыми регионами-магнитами и регионами-транзитами, привлекающими абитуриентов и выпускников и притягивающими получением образования, оказались Москва, Санкт-Петербург, Свердловская и Томская область, Татарстан, а также региональные центры (Новосибирск, Красноярск) [13]. Данная тенденция «западного дрейфа» подтверждается намерениями и кузбассовских абитуриентов, среди которых проводилось социологическое исследование по миграционным установкам и побуждающим факторам к образовательной миграции молодежи на территории Кузбасса (рис. 1) [14].

Рис. 1. Города, которые, на взгляд потенциальных выпускников школ, наиболее привлекательны для получения образования в 2020 г. (%)

Для абитуриентов привлекательны субъекты с высоким уровнем жизни, а также с высококонкурентной системой высшего образования, а в Московской, Ленинградской, Свердловской, Томской областях, как раз и сосредоточены образовательные центры.

Как показывают различные исследования, в том числе и кузбасские, уровень социально-экономического развития территории существенно сказывается на принятии решения об образовательной миграции молодежи. Абитуриенты едут в регионы с низким уровнем безработицы, шансами выгодного трудоустройства и более высоким уровнем жизни, а также наличием выбора высших учебных заведений и возможностью получения интересующей специальности (рис. 2) [15]. Кроме того, имеет значение социально-психологический комфорт (безопасность среды, социальное окружение), а

также социальный капитал — друзья, родственники, которые облегчают адаптацию в малознакомом городе.

Исходя из этого, можно утверждать, что мигрирующие молодые люди оценивают территории прибытий системно, учитывая и социально-экономические, и культурно-досуговые пространства. Более того, мало вырастить поколение, нужно создать все условия и возможности для дальнейшего комфортного проживания в «родном регионе», где, на наш взгляд, строительство или открытие филиалов образовательных учреждений, новых направлений проблему не решит.

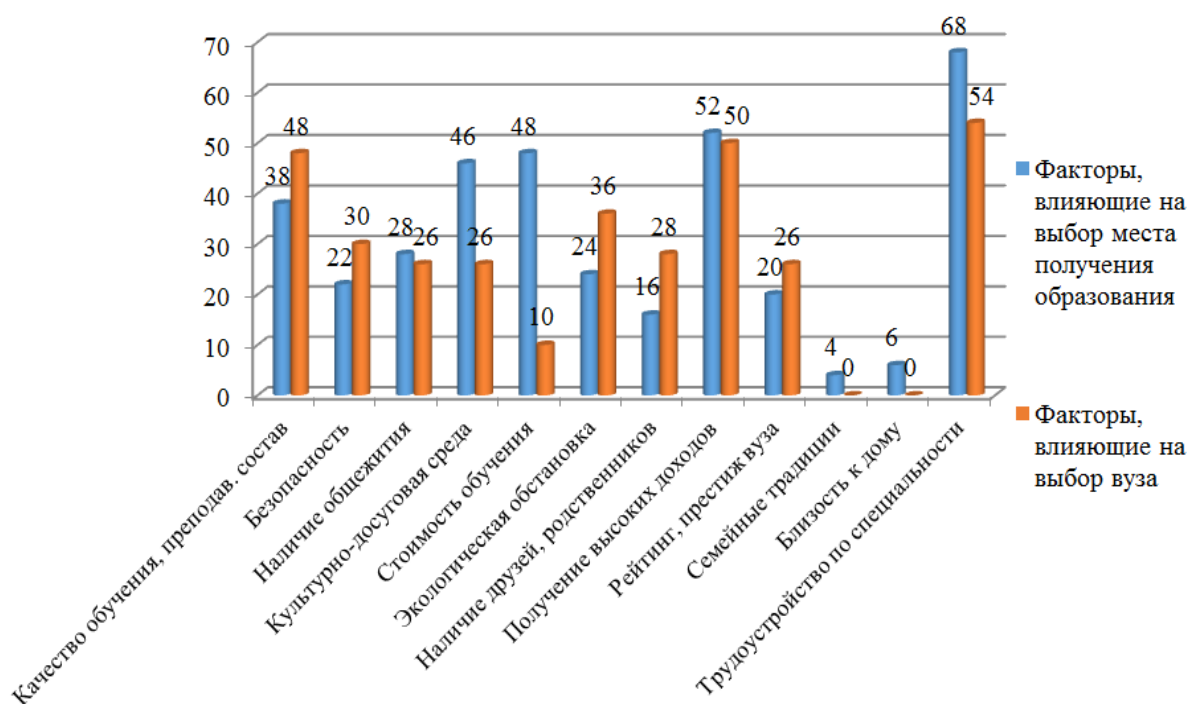

Рис. 2. Ключевые факторы, влияющие на выбор места получения образования и вуза в 2020 г. (%)

Оценивая нарастающий отток молодежи из регионов и признавая сегодня межрегиональную образовательную мобильность как проблему, органы власти разных уровней в целях «удержания» студентов начинают разрабатывать и внедрять различные проекты и меры поддержки. Но, к сожалению, в большинстве случаев без длительного наблюдения за процессом реализации подсчитать эффективность принимаемых сегодня решений невозможно в силу закрытия программ или только начального старта, как, например, «Приоритет — 2030», нацеленной на формирование прогрессивных современных университетов. Тем не менее нельзя не отметить принятое решение Министерства науки и высшего образования РФ по удержанию абитуриентов «дома», когда в 2021 году ведомство оставило только одну волну зачисления в университеты, а в 2022 году увеличило количество бюджетных мест [16]. В свою очередь попытка снизить межрегиональную образовательную мобильность принесла результат, часть

абитуриентов предпочли не рисковать и подавать документы в вузы с меньшим конкурсом и большими шансами на поступление и оставались в своих регионах.

В целом видится и верное решение о возобновлении ранее эффективной практики получения высшего образования за счет работодателя с обязательным условием отработки на предприятии заказчика. Сегодня многие территории нашей страны имеют кадровый голод по многим направлениям. Так необходимы специалисты в области здравоохранения, педагогики, эксплуатации железных дорог, радиоэлектронных систем, проектирования авиационных и ракетных двигателей и т. д. Безусловно, привлекающая молодежь получить образование на основе целевого обучения, с одной стороны, регион получает необходимые кадры, а с другой — выпускники гарантированно получают в дальнейшем работу. Кроме того, за время отработки по целевому контракту молодежь «прирастает», интегрируется в территорию, обзаводится имуществом и семейными обязательствами, и уже маловероятно, что захочет покинуть регион.

Не менее эффективным практическим решением по созданию системы удержания, сопровождения молодежи в регионе и поддержки одаренных детей является проект Калмыцкого государственного университета «Предуниверсарий» [17]. В регионе с 2018 года создан Детский университет, в котором выстроена трехуровневая система подготовки детей в возрасте от 5 до 17 лет, работает площадка для технического творчества и технологических инноваций, в 2021 году были открыты «Малая академия наук» и региональные научно-производственные центры. Необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день университетом проделана колоссальная работа по укреплению научных позиций, повышению имиджа вуза, а одним из ключевых аспектов деятельности стала комплексная программа по сохранению человеческого капитала региона, в частности молодого поколения.

В других субъектах нашей страны также существует своя рабочая практика «удержания» абитуриентов в «родном» регионе. Так, в Ростовской области с целью снижения оттока молодежи для выпускников высшего образования с отличием предоставляется субсидированная процентная ставка по жилищным (ипотечным) кредитам до 1 % годовых. В Башкирии был создан республиканский реестр студентов, нацеленный на взаимодействие с выпускниками школ. Для этого в каждом муниципалитете разработаны и реализуются различные культурно-образовательные проекты для молодого поколения.

Сегодня другие регионы широко начинают применять практику Правительства Дальнего Востока, мотивирующую учащуюся молодежь остаться в регионе, — это стипендии за обучение, трудоустройство по будущей профессии. Система опережающей подготовки внедрена в Сахалинской области. Так, для школьников реализован проект «География рабочих мест», где знакомят с региональным рынком труда, а для студентов действуют оплачиваемые практики. В целом видится верная позиция региональных органов власти синхронизировать профориентацию на абитуриента и профориентацию для экономики.

Неподдельный интерес вызывает проект «Кампус», созданный в Свердловской области для проработки мер поддержки студентов. Основная часть системы проекта вводится в 2023 году и предполагает действие собственной платформы (сайта) и мо-

бильного приложения. Кроме того, в рамках проекта предусмотрено строительство арендного жилья для студентов, льготное кредитование на образование, специальные скидочные программы для студентов (спортзалы, кафе, молодежные магазины, культурно-досуговые учреждения).

Стоит отметить и то, что российские университеты в условиях дефицита обучающихся и «удержания» молодежи в регионах стали даже прибегать к нестандартным названиям специальностей и обучению по экзотическим направлениям. Так, например, в педагогических университетах открываются новые яркие и модные профили бакалавриата, в их числе «Этнофилологическое образование», «Game-педагог», «Образовательный инжиниринг». Также можно стать дипломированным майнером криптовалют, блокчейн-инженером, менеджером в области нанотехнологий. Таким образом руководство высших учебных заведений пытается привлечь абитуриентов неординарностью профессий, однако вопрос, способен ли актуальный рынок труда предоставить новоявленным специалистам соответствующие вакансии, остается открытым.

Оценивая складывающуюся ситуацию в регионах по образовательной мобильности молодежи, в 2018 году Правительством страны и регионов было принято решение о создании нового творческого вуза и открытии его филиалов в четырех нестолических городах страны. Однако первые студенты начали учиться только в 2022 году, и пока только в одном из четырех городов. Одним из первых городов, призванным «удержать» молодежь и создать образ «культурного» региона, стал Кемерово. Филиалом Российского государственного института сценических искусств стала Кемеровская Сибирская Высшая школа музыкального и театрального искусства, открывшая свои двери для 31 города Сибирского федерального округа по четырем направлениям подготовки специалитета и двум — бакалавриата. Однако следует обратить внимание на то, что оценить долгосрочную эффективность подобного проекта возможно будет только по дальнейшим карьерным и миграционным траекториям выпускников хотя бы нескольких курсов, а это еще минимум лет десять. Так, одним из ярких примеров работы по сдерживанию миграции молодежи, в том числе и образовательной, может послужить «Пермская культурная революция» или Пермский культурный проект (ПКП).

Одной из его целей было «снижение оттока молодежи и повышение индекса развития человеческого капитала». Однако сами организаторы, вероятно, не проводили замеров качественных показателей, а независимые исследователи хотя и отмечают некоторый прирост населения, но склоняются к тому, что на него больше повлияло изменение модели расчета Росстата, чем реальный прирост населения. Также отмечается, что хотя ПКП и увеличил качество жизни некоторых представителей креативного класса, миграционные стратегии он, к сожалению, не изменил.

Исходя из вышеизложенного, проблема межрегиональной образовательной мобильности и «удержания» молодежи в «родных» регионах, в том числе и Кемеровской области — Кузбассе, дает дискуссионный характер выработки решений, которые должны носить системный подход (рис. 3).

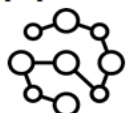
Укрепление связей между властью, бизнесом и образованием

- ✓ Построение единой и непрерывной системы образования САД – ШКОЛА – ВУЗ
- ✓ Университет включается в создание стратегии развития региона, а тот, в свою очередь, использует его разработки себе во благо

Развитие локальной культуры и идентичности

- ✓ Города и регионы обзаводятся собственным брендом
- ✓ Реализуется поддержка языков, традиций, а также частных культурных инициатив и малого креативного бизнеса

Децентрализация высшего образования

- ✓ Открытие в регионах кампусов
- ✓ Развитие дистанционного обучения

Укрепление городской инфраструктуры

- ✓ Школы, поликлиники и другие учреждения получают поддержку
- ✓ Развитие инфраструктуры: новые дороги, рекреационные зоны, культурно-досуговое пространство
- ✓ Скоростной интернет, в том числе для удаленных работников

Создание карьерных перспектив

- ✓ Развитие наставничества, стажировка
- ✓ Поддержка местных предприятий, которые создают целевые места
- ✓ Совместные научные исследования
- ✓ Создание учебных научных центров, лабораторий

Воспитание и работа с сообществами

- ✓ Создание и развитие локальных сообществ
- ✓ Регион ориентирован на курс ранней социализации
- ✓ Развитие музейной педагогики и краеведения

Экономические меры поддержки

- ✓ Местным обучающимся доступны дотации, льготы, скидочные программы, аренда жилья

Рис. 3. Сдерживающие механизмы межрегиональной образовательной миграции молодежи в системе региона

В связи с этим видится необходимость каждому региону, испытывающему проблему оттока молодежи, в том числе и по причине получения образования, проводить независимую систему оценки, включающую комплексное изучение среды не только в экономико-производственном, социальном, но и в культурно-идеологическом, образовательном, экологическом аспектах. Это возможно при условии конструктивного понимания влияющих факторов на данную тенденцию.

В современных условиях социально-экономической трансформации можно выделить ряд факторов образовательной миграции молодежи, особенно важных для устойчивого развития регионов:

- факторы, связанные с национальными и региональными изменениями на рынке труда и образовательных услуг;
- факторы, связанные с возможностями и ограничениями (личностные, социальные, психологические, экономические и тому подобные мотивы);
- факторы, связанные с социальной инфраструктурой города и региона (безопасность, культура, здравоохранение, экология) [15].

Таким образом, отток молодежи из регионов в целях получения образования, характерный для многих областей РФ, требует формирования новых механизмов по управлению образовательной миграцией (повышение конкурентных позиций вузов региона; продвижение лучшего опыта партнерства промышленных предприятий и образовательных учреждений по практико-ориентированному дуальному образованию; создание предприятиями собственных образовательных организаций; программы внутренней трудовой мобильности; сотрудничество предприятий в области проведения научных исследований со школьниками, студентами; целевая контрактная подготовка студентов; закрепление предприятия в качестве базы практики для студентов и так далее). Кроме того, представляется, что в данных условиях необходима не только финансовая поддержка государства по программе развития моноспециализированных городов, но и действенные решения по развитию системы взаимодействия региональной, муниципальной власти с работодателями и образовательными организациями в целях воспитания и сохранения интеллектуального и кадрового потенциала территорий.

Выводы

Новые реалии сегодняшнего дня таковы, что межрегиональная образовательная активность молодежи, меняя структуру общества, стала предметом многочисленных споров из-за ее влияния на социально-экономическое развитие региона. Данный факт обусловлен контрастом регионов по числу вузов, в свою очередь усиливающим разницу состояния их экономической сферы и местной структуры экономики. Мощная конгломерация университетов как центров накопления человеческого развития стимулирует локальное развитие территорий, параллельно оказывая влияние на социальную сферу и культуру, тем самым лишая данного преимущества «бесперспективные» регионы. В связи с этим тенденция образовательных студенческих миграционных потоков находится в прямой зависимости от социально-экономического положения территории. Многочисленные исследования, в том числе и по Кузбассу, показали, что именно высококонкурентная система высшего образования и рынка труда, развитость социальной и культурной инфраструктуры, высокий уровень жизни выступают притягивающими факторами для молодого поколения. Именно поэтому регионы, теряющие молодежь, либо находящиеся в роли «перевалочных пунктов», должны комплексно подходить к решению вопроса, применяя современные эффективные практики с учетом систематизации связей, структурированности деятельности, а также формирования конструктивного взаимовыгодного сотрудничества между властью, бизнесом и сферой образования.

Таким образом, предлагается выделить общие векторы, способные реально повлиять на межрегиональную образовательную миграцию молодежи в целях развития территории.

1. Построение единой и непрерывной системы образования «детский сад — школа — университет», предполагающая проектный подход и культивирование регионального патриотического сознания у детей.
2. Установление коллаборационных связей в отношении молодежи между регионом, образовательными организациями и бизнесом.

3. Формирование системы стимулирования бизнеса со стороны региональных органов власти на социально и регионально-значимые направления подготовки молодых кадров.

Итак, в условиях поляризации и неоднородности образовательных возможностей решение проблем, связанных с образовательной мобильностью молодежи, должно носить интегративный характер в сочетании с конструктивными механизмами управления.

Список источников

- [1] Габдрахманов, Н. К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности / Н. К. Габдрахманов. – DOI 10.17072/2079-7877-2020-1-96-107. – Текст : непосредственный // Географический вестник. – 2020. – № 1 (52). – С. 96–107.
- [2] Воробьева, О. Д. Миграционная политика России : история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский ; Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. – Москва : Экон-Информ, 2016. – 192 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Миграция сельского населения / Под редакцией Т. И. Заславской. – Москва : Мысль, 1970. – 312 с. – Текст : непосредственный.
- [4] Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения. Книга вторая : Миграция населения : явление, понятие, детерминанты / Л. Л. Рыбаковский. – Москва : Экон-Информ, 2017. – 234 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Самофалова, Е. И. Образовательная миграция : проблемное поле и основные характеристики / Е. И. Самофалова. – URL: <http://scipeople.ru/publication/69692/> (дата обращения: 26.01.2023). – Текст : электронный.
- [6] Санникова, О. В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона / О. В. Санникова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 24. – С. 19–21.
- [7] Чернышев, К. А. Образование как фактор миграционной подвижности : опыт оценки и принятия управленческих решений на региональном уровне / К. А. Чернышев. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2014. – № 6(31) – С. 173–179.
- [8] Корель, И. И. Современные контрасты межрегиональной миграции в России / И. И. Корель, Л. В. Корель. – Текст : непосредственный // Регион : экономика и социология. – 2014. – № 2(82). – С. 137–154.
- [9] Тюрюканова, Е. Принудительный труд в современной России : нерегулируемая миграция и торговля людьми / Е. Тюрюканова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Женева, Международное бюро труда, 2006. – 123 с.
- [10] Хорев, Б. С. Россия : «великое переселение народов» / Б. С. Хорев. – Текст : непосредственный // Диалог. – 1997. – № 5. – С. 26–30.
- [11] Население. – Текст : электронный // Кемеровостат : официальный сайт. – URL: <https://kemerovostat.gks.ru/folder/38669> (дата обращения: 27.01.2023).

- [12] Мкртчян, Н. В. Миграция молодежи из малых городов России / Н. В. Мкртчян. – DOI 10.14515/monitoring.2017.1.15. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 225–242.
- [13] Козлов, Д. В. Где учиться и где работать : межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д. В. Козлов, Д. П. Платонова, О. В. Лешуков ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – Москва : НИУ ВШЭ, 2017. – 32 с. – (Современная аналитика образования). – Текст : непосредственный.
- [14] Ульмясбаева, А. О. Межрегиональная образовательная миграция как угроза безопасности и экономическому развитию региона / А. О. Ульмясбаева. – Текст : непосредственный // Социология. – 2019. – № 2. – С. 162–167.
- [15] Ульмясбаева, А. О. Факторный анализ межрегиональной образовательной миграции молодежи / А. О. Ульмясбаева. – Текст : непосредственный // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 6. – С. 57–59.
- [16] Фальков : благодаря зачислению в одну волну многие абитуриенты остались учиться в регионах. – Текст : электронный // Информационное агентство ТАСС : сайт. – 2022. – 2 авг. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/15375311> (дата обращения: 27.01.2023).
- [17] Где родился, там и пригодился. Как удержать молодежь в регионах. – Текст : электронный // РИА новости : сайт. – 2022. – 12 окт. – URL: <https://na.ria.ru/20221012/kalmgu-1823032258.html> (дата обращения: 27.01.2023).

References

- [1] Gabdrakhmanov, N. K. (2020). Youth migration as an indicator of regional attractiveness. *Geographical Bulletin*, 1(52), pp. 96-107. (In Russian). DOI: 10.17072/2079-7877-2020-1-96-107
- [2] Vorob'eva, O. D., Rybakovskiy, L. L., & Rybakovskiy, O. L. (2016). *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, Ekon-Inform Publ., 192 p. (In Russian).
- [3] Zaslavskaya, T. I. (Ed) (1970). *Migratsiya sel'skogo naseleniya*. Moscow, Mysl' Publ., 312 p. (In Russian).
- [4] Rybakovskiy, L. L. (2017). *Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kniga vtoraya: Migratsiya naseleniya: yavlenie, ponyatie, determinanty*. Moscow, Ekon-Inform Publ., 234 p. (In Russian).
- [5] Samofalova, E. I. *Obrazovatel'naya migratsiya: problemnoe pole i osnovnye kharakteristiki*. (In Russian). Available at: <http://scipeople.ru/publication/69692/>
- [6] Sannikova, O. V. (2015). Uncompensated educational migration as a problem of development of a Russian region. *Theory and practice of social development*, (24), pp. 19-21. (In Russian).

- [7] Chernishev, K. A. (2014). Education as a factor of migrating ability: experience of assessment and managerial decision-making on a regional level. *Management Issues*, (6(31)), pp. 173-179. (In Russian).
- [8] Korel, I. I., & Korel, L. V. (2014). Modern-day contrasts of inter-regional migration in Russia. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (2(82)), pp. 137-154. (In Russian).
- [9] Tyuryukanova, E. (2006). *Forced Labour in the Russian Federation Today: Irregular Migration and Trafficking in Human Beings*. Geneva, International Labor Office. (In English).
- [10] Khorev, B. S. (1997). Rossiya: «velikoe pereselenie narodov». *Dialog*, (5), pp. 26-30. (In Russian).
- [11] Naselenie. (In Russian). Available at: <https://kemerovostat.gks.ru/folder/38669>
- [12] Mkrtchyan, N. V. (2017). The youth migration from small towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), pp. 225-242. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15
- [13] Kozlov, D. V., Platonova, D. P., & Leshukov, O. V. (2017). *Gde uchit'sya i gde rabotat': mezhregional'naya mobil'nost' studentov i vypusnikov universitetov*. Moscow, NRU HSE Publ., 32 p. (In Russian).
- [14] Ulmyasbaeva, A. O. (2019). Interregional educational migration as a threat to the security and economic development of the region. *Sociology*, (2), pp. 162-167. (In Russian).
- [15] Ulmyasbaeva, A. O. (2019). Factor analysis of interregional educational youth migration. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, (6), pp. 57-59. (In Russian).
- [16] Fal'kov: blagodarya zachisleniyu v odnu volnu mnogie abiturienty ostalis' uchit'sya v regionakh. (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obschestvo/15375311>
- [17] Gde rodilsya, tam i prigodilsya. Kak uderzhat' molodezh' v regionakh. (In Russian). Available at: <https://na.ria.ru/20221012/kalmgu-1823032258.html>

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

УДК 323.15

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-108-120

Традиции и новации в культуре современных цыган: региональный подход

Нурсафа Гафуровна Хайруллина, Олеся Ивановна Гуденкова,
Лидия Васильевна Ребышева

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Статья основана на данных анкетного опроса, проведенного в 2022 году среди представителей цыганской национальности, объем выборки — 332 человека. В статье представлены результаты, позволившие провести анализ культуры цыганского этноса, который сумел сохранить самобытность, целостность до сегодняшнего дня. Результаты опроса показали, что две трети представителей цыганского населения остаются сторонниками традиционного образа жизни и хотят жить как предки, соблюдая все традиции и обычаи своего этноса. В ходе исследования выявлена тенденция неуклонного снижения навыков владения традиционными видами хозяйственной деятельности, но одновременно с этим основные виды традиционных хозяйственных занятий сохраняют свою значимость у представителей трех поколений. Основной триадой традиционных навыков остаются кузнечество, коневодство и гадание.

Три четверти опрошенных унаследовали от родителей, бабушек и дедушек многие традиции, например, женщины должны носить платки и длинные юбки, на застольях женщины и мужчины сидят отдельно. Отметим, что выявлены и факторы этнической мобилизации. Большинство цыган информированы о существовании общественных организаций, отвечающих за развитие культуры цыган.

Ключевые слова: цыганские сообщества, традиции, культура, традиционные навыки, обычаи, обряды, родной язык

Для цитирования: Хайруллина, Н. Г. Традиции и новации в культуре современных цыган: региональный подход / Н. Г. Хайруллина, О. И. Гуденкова, Л. В. Ребышева. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-108-120 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 108–120.

Traditions and innovations in the culture of modern Romani people: a regional approach

Nursafa G. Khairullina, Olesya I. Gudenkova, Lidia V. Rebysheva

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. This article is devoted to the data from a questionnaire survey, which has been conducted in 2022, 332 representatives of the Romani have been interviewed. The article presents the results that made it possible to analyze the culture of Romani people, who preserve own originality and integrity to this day. The results of the survey showed that two-thirds of the representatives of the Romani remain supporters of the traditional way of life and want to live like their ancestors, observing all the traditions and customs of their ethnic group. Our study revealed a trend of a steady decline in the skills of holding traditional types of economic activity, but at the same time, the main types of traditional economic activities retain their importance among representatives of three generations. Blacksmithing, horse breeding and divination are traditional skills.

Three-quarters of the respondents inherited many traditions from their parents and grandparents; for example, women should wear headscarves and long skirts, women and men sit separately at feasts. It should be

noted that factors of ethnic mobilization have also been identified. Most Romani people know of the existence of public organizations, which are responsible for the development of the Romani culture.

Keywords: Roma communities, traditions, culture, traditional skills, customs, rituals, native language

For citation: Khairullina, N. G., Gudenkova, O. I., & Rebysheva, L. V. (2023). Traditions and innovations in the culture of modern Romani people: a regional approach. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 108-120. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-108-120

Введение

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес ученых к исследованию традиций и традиционных ценностей, которые позволяют сохранить социокультурное наследие прошлых поколений и составляют основу для дальнейшего развития цивилизации. Традиция является сложным социокультурным явлением, исследование существенных характеристик которого позволяет выявить взаимосвязи современного социума и прошлого, определить элементы социального и культурного наследия, передаваемого из поколения в поколение и сохраняющегося длительное время.

Следование традициям способствует достижению и поддержанию гармоничных отношений между представителями различных этносов, оно необходимо, как и знание особенностей различных культур, их сходств и различий. Современные исследователи предлагают стремиться к культурной включенности и равноправию культурных статусов всех народов и личностей, что предполагает отказ от культурной изоляции, культурной исключительности и включенность всех граждан в политику, направленную на развитие культурных потребностей через творческое участие в различных мероприятиях... Как справедливо отмечает И. И. Горлова, сложившееся культурное многообразие и свобода не будут нарушать стабильности общества, а, напротив, будут способствовать его сплоченности [1].

В рамках данной статьи авторы считают необходимым обозначить главные проблемы цыганского этноса, выявить истоки, позволившие культуре цыганского народа сохранить самобытность, целостность в условиях иного, зачастую враждебного отношения большинства людей в нашей стране и мире, роль традиций в сохранении этнической самобытности.

Литературный обзор

И. Х. Дворецкий в латинско-русском словаре трактует определение «традиция» с различных сторон: как передачу и выдачу знаний, процесс преподавания или обучения, предания или повествования или как установившееся на протяжении длительного времени мнение или привычку [2]. Не случайно, что в настоящее время существует большое количество трактовок понятия «традиция». Так, Л. Л. Кофанов определяет ее как совокупность исторических памятников, преданий, передаваемых как в устной, так и в письменной форме от поколения к поколению [3]. В словаре иностранных слов говорится, что традиции позволяют устанавливать обычаи, порядки, правила поведения в

быту [4]. В рамках нашей темы исследования важным является позиция К. В. Чистова, согласно которой традиция связывает настоящее с прошлым. Посредством отбора накопленного опыта происходит его передача и воспроизведение следующими поколениями [5]. Здесь следует добавить заключение С. Б. Лупиноса о том, что традиции способствуют синтезу имеющегося и накопленного опыта [6]. Интерес представляет и культурологический подход к трактовке термина «традиция», среди сторонников которого назовем Э. С. Маркаряна с его концепцией «традициологии», В. Д. Плахова, В. Ю. Быстрова и М. К. Петрова (модель тезаурусной динамики).

Проведенный нами анализ различных трактовок дефиниции «традиция» показал, что некоторые ученые в своих исследованиях используют сочетание нескольких подходов, например коммуникативно-символический, системно-функциональный, структурно-нормативный и другие, что доказывает необходимость использования междисциплинарного подхода в исследованиях данного социокультурного феномена.

По мнению Т. В. Лобановой, традиции у представителей определенного этноса вырабатывают присущие только им модели поведения и отношения к окружающему миру [7]. Не случайно З. В. Сикевич, А. Кохен, Э. С. Маркарян и др. включают традицию в число консолидирующих признаков этноса, то есть признака, который сближает представителя одного этноса с другим. Аналогично нужно отметить, что традиции одного этноса различают его с представителем другого этноса, и в этом случае традиция является дифференцирующим (разделяющим) признаком. Т. В. Лобанова также назвала отличительные особенности традиции, среди них избирательность, повторяемость, ответственность, многозначность, императивность и другие [7].

Как видим, традиция предстает как сложное социокультурное явление, поскольку связана с культурой конкретного этноса, а в мире проживают представители большого числа этносов. Так, в Тюменской области проживают представители 143 этнических общностей. Среди них есть многочисленные этносы, традиции которых подробно изучены и широко известны в научном сообществе. Есть малочисленные этносы, о традициях и культуре которых также знают в современном обществе, например коренные малочисленные народы Севера Тюменской области: ханты, манси, ненцы и др. В целях нашего исследования мы хотели бы рассмотреть традиции малочисленного этноса, к традициям и культуре которого не часто обращаются российские и региональные социологи, — цыган.

Таким образом, анализ научной литературы показал, что комплексных этнологических или социокультурных исследований о цыганах почти нет, как и нет научных работ, посвященных анализу современного социально-экономического, этнокультурного или правового положения цыганского населения в постсоветской России, изучению проблем, возникающих у них в ходе реформирования российского обществ. Все это подтолкнуло авторов к проведению анкетных опросов среди представителей цыганского этноса и среди жителей юга области с целью изучения социокультурных традиций и новаций в цыганских сообществах Тюменской области.

Материалы и методы

В Российской Федерации (РФ) в 2010 г. проживало около 143 млн человек, цыгане среди них составили почти 205 тыс., это 0,14 % в процентном выражении. По сравнению с 2002 годом их численность в составе страны увеличилась на 22 192 чел., а в составе Тюменской области, напротив, снизилась с 2 054 в 2002 г. до 1 584 человек в 2010 г. На юге области проживает 1 364 представителей цыганского населения, в г. Тюмени (1 004 чел.), г. Ялуторовске (15 чел.), а также некоторых районах юга области. В Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) — Югре цыгане в основном проживают в Сургуте, Нижневартовске и Ханты-Мансийске [8].

Отношение к цыганам, к цыганской культуре оценивается чаще в негативном аспекте, поскольку в повседневной практике они ассоциируются как необразованные, не желающие работать, женщины практикуют гадание, распространены кражи и торговля наркотиками. При этом известны и позитивные практики: яркие фильмы о цыганах, зажигательные песни, не оставляющие равнодушными никого на концертах, вечеринках, в ресторанах. Согласно данным, полученным В. П. Ключевой в 2012 г. в ходе анкетного опроса, три четверти респондентов не воспринимают цыган как возможных коллег по работе, учебе, родственников или друзей. При этом каждый второй не хотел бы с ними сталкиваться в повседневной жизни.

Сравним представленные данные с данными, полученными в 2006 г. в ходе опроса в татарских поселениях юга Тюменской области. На вопрос, какая национальность вызывает неприязнь, 40 % респондентов назвали русских, каждый пятый назвал евреев и чеченцев, 15 % — цыган и 5 % — азербайджанцев. Хотя с большой долей уверенности можно предположить, что данные ответы являются сконструированными, так как вряд ли у сельских жителей был большой опыт общения с цыганами или евреями. На аналогичный вопрос каждый пятый представитель коренных малочисленных народов ХМАО — Югры в 2005 г. назвал азербайджанцев и чеченцев, 14,9 % — цыган, а каждый десятый — грузин и татар [9]. Анкетный опрос проводился под руководством одного из авторов статьи.

В рамках данной статьи будут анализироваться результаты анкетного опроса, проведенного среди представителей цыганского населения. Анкета содержит 23 вопроса, направленных на выявление отношения представителей цыганского сообщества к традициям и новациям; степени владения традиционными навыками; отношения к смешанным бракам; осведомленности о цыганском суде; отношения к образованию цыганских детей; осведомленности о проводимых мероприятиях по сохранению и развитию цыганской культуры.

Анкета для жителей, проживающих на юге Тюменской области, содержит 23 вопроса, которые позволят выявить личное отношение к представителям цыганского этноса; чувства, которые испытывают тюменцы в ходе общения с цыганами; степень осведомленности о традиционной культуре цыган; отношение к процессу интеграции цыган в современное общество; отношение к образованию цыганских детей.

Данные, полученные в ходе второго опроса, будут интерпретированы в ближайшее время и представлены научной общественности в следующих номерах журнала.

Анкетный опрос проводился в конце 2022 г. В ходе исследования были опрошены 332 представителя цыганского населения. Из числа опрошенных 58 % составили женщины, 42 % — мужчины. Возрастное распределение представителей цыганского этноса: до 20 лет — 15 %, 21–30 лет — 15 %; 31–40 лет — 23 %; 41–50 лет — 25 %; 51–60 лет — 16 %; 61 и старше лет — 6 %. Сферу занятости и уровень образования классифицировать не удалось.

Результаты и обсуждение

В целях нашего исследования важно было выяснить отношение носителей цыганской культуры к традициям и новациям. Каждый второй респондент считает, что традиции обеспечивают устойчивость и воспроизводство культуры, а новации являются результатом адаптации к изменяющимся условиям среды. Треть опрошенных полагают, что для развития культуры важно оптимальное соотношение традиций и новаций. Каждый десятый выбрал вариант ответа, что избыток традиций может усилить неспособность адаптироваться к изменениям окружающей среды и повысить вероятность распада культуры (1,5 % опрошенных). Одновременно 5,5 % участников опроса затруднились ответить на поставленный вопрос.

На вопрос, согласны ли респонденты — представители цыганского этноса — с утверждением, что традиция является важной характеристикой культуры общества, большинство (91,4 %) ответило утвердительно. Противоположную точку зрения высказали 2,6 % участников опроса, а 6 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

Известно, что для развития любого этноса необходимо воспроизводить и соблюдать традиционный образ жизни, который включает такие элементы культурной среды, как родной язык, традиционные обычаи, обряды, хозяйственные виды деятельности, одежда, утварь, пища и др. Ответы на вопрос, как должны жить современные цыгане, позволили выявить численный состав сторонников традиционного, европейского (современного) и интегрированного вариантов развития.

Согласно полученным ответам, сторонниками традиционного образа жизни сегодня выступают чуть более половины участников опроса (52,9 %). По их мнению, цыгане должны жить как предки, соблюдая все традиции и обычаи своего этноса. Каждый шестой (15,7 %) респондент считает, что цыгане должны жить как все, но при этом соблюдать свои традиции и обычаи. При этом каждый четвертый является сторонником европейского образа жизни, согласно которому современные цыгане должны жить как люди других национальностей, проживающие в стране. Одновременно 1,5 % респондентов заявили, что им это не интересно, а 4,5 % затруднились ответить на данный вопрос.

Как видим, каждый второй по-прежнему выбирает традиционный вариант развития цыганского этноса, но при этом почти такое же число выбирает европейский и интегрированный варианты развития. О процессе ассимиляции говорят и исследования ученых. Так, Н. Г. Деметер подтверждает наличие ассимиляционных процессов в среде цыган. Согласно полученным автором данным, язык, обычаи, традиции и весь жизненный уклад цыган подвержены постоянным изменениям со стороны окружающего насе-

ления конкретной территории. Заимствования наблюдаются в культуре, языке, одежде, обычаях и обрядах [10].

Анализ научной литературы, проведенный авторами, позволил предположить, что представители цыганского этноса продолжают воспроизводить, сохранять и передавать из поколения в поколение основные традиционные навыки, а часть из них утрачивает свое значение. В ходе нашего опроса выдвинутая гипотеза полностью подтвердилась (табл. 1).

Таблица 1

Традиционные навыки, которыми владеют представители цыганского этноса в зависимости от принадлежности к определенному поколению, в % к общему числу ответивших

Навыки	Поколение		
	дедов и бабушек	отцов и матерей	респондентов
Кузнечество	65,3	54,4	52,0
Коневодство	83,7	77,3	72,8
Гадание	73,1	71,3	65,3
Торговля	47,1	38,4	34,4
Гончарство	17,2	8,8	10,6
Песни и танцы	32,3	23,6	22,7
Лечение травами	17,8	6,0	4,8
Ювелирное дело	10,6	1,2	2,1
Резьба по дереву	10,6	1,2	1,2
Ремонт обуви	6,3	1,5	0,3
Дрессировка животных	5,1	1,2	0
Циркачество	6,0	0,9	1,5
Гипноз	4,5	1,2	1,8
Другие	1,5	1,8	0,6

Из данных, представленных в таблице 1, отчетливо прослеживается тенденция неуклонного снижения от поколения к поколению навыков владения традиционными видами хозяйственной деятельности. Но одновременно с этим мы видим, что основные виды традиционных хозяйственных занятий сохраняют свою значимость у представителей трех поколений. Основной триадой традиционных навыков остаются и сегодня кузнечество, коневодство и гадание. Пятерку основных традиционных видов деятельности замыкают торговля и цыганские песни и танцы.

Данный вывод свидетельствует о силе и устойчивости культурной традиции у представителей цыганского этноса и подтверждает поставленные задачи исследования. В данном контексте приведем оценку А. А. Гуцалова, исследования которого подтверждают сохранение у современных цыган самобытных, неповторимых культурных традиций вопреки отсутствию надлежащих жизненных условий, гонениям и безграмотности [11].

Одновременно мы можем говорить об утрате цыганами традиционных навыков, например ювелирного дела, резьбы по дереву, гончарного производства. Виды деятельности представителей цыганского этноса постоянно меняются, более того, как пра-

вильно заметил Н. Г. Деметер, все большее число цыган понимает, что невозможно существовать в отрыве от современного социума и его экономики. Как следствие, теряет актуальность приверженность цыган работать исключительно на себя и желание быть независимыми в своей жизнедеятельности [10].

Уникальность цыганской культуры прослеживается и через ответы на следующий вопрос анкеты. От родителей, бабушек и дедушек три четверти респондентов (79,8 %) унаследовали, что женщины должны носить платки и длинные юбки, которые скрывают бедра и колени, а после достижения совершеннолетия женщинам запрещается носить брюки. О последней традиции информированы 71,0 % участников опроса. Такое же число цыган знают, что на цыганских застольях женщины и мужчины сидят отдельно.

Две трети опрошенных заявили, что представители старшего поколения пользуются непререкаемым авторитетом, а девушка не должна вступать до брака в близкие отношения с мужчинами (63,7 и 62,5 % соответственно). Чуть более половины участников опроса знают, что на торжествах нельзя танцевать с мужчинами, если они не являются родственниками (57,1 %), как и не положено регистрировать браки (53,5 %).

Для более полной картины, которая позволит открыть для большинства читателей данной статьи не известные ранее, но присущие цыганской культуре традиции, перечислим оставшиеся из них в порядке убывания их значимости.

- На сватовство семья жениха должна принести ветку, украшенную денежными купюрами или золотом (если он и она являются цыганами) — 45,6 %.
- Во время благословления молодых близкие должны дарить золотые украшения или деньги, а остальные гости — цветы (39,9 %).
- Приглашение на свадьбу сопровождается весельем, песнями и танцами, угощениями (38,1 %).
- На Рождество и Пасху детей угощают сладостями и в ответ на поздравление дарят им деньги (32,3 %).
- В родительском доме остается жить младший сын со своей семьей (31,1 %).
- Усопшим покупают новую одежду и обувь, оставляют на них любимые украшения (28,1 %).
- Жена не ложится спать раньше семьи мужа (26,0 %).
- Женщинам нельзя перешагивать через мужскую обувь (23,0 %).
- Родственники усопшего цыгана не стригутся 40 дней и не посещают увеселительные мероприятия (21,5 %).

Основным институтом, который контролирует нормы поведения представителей цыганских сообществ является этнический цыганский суд. Е. А. Марушиакова, В. З. Попов считают, что цыганский суд является способом институционального разрешения внутробщинных конфликтов, он подвержен трансформациям в связи с происходящими в современном обществе изменениями [12]. Результаты наших исследований подтверждают, что цыганский суд продолжает функционировать у цыганских групп, проживающих на юге Тюменской области. На вопрос, знают ли респонденты о суще-

ствовании своего суда, большинство цыган (90,9 %) ответили утвердительно. Остальные заявили, что никогда не слышали о нем.

Положительно ответившим на этот вопрос респондентам было предложено назвать, какую роль цыганский суд выполняет сегодня. Каждый третий считает, что цыганский суд помогает определить меру наказания виновникам, каждый пятый полагает, что они содействуют укреплению законности. Такое же число назвали гласность разбирательства дел среди цыган и независимость судей. Каждый шестой при этом утверждает, что суды помогают разрешить спорные вопросы. При этом затруднения с ответом испытал каждый десятый участник опроса.

Представим далее наиболее актуальные вопросы, выносимые на цыганский суд. По мнению 71,3 % респондентов, это обман, две трети опрошенных назвали долги и кражи, каждый третий — убийство. Каждый десятый назвал такие вопросы, как жестокое обращение с детьми, недостойное отношение к родителям, раздел имущества и исключение виновного из цыганского общества.

Среди проблем цыганского этноса наиболее серьезной остается низкий уровень образования среди цыган. И это логично, поскольку в традиционном цыганском обществе образование не являлось важной ценностью. Цыгане долгие годы не устраивали детей в школы, опасаясь их ассимиляции, несмотря на возможность предоставленную государством. Так, в феврале 2013 г. была принята программа Правительства РФ по оказанию особой помощи цыганскому народу в вопросах сохранения и развития культуры, образования, в том числе и на родном языке. В данной программе утвержден комплексный план по включению цыган в культурные, образовательные и другие проекты.

По результатам нашего исследования большинство цыган (87,6 %) считают, что образование представителей цыганского народа может оказать позитивное влияние на будущее развитие их культуры. Противоположное мнение высказали лишь 1,5 % респондентов, каждый десятый затруднился ответить на данный вопрос.

Положительно ответившим на данный вопрос участникам было предложено раскрыть, в чем это влияние проявится. Две трети опрошенных считают, что образованное молодое поколение сможет перенимать культуру других народов во время обучения, работы в общественных пространствах. Каждый второй отметил, что они станут перенимать современные традиции (одежду, имидж и пр.). При этом чуть более трети опрошенных высказались, что цыгане чаще будут говорить на русском языке, у них повысится уровень образованности (36,0 %). При этом 30,8 % респондентов полагают, что цыгане будут вовлечены в производственную и инновационную деятельность, а десятая часть опрошенных надеются через получение образования расширить границы познания окружающего мира.

Наряду с позитивными тенденциями мы выявили, что повышение уровня образования может оказать негативное влияние в целом на жизнедеятельность этноса. Так, треть опрошенных высказали опасение, что утратит свое значение цыганский суд (36,9 %), что больше станет смешанных браков (34,1 %). Каждый десятый считает, что это приведет к утрате традиций, обычаев, языка (13,6 %).

Этнической мобилизации способствуют государственные и общественные структуры. В период перестройки в России стали создаваться цыганские организации. Например, в Москве было создано первое цыганское культурно-просветительное общество «Романо кхэр» («Цыганский дом»), позже стали создаваться цыганские организации в российских регионах.

Нам важно было узнать, информированы ли респонденты о существовании общественных организаций, отвечающих за развитие культуры цыган. Выяснилось, что 82,5 % знают о существовании общественных организаций, отвечающих за развитие культуры цыган, остальные затруднились ответить на данный вопрос.

Для сохранения и развития цыганской культуры проводятся следующие мероприятия (в порядке убывания значимости):

- этнографические программы (музей кочевой культуры) — 27,8 %;
- цыганские фестивали («За цыганской звездой», «Цыгане под небом России», другие) — 27,5 %;
- Международный день цыган — 16,9 %;
- благотворительные концерты — 10,4 %;
- спектакли в театре «Ромэн» — 12,4 %;
- другие — 5,0 %.

Отметим, что 80,1 % респондентов знают, что в Комитете Государственной Думы по делам национальностей проводятся заседания по вопросам социального и этнокультурного развития цыган в Российской Федерации. Каждый пятый затруднился ответить на данный вопрос, полагаем, что данная категория респондентов постеснялась признаться, что не знает об этом. Каждый второй респондент считает, что принятые решения содействуют общественным организациям цыган в доступе к существующей этнокультурной инфраструктуре (Домам дружбы, национальностей, национально-культурным центрам), каждый третий считает, что они способствуют сохранению, изучению и развитию цыганского языка и культуры, а каждый пятый предполагает, что обеспечивают мониторинг положения цыганского населения в стране.

Как было отмечено выше, повышение образовательного уровня цыган будет способствовать заключению смешанных браков. На вопрос, одобряют ли цыгане браки с представителями других вероисповеданий, выяснилось, что три четверти из них не против заключения браков с представителями других вероисповеданий, каждый десятый против их заключения, остальные затруднились с ответом. В таблице 2 представлены ответы мужчин и женщин — сторонников заключения браков с представителями других вероисповеданий с оценкой последствий, к которым они приведут.

Как видно из данных таблицы 2, каждый второй респондент считает, что в ходе браков с представителями других вероисповеданий цыгане смогут приобщиться к ценностям современной культуры. Чуть менее половины опрошенных полагают, что цыгане будут работать и овладеют новыми профессиями. Треть опрошенных уверены, что повысится образовательный уровень цыган, четверть опрошенных надеется на дальнейшее развитие цыганской культуры. Такое же число рассчитывают на позитивное восприятие цыган социумом и исчезновение неприязненного отношения к ним.

Таблица 2

Ответы мужчин и женщин — сторонников браков с представителями других вероисповеданий о последствиях их заключения, в % к общему числу ответивших

Результаты	Пол	
	мужской	женский
Приобщение цыган к ценностям современной культуры	47,6	52,6
Работа и овладение новыми профессиями	42,6	39,6
Повышение образовательного уровня	33,7	40,8
Развитие цыганской культуры	26,3	19,8
Заключение межнациональных браков	29,8	37,5
Выбор веры молодежью	26,6	32,9
Позитивное восприятие цыган социумом	19,3	26,3
Исчезновение неприязненного отношения к цыганам	25,1	24,9
Изучение культуры и традиций народов, расширение собственного кругозора	24,2	22,8
Изучение языка	8,9	9,1
Повышение терпимости к религии, традициям супруга(и)	6,9	6,7
Другие	18,1	17,7

Одновременно была предоставлена возможность высказаться, почему респонденты против заключения браков с представителями других вероисповеданий. Отметим, что каждый третий участник опроса затруднился ответить на поставленный вопрос, и такое же число респондентов признались, что никогда об этом не задумывались. Несмотря на это, каждый десятый респондент уверен, что браки с людьми других вероисповеданий негативно повлияют на развитие цыганской культуры, разрушат базовые нормы, а разница во многих религиозных обрядах приведет к разводу. В два раза реже участники опроса выбирали такие варианты ответа, как дети не смогут выбрать вероисповедание (6,6 %), возникнут конфликты при обсуждении конфессиональных вопросов (5,7 %), несоответствие культур, традиций, обычаев приведет к разногласиям при воспитании детей (5,4 %), а также к непониманию и осуждению со стороны окружающих (4,8 %).

Нам важно было узнать, как изменился образ жизни цыган за последние 20 лет. Респондентам предлагалось обосновать свой ответ и привести примеры. Анализ ответов показал, что многие цыгане перешли на оседлый образ жизни, получили образование, молодежь поступает в высшие учебные заведения, общается с представителями других национальностей, адаптируется к современному обществу, официально устраивается на работу и др. Завершить ответы на данный вопрос хотим цитатой из одного ответа, который, по нашему мнению, в сжатой форме характеризует изменения, произошедшие в жизнедеятельности цыганских сообществ: «Цыгане стали более современными и все больше стали походить на других людей. Работают, учатся и развиваются в современном обществе» (О. И., женщина, 49 лет).

Выводы

Таким образом, традиции, выступая сложным социокультурным явлением, позволили нам в первом приближении проанализировать культуру цыганского этноса, выявив истоки, позволившие цыганам сохранить самобытность, целостность в современных условиях. Результаты опроса показали, что две трети представителей цыганского населения остаются сторонниками традиционного образа жизни и хотят жить как предки, соблюдая все традиции и обычаи своего этноса. В ходе исследования выявлена тенденция неуклонного снижения навыков владения традиционными видами хозяйственной деятельности, но одновременно с этим основные виды традиционных хозяйственных занятий сохраняют свою значимость у представителей трех поколений. Основной триадой традиционных навыков остаются кузнечество, коневодство и гадание.

Три четверти опрошенных унаследовали от родителей, бабушек и дедушек многие традиции, например женщины должны носить платки и длинные юбки, на застольях женщины и мужчины сидят отдельно. Отметим, что выявлены и факторы этнической мобилизации. Большинство цыган информированы о существовании общественных организаций, отвечающих за развитие культуры цыган.

В данной статье были представлены результаты анкетного опроса, проведенного среди представителей цыганских сообществ. Далее авторы планируют обработать и представить результаты анализа анкетного опроса, проведенного среди жителей юга Тюменской области с целью выявления их отношения к цыганской культуре.

Список источников

- [1] Горлова, И. И. Юг России : культурное многообразие и межкультурные взаимодействия / И. И. Горлова. – Текст : непосредственный // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России : технологии укрепления единства : сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции с международ. участ. / Отв. ред. Т. В. Коваленко. – Краснодар : ООО «Экоинвест», 2015. – С. 16–24.
- [2] Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – Москва : Прогресс, 2019. – 778 с. – Текст : непосредственный.
- [3] Кофанов, Л. Л. Традиция о древнейших источниках по праву архаического Рима : легенда или реальность? / Л. Л. Кофанов. – Текст : непосредственный // Проблемы исторического познания : материалы международной конференции Института всеобщей истории Российской академии наук. – Москва, 1996.
- [4] Словарь иностранных слов. – Москва : Слово, 2019. – 684 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Чистов, К. В. Традиция и вариативность / К. В. Чистов. – Текст : непосредственный // Советская этнография. – 1983. – № 2. – С. 14–22.
- [6] Лупинос, С. Б. О единораздельности понятий картина мира/модель мира в контексте традиционных для Дальнего Востока воззрений на мир / С. Б. Лупинос. – Текст : непосредственный // Культура Дальнего Востока России и стран АТР : Восток-Запад : материалы научной конференции. – Владивосток : ТГЭУ, 2018. – № 12. – С. 24–29.

- [7] Лобанова, Т. В. Основные подходы к изучению проблем традиции / Т. В. Лобанова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2008. – № 1(9). – С. 70–76.
- [8] Ключева, В. П. Цыгане Тюменской области в 2010-е гг. / В. П. Ключева. – Текст : электронный. – URL: <https://doi.org/10.24412/cl-36990-2022-1-92-97> (дата обращения: 12.12.2022).
- [9] Хайруллина, Н. Г. Коренные народы Тюменской области : взгляд социолога / Н. Г. Хайруллина ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский государственный нефтегазовый университет. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2012. – 475 с.
- [10] Деметер, Н. Г. Цыгане на постсоветском пространстве и в Европе : исторические, социальные и культурные перспективы / Н. Г. Деметер. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 120–130.
- [11] Гуцалов, А. А. Цыгане : традиционная культура и современный мир / А. А. Гуцалов. – Текст : электронный // Наследие веков : электронный научный журнал Южного филиала Института наследия. – 2015. – № 4 (4). – С. 44–55. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/НС/issue/view/8/10>.
- [12] Марушиакова, Е. А. Цыганский суд в Восточной Европе: концепция, виды и современные трансформации / Е. А. Марушиакова, В. З. Попов. – DOI 10.7256/2222-1956.2013.01.3. – Текст : непосредственный // Культура и искусство. – 2013. – № 1. – С. 41–46.

References

- [1] Gorlova, I. I. (2015). The south of Russia: the cultural diversity and the intercultural communications. *Mezhnatsional'nye, mezhkul'turnye i mezhreligioznye otnosheniya narodov Yuga Rossii: tekhnologii ukrepleniya edinstva: sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Inter-Ethnic, Inter-Cultural and Inter-Religious Relations of the Peoples of the South of Russia: Technologies of Strengthening the Unity: Proceedings of the National Scientific Conference with International Participation)*. Krasnodar, Ecoinvest Publ., pp. 16-24. (In Russian).
- [2] Dvoreckiy, I. H. (2019). *Latinsko-russkiy slovar'*. Moscow, Progress Publ., 778 p. (In Russian).
- [3] Kofanov, L. L. (1996). *Traditsiya o drevneyshikh istochnikakh po pravu arkhaiskogo Rima: legenda ili real'nost'? Problemy istoricheskogo poznaniya: materialy mezhdunarodnoy konferentsii IVI RAN*. Moscow. (In Russian).
- [4] *Slovar' inostrannykh slov* (2019). Moscow, Slovo Publ., 684 p. (In Russian).
- [5] Chistov, K. V. (1983). *Traditsiya i variativnost'*. *Sovetskaya etnografiya*, (2), pp. 14-22. (In Russian).
- [6] Lupinos, S. B. (2018). *O edinorazdel'nosti ponyatiy kartina mira/model' mira v kontekste traditsionnykh dlya Dal'nego Vostoka vozzreniy na mir. Kul'tura Dal'nego Vostoka Ros-*

- sii i stran ATR: Vostok-Zapad: materialy nauchnoy konferentsii. Vladivostok, TGEU Publ., (12), pp. 24-29. (In Russian).
- [7] Lobanova, T. V. (2008). Fundamental theoretical approaches to the traditions' research. Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Social sciences, (1(9)), pp. 70-76. (In Russian).
- [8] Klyuyeva, V. P. (2018). The gypsies of Tyumen oblast in the 2010s. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.24412/cl-36990-2022-1-92-97>
- [9] Khayrullina, N. G. (2012). Korennye narody Tyumenskoy oblasti: vzglyad sotsiologa. Tyumen, TGNGU Publ., 475 p. (In Russian).
- [10] Demeter, N. G. (2011). Gypsies in the post-soviet space and in Europe: historical, social, and cultural prospects. Ethnographic review, (3), pp. 120-130. (In Russian).
- [11] Gutsalov, A. A. (2015). Roma: the Traditional Culture and the Contemporary World. Heritage of Centuries, (4(4)), pp. 44-55. (In Russian). Available at: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/issue/view/8/10>
- [12] Marushiakova, E. A., & Popov, V. Z. (2013). Tsyganskiy sud v Vostochnoy Evrope: kontseptsiya, vidy i sovremennye transformatsii. Kul'tura i iskusstvo, (1), pp. 41-46. (In Russian). DOI: 10.7256/2222-1956.2013.01.3

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 24.02.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 24.02.2023.

УДК 351.75

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-121-136

Базовая роль консервативной идеологии в процессе оформления стратегии национальной безопасности современной России

Сергей Александрович Шестаков

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена и подвергнута анализу проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Проанализированы нормативные акты, осуществляющие правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в течение всего постсоветского периода. Рассмотрены программные документы российских политических партий и движений консервативной идеологической направленности, а также тексты российских политических лидеров консервативного политического лагеря. Доказано перманентное усиление — от документа к документу — консервативной идейно-политической доминации в содержании правовых актов, регулирующих политику обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, идеология, консерватизм

Для цитирования: Шестаков, С. А. Базовая роль консервативной идеологии в процессе оформления стратегии национальной безопасности современной России / С. А. Шестаков. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-1-121-136 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 1. – С. 121–136.

The basic role of conservative ideology in the national security strategy of modern Russia design process

Sergey A. Shestakov

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article considers and analyzes the issue of ensuring the national security of the Russian Federation. The normative acts that carry out the legal provision of national security of the Russian Federation throughout the post-Soviet period are studied. The author of the article analyzes the program documents of Russian political parties and movements of conservative ideological orientation. The strengthening of conservative ideological and political dominance in the content of legal acts regulating the policy of national security of the Russian Federation is proved.

Keywords: national security, ideology, conservatism

For citation: Shestakov, S. A. (2023). The basic role of conservative ideology in the national security strategy of modern Russia design process. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 121-136. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-1-121-136

Введение

Безусловное обеспечение национальной безопасности является фундаментальным условием существования любого суверенного государства. Россия является великой страной, обладающей полным суверенитетом — привилегией всего лишь нескольких государств. Россия обладает самой большой в мире территорией, омываемой тремя великими океанами, имеет выход ко всем глобальным морским коммуникациям, включает в себя почти все существующие на Земле ландшафты и климатические зоны, страна владеет примерно третью всех мировых полезных природных ресурсов, обеспечивающих ее экономическую и политическую самодостаточность, а также дающих возможность продавать их немалую долю другим странам, что в условиях усиливающегося глобального дефицита ресурсов является важнейшим фактором экономического благополучия. В своем социально-политическом развитии Россия опирается на фундамент своей тысячелетней истории, в ходе которой страна, испытывая неимоверные трудности и лишения, неизменно выстаивала и укреплялась. Следует четко понимать, что удерживать такую территорию, окруженную многочисленными соседями, зачастую имеющими враждебные намерения, может только поистине великая страна — весь исторический опыт России тому подтверждение. Граждане России испытывают величайшую гордость, обоснованную ее историческим опытом, беспрецедентными подвигами, массовым героизмом, когортой национальных героев. Мало какой народ имеет моральное и фактическое право испытывать такую гордость.

Наше достояние, наши безграничные просторы, наше богатство обуславливают необходимость пристального внимания к проблеме национальной безопасности страны.

Материалы и методы

Материалами для статьи послужили законодательные акты, программные документы политических партий и движений Российской Федерации, статьи, книги, выступления ряда политических лидеров России, а также научные публикации ученых-политологов. Цель статьи — доказать наличие оформившейся в актуальный период доминанции консервативного идеологического вектора в формате правового обеспечения национальной безопасности России.

В статье были использованы общенаучные методы: диалектический — позволил выявить взаимосвязи общего и особенного при формировании общероссийской стратегии национальной безопасности в процессе исторического развития; системный — системообразующие факторы в процессе формирования общеполитического вектора при оформлении стратегии национальной безопасности России; компаративный — позволил провести сравнительный анализ различных элементов политики национальной безопасности на различных этапах исторического развития России; формально-логический — дал возможность выявить историческую последовательность процесса формирования политики национальной безопасности современной России.

Результаты исследования

Весь исторический опыт России показывает, что, как только возникает пренебрежение к проблеме безопасности страны, наступает страшная расплата в виде либо нападения беспощадного внешнего врага, либо внутренней смуты, нестроения, ставящими страну под вполне реальную угрозу утраты государственности и исчезновения российского социума — о какой бы исторической эпохе не шла речь.

В силу объективных обстоятельств как природного, географического, так и исторического свойства, в России на протяжении почти всей ее истории приоритетное внимание уделялось именно государственной безопасности. Безопасность государства как института — это базовый постулат российской государственности исторического и онтологического свойства. Безусловный приоритет государства — статус личности, личных интересов. Безопасность личности гарантируется только государством, обеспеченным безопасностью. Такова парадигма России в формате взаимодействия «личность — государство». И Россия здесь, в таком формате приоритетов, далеко не одинока.

В парадигме приоритета обеспечения безопасности именно государства как института выстраивались стратегия и тактика обеспечения безопасности страны, общества и личности как на протяжении всего исторического периода до революции 1917 г., так и в советский период истории (1917–1991 гг.). Следует особо подчеркнуть, что в советский период безопасность государства была в абсолютном приоритете в структуре и в содержании как внешней, так и внутренней политики Страны Советов, интересы же безопасности личности весьма часто, уходили на второй план. В этот период в стране сложилась достаточно гармонично выстроенная система национальной безопасности (хотя данный термин не применялся, следует говорить именно о системе национальной безопасности) в рамках именно советского проекта, при всех его достоинствах и недостатках.

Развал СССР в 1991 году стал, по выражению Президента России В. В. Путина, геополитической катастрофой планетарного масштаба, разрушившей достаточно устойчивую биполярную конструкцию глобальной безопасности и оформившей эфемерную иллюзию «конца истории» в формате однополярного мира при гегемонии США. Произошел распад военно-политического блока ОВД (при сохранении блока НАТО во главе с США), в 1990 году состоялось (при активном содействии позднесоветского руководства) объединение Германии (а фактически — поглощение Федеративной Республикой Германии Германской Демократической Республики) в 1995 году — вывод Российской армии из Германии (находившейся там на полном законном основании и обеспечивавшей глобальный военно-политический баланс), что стало, как показали уже современные события, планетарной катастрофой, породившей войну на Украине и поставившей мир на грань ядерного Апокалипсиса. Геополитические уступки России Западу сопровождались «убаюкивающими» советское (и раннероссийское) политическое руководство начала 90-х годов устными (но публичными, многократно зафиксированными) торжественными обещаниями политических лидеров ведущих государств Запады «ни на дюйм» не продвигать структуры блока НАТО на

Восток, к границам России. Однако, воспользовавшись ослаблением, системным кризисом России в 90-е годы, блок НАТО (его военные структуры при руководящей роли США) приблизился вплотную к границам России.

Глобальный баланс безопасности оказался в значительной степени смещенным в сторону односторонних предпочтений США и западного блока в целом. Войска блока НАТО вплотную подошли к границам России, Санкт-Петербург оказался фактически прифронтовым городом. Безопасность России подошла к критической черте. Вооруженный конфликт на Украине, с 2014 года гибридная фаза войны России с НАТО, с февраля 2022 года прямое военное столкновение России с военными структурами НАТО в виде ее украинской прокси-армии и наемниками из разных стран — все это поставило мир на порог глобальной ядерной катастрофы. Таков результат 30-летних грубых ошибок и прямого предательства в сфере национальной безопасности высшего советского и раннероссийского политического руководства.

После развала советской политической системы компрадорский политический класс «новой России» и немалая часть российского общества пребывали в состоянии эйфории приобщения к «общечеловеческим ценностям». «Нам никто не угрожает» — вот лейтмотив проблемы защиты национальной безопасности России начала 90-х годов. Апофеозом этой «идеологии» стало заявление бывшего министра иностранных дел России А. Козырева в беседе с Р. Никсоном, что у России нет национальных интересов [1].

Вместе с тем в постсоветской России уже с начала 90-х годов стал стремительно оформляться и институализироваться оппозиционный квазилиберальной идеологии и политической практике, ельцинскому режиму в целом, консервативный политико-идеологический формат, подвергший критике квазилиберальный дискурс во всех сферах общественной деятельности, в том числе в сфере национальной безопасности.

В формате проблемы идеологии как социального феномена необходимо выделить следующее обстоятельство. Статья 13 Конституции России гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Эта конституционная норма иногда может трактоваться искаженно, могут иметь место утверждения, что идеологии как феномена «нет вообще», что неверно. В Конституции оформлен запрет на государственную, обязательную идеологию, это следует четко и недвусмысленно понимать, идеология же как феномен очевидно неустраима.

В период 90-х годов, особенно в первой половине, когда политика ельцинского руководства России имела абсолютно прозападный характер, а вопросам национальной безопасности на уровне общегосударственном почти не придавалось серьезного значения, именно российские консерваторы наиболее активно и настойчиво требовали возвращения государственной политики России в русло ее традиционных национальных интересов. Именно в консервативной среде в этот период наиболее глубоко и полно исследовались теоретические проблемы внешней политики и национальной безопасности, разрабатывались концептуальные модели обеспечения национальных интересов России. Автор данной статьи считает, что во многом благодаря давлению консервативной политико-идеологической среды вектор государственной политики России стал постепенно выстраиваться в соответствии с ее политическими интересами, с проблемами национальной безопасности. В тот период, когда почти все российское общество погру-

зилось в безумие «приобщения к общечеловеческим ценностям», когда растрчивалось накопленное веками национальное достояние России, включая громадные территории и сам суверенитет, именно не имевшие тогда серьезного политического веса российские консерваторы на всех уровнях политической системы изо всех сил пытались предотвратить социальную катастрофу.

Проблемы национальной безопасности России среди ранних постсоветских консерваторов периода 90-х годов получили наибольшую разработку у таких авторов, как А. С. Панарин, А. А. Проханов, А. Г. Дугин, С. Е. Кургинян, А. И. Подберезкин, С. Н. Бабурин, Д. О. Рогозин и др., а также нашли отражение в документах ранних постсоветских консервативных политических партий и движений, таких как Российский общенародный союз (лидер — С. Н. Бабурин), Конгресс русских общин (лидер — Д. О. Рогозин), «Духовное наследие» (лидер — А. И. Подберезкин, являвшийся советником Г. А. Зюганова и тесно сотрудничавший с КПРФ), позднее — политическое движение «Единство» (современная политическая партия «Единая Россия» является правопреемницей «Единства») и др. Примечательно, что докторская диссертация С. Н. Бабурина посвящена проблемам геополитики (в том числе проблемам защиты российских геополитических интересов), а в докторской диссертации Д. О. Рогозина исследуются проблемы национальной безопасности России.

В системе ценностей российского консерватизма проблемам национальной безопасности традиционно уделялось (и уделяется) самое серьезное, первостепенное внимание. Это отражено в программных документах и других текстах ранних постсоветских консервативных политических движений современной России. Так, в программе политического движения «Духовное наследие» отмечалось: «Россия как великая держава и как одно из крупнейших государств мира связана со всеми уровнями безопасности, ... а также со всеми ее проявлениями: политическими, экономическими, социальными, военными, экологическими и др.» [2]. Аналогичные положения имели место и в программных установках других консервативных политических организаций.

Первостепенное внимание постсоветских консерваторов было уделено проблеме развала и недееспособности базовых институтов государства, в первую очередь — силовых структур, таких как армия, органы внутренних дел, органы госбезопасности, органы правопорядка в целом и так далее. Согласно традиционным консервативным идейно-политическим установкам, вооруженные силы являются важнейшим государственным институтом, требующим неустанной, непрерывной заботы общества. Поэтому особое негодование всех российских консерваторов вызывало получившее в 90-е годы широкое распространение деструктивное, оскорбительное отношение общества и государства к Вооруженным силам Российской Федерации (ВС РФ), ведущее в конечном счете к распаду государства и потере независимости страны. В программах Российского общенародного союза (РОС) и Конгресса русских общин (КРО), констатирующих состояние распада и деморализации Вооруженных сил РФ, указывалось на жизненную необходимость скорейшего его преодоления и предлагались необходимые для этого меры. Как отмечалось в манифесте Конгресса русских общин, серьезным образом на состоянии ВС РФ сказался идейно-нравственный упадок в обществе. Разложение Вооруженных сил, — говорилось в манифесте КРО, — должно быть прекраще-

но, а здоровые силы общества должны направить свои усилия на укрепление военной безопасности России. В числе неотложных мероприятий по укреплению Вооруженных сил РФ, согласно манифесту КРО, должны быть: восстановление смысла воинской службы; культурно-просветительная работа в армии; поддержка Русской православной церкви в армии и на флоте, восстановление ее роли в нравственно-религиозном воспитании военнослужащих; восстановление системы военно-патриотического воспитания и военно-технической подготовки молодежи [3]. Аналогичные установки, направленные на укрепление Вооруженных сил, изложены и в программе Российского общенародного союза. Необходимо подчеркнуть, что указанные манифестом КРО и программой РОС меры по укреплению Вооруженных сил России шли вразрез с доминирующими в 90-е годы (среди значительной части российской политической элиты, а также в российском массовом политическом сознании) антиармейскими настроениями, формируемыми разноформатными СМИ, в первую очередь электронными). Важно, что в середине 90-х годов, когда Россия не имела государственной Концепции национальной безопасности, программы РОС и КРО определяли необходимость скорейшего принятия такой Концепции.

В формировании базовых теоретических подходов, концептуальных основ проблемы национальной безопасности России большая работа в середине 90-х годов была проделана А. И. Подберезкиным в рамках общественно-политического движения «Духовное наследие», в тесном сотрудничестве с Г. А. Зюгановым и КПРФ в целом. «Духовным наследием» была подготовлена серия концептуальных работ, посвященных проблемам формирования современной государственно-патриотической идеологии для России, в частности проблемам ее национальной безопасности: «Современная Русская Идея и Государство», «Русский Путь», «Белая книга российских спецслужб» [3–5] и др. «Государственно-патриотическая» идейно-политическая парадигма КПРФ в немалой степени была сформирована в рамках идеологического проекта «Духовное наследие». Особое внимание следует обратить на проблемы национальной безопасности России, получившие всесторонний комплексный анализ в указанных работах, проведенный ведущими специалистами России в области национальной безопасности. В тот период, когда в стране еще не существовало официальной государственной Концепции национальной безопасности, в этих работах и, в первую очередь, в работе «Белая книга российских спецслужб» были проанализированы теоретические проблемы, связанные с определением национальных интересов России и их угроз, с ролью спецслужб по защите безопасности государства, экономической безопасности, военной безопасности, информационной безопасности, экологической безопасности, демографической безопасности и так далее. Были предложены всесторонне обоснованные концептуальные схемы, направленные на формирование общегосударственной Концепции национальной безопасности России.

Большая и плодотворная теоретическая работа по проблемам национальной безопасности, проведенная в рамках «Духовного наследия» и других консервативных политических движений, оказала несомненное влияние, во-первых, на разворот массового политического сознания, прежде всего корпоративного, российской политической элиты от прекраснотушного «общечеловеческого мышления» по направлению к осозна-

нию национально-государственных интересов России, и во-вторых, на формирование главных принципов государственной политики России в области национальной безопасности. Несомненно, что активная позиция формирующихся консервативных политических сил по проблемам обеспечения национальной безопасности страны, опирающаяся на их государственно-патриотические, идеологические установки, во многом способствовала начавшемуся в конце 90-х годов сдвигу российской государственной политики в сторону традиционных российских подходов к проблемам национальных интересов страны.

Первой попыткой институционально, на уровне верховной государственной власти, законодательно оформить проблему национальной безопасности России в новых социально-политических реалиях стал закон «О безопасности», принятый в 1992 году, когда в России шел активный поиск новых социально-правовых форм организации общества. Статья 1 этого Закона дает следующее определение понятию «безопасность»: «Состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [6]. К основным объектам безопасности Закон относит: «личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность» [6]. Очевидно, что в определении понятия «безопасность», установленным законом, имелась в виду не безопасность вообще, а феномен, который в современном политико-правовом лексиконе принято называть «национальная безопасность».

Термин «национальная безопасность» в начале 90-х годов еще не имел в России формального статуса (своими корнями данный термин уходит в политическую традицию США). С точки зрения российской социально-политической лексики в этом понятии имеет место определенная коллизия. Дело в том, что в английском и романогерманских языках понятие «нация» употребляется в значении «нация — государство», имеет ярко выраженный политико-государственный характер, и этнический аспект здесь практически не присутствует. В русском же языке, в русскоговорящей среде понятие «нация» имеет, в первую очередь, этнический характер. Английское и романогерманское понимание слова «нация» в русской семантике больше соответствует слову «народ». Однако можно отметить, что в настоящее время в научном и политическом языке современной России все же происходит оформление понятия «нация» в одном из своих значений как «нация — государство». Поэтому понятие «национальная безопасность» уже прочно вошло в российский политический лексикон, что впервые в правовом поле нашло свое отражение в принятии Концепции национальной безопасности Российской Федерации.

В 1997 году имел место первый опыт оформления проблемы национальной безопасности как целостного явления, как системного феномена ключевого общегосударственного значения в формате интегративного правового акта — Концепции национальной безопасности России [7]. Данный вариант Концепции национальной безопасности представляет собой достаточно сумбурно составленный текст (в частности, в документе фактически нет определения термина «национальная безопасность», вместо него — весьма нечетко составленное рассуждение в начале текста о «вообще» безопасности личности, общества и государства в духе торжества демократических ценностей).

Вместе с тем следует отметить, что в данном тексте уже получило отражение влияние консервативных идей на проблему национальной безопасности России. Фактически указанный текст в редакции от 1997 года был своеобразной нормотворческой «пробой пера» в сфере национальной безопасности страны (помимо закона «О безопасности» от 1992 года, где термина «национальная безопасность» еще не было). Принятие Концепции национальной безопасности России стало важным символическим событием: термин «национальная безопасность» был введен в оборот, получил официальный статус.

Следует особо подчеркнуть, что период второй половины — конца 90-х годов был отмечен тяжелыми военными событиями в Чеченской республике; Россия находилась практически в постоянной обстановке террористической угрозы. Сама тяжелая объективная реальность нахождения страны в ситуации смертельной для государства террористической опасности продиктовала необходимость появления первого варианта Концепции национальной безопасности в 1997 году. В ее тексте, несомненно, уже присутствует ряд теоретических наработок относительно сферы национальной безопасности, произведенных консервативными авторами, теоретиками, прежде всего из состава консервативной антиельцинской оппозиции. Однако данный текст от 1997 года был достаточно быстро аннулирован и замещен формально тем же документом «с изменениями», но фактически исправленным текстом, который и стал реально действующей Концепцией национальной безопасности, утвержденной 10 января 2000 года.

В тексте этой новой редакции Концепции целый ряд подходов вполне соотносится с консервативными политико-идеологическими установками в сфере национальной безопасности. Одной из стержневых идей Концепции является усиление роли государства во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, духовной. Эта идея прослеживается почти по всему тексту. А идеология державности, государственничества является одной из составных частей российского консерватизма. Так, например, в программе партии «Единство» отмечалось: «Нас отличает стремление сохранить связь времен и обеспечить органичность происходящих перемен нашим историческим и культурным традициям ... нас отличают консерватизм, умеренность и здравый смысл ... только сильное государство способно реально обеспечить равные права и свободы граждан на всей территории страны, надежно защитить людей, их благополучие и покой от посягательств преступников, в наш общий дом — от внешних угроз» [8].

Важнейшей проблемой, стоящей перед российским обществом, является обеспечение безопасности в сфере духовной жизни. В Концепции (от 2000 года) указывалось, что «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя... защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, ... формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения» [9]. Практически все ранние постсоветские консервативные политические движения России в своих программных установках в качестве одного из первых условий обеспечения стабильного развития страны, в частности ее национальной безопасности, указывали на необходимость государственной защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. В Концепции отмечено, что одним из условий обеспечения национальной безопасности является «противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров» [9].

Относительно сферы международных отношений в Концепции высказывалась озабоченность по поводу попыток США и их союзников установить свое доминирование в мире, рассчитанных на «односторонние, прежде всего, военно-силовые решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права» [9]. В связи с этим в Концепции отмечается, что «Россия будет способствовать формированию идеологии становления многополярного мира» [9].

В Концепции 2000 года много места уделялось проблемам правопорядка; были сформулированы угрозы безопасности России и определены стратегические задачи по обеспечению национальной безопасности в этой сфере. В полном соответствии с духом российской консервативной идеологии Концепция национальной безопасности от 2000 года указывала на центральную роль государства в работе по укреплению правопорядка. В Концепции отмечалось, что «важнейшими задачами в области борьбы с преступностью являются: ...усиление роли государства как garante безопасности личности и общества, создание необходимой для этого правовой базы и механизма ее применения; укрепления системы правоохранительных органов, прежде всего, структур, противодействующих организованной преступности и терроризму, создание условий для их эффективной деятельности» [9]. Положения аналогичного характера содержались в программных документах практически всех консервативных политических движений периода 90-х годов, традиционно уделяющих проблемам правопорядка самое пристальное внимание. Так, в Программе движения «Духовное наследие» в качестве одного из важнейших условий обеспечения безопасности страны указывалось на необходимость «считать борьбу с организованной преступностью, особенно с коррупцией в высших эшелонах власти и в силовых ведомствах, одной из важнейших задач» [2].

Сегодня можно утверждать, что Концепция национальной безопасности 2000 года впитала в себя целый ряд уже консервативных идей по защите национальной безопасности России, наработанных в течение 90-х годов в недрах консервативной политико-идеологической оппозиции. Эта Концепция национальной безопасности Российской Федерации стала своеобразным идейно-политическим и правовым вектором, на базе которого были приняты официальные правовые акты, посвященные проблеме национальной безопасности страны, такие как Закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ, Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ и другие.

Что же касается актуального периода, то в сфере проблемы национальной безопасности России в настоящее время действует правовой акт «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденный Указом Президента России от 2 июля 2021 года № 400.

Очевидно то, что весь текст действующей Стратегии пропитан духом державничества, утверждения безусловной необходимости сильного государства. «Только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России» [10], — говорится во вводной части документа. В документе дается определение национальной безопасности России: «Национальная безопасность Российской Федерации (далее — НБ) — состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних

угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [10]. Очевидно, что в данном определении, по сравнению с определением национальной безопасности от 2000 года, акцент в значительной мере уже смещен по направлению к укреплению безопасности именно государства как института, тем самым консервативный идейный вектор внешней Стратегии национальной безопасности значительно усилен.

Текст Стратегии национальной безопасности Российской Федерации состоит из ряда разделов и подразделов, посвященных различным сферам обеспечения национальной безопасности страны, например: «Россия в современном мире: тенденции и возможности», «Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты», «Оборона страны», «Государственная и общественная безопасность», «Информационная безопасность», «Экономическая безопасность», «Экологическая безопасность и рациональное природопользование», «Научно-техническое развитие» и т. д. Некоторые разделы текста Стратегии национальной безопасности в силу своей специфики имеют в целом чисто «техническое» содержание, некоторые же разделы имманентно, в силу целеполагания своего содержания, своей сути во всем своем объеме пронизаны идеологическим дискурсом, имеют неустранимо идеологический характер. И в конечном счете как целостный политико-правовой акт Стратегия национальной безопасности России по своей природе имеет совершенно определенный, конкретный идеологический дискурс. И этот идеологический дискурс консервативный.

Консервативный характер идеологического вектора действующей Стратегии национальной безопасности России складывался из целого ряда факторов: это и предшествующие правовые акты по проблеме национальной безопасности страны, с каждым последующим разом наполнявшиеся все более консервативным идеологическим содержанием, это и многочисленные публичные выступления, статьи Президента В. В. Путина в течение последних более чем 20 лет, в которых содержится целый ряд сигналов, указывающих на усиление консервативной идейной линии в политике верховной государственной власти [11; 12], это в целом лавинообразное, решающее усиление консервативного политико-идеологического дискурса во всех сферах общественной жизни России в нулевые — десятые годы XXI века.

В ракурсе консервативной идейно-политической наполненности текста Стратегии национальной безопасности России, наличия в нем консервативного дискурса в первую очередь следует остановиться на формате ценностного, духовно-нравственного измерения. Ценностной проблематике в тексте Стратегии посвящен целый подраздел: «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Само название рубрики, отсылка к традиции указывает на консервативный дискурс: принцип опоры на традицию является базовым принципом любой консервативной идеологии. Следует отметить, что помимо этого подраздела в массиве всего текста Стратегии в значительном объеме присутствует духовно-нравственная проблематика. В свете актуального, фактически эсхатологического ценностного проти-

востояния коллективного Запада и России положения Стратегии национальной безопасности выглядят целостным духовно-нравственным манифестом российского общества, приверженного традиционным ценностям и готового их защищать. «Достигнув высокого уровня социально-экономического и технологического развития, человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов» [10], — констатируется в Стратегии. И далее в ее тексте излагаются главные вызовы духовно-нравственного характера, которые встали перед современным человечеством: «Все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения. Легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни ... Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека» [10]. Все то, о чем кричали, «били в колокола» идеологи первой постсоветской консервативной волны 90-х — начала «нулевых» годов в конце концов нашло свое отражение практически в полном объеме в официальном государственно-правовом документе современности.

В тексте Стратегии прямо указан источник и эпицентр современной глобальной безнравственности — это объединенный Запад во главе с США: «Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападениям со стороны США и их союзников... Информационно-психологические диверсии и “вестернизация” культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета» [10]. В документе перечислены традиционные духовные ценности, которые практически полностью совпадают с теми, которые консервативные авторы, идеологи так или иначе перечисляют как фундаментальные ценности российской консервативной идеологии: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [10].

Стратегией национальной безопасности определены следующие базовые задачи по защите традиционных духовно-нравственных ценностей: сохранение исторической памяти, исторической правды, укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян, поддержка общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание граждан, развитие коллектив-

ных начал российского общества, поддержка религиозных организаций традиционных конфессий и тому подобное [10]. Совершенно очевиден абсолютно консервативный характер поставленных задач, их консервативный идейно-политический вектор. Особое внимание в тексте Стратегии уделено проблеме защиты русского языка, эта проблема заявлена в нескольких местах различных разделов Стратегии национальной безопасности.

В полном соответствии с консервативным видением внешнеполитической проблематики и путей ее решения в ракурсе защиты национальной безопасности страны, в тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации представлена ее внешнеполитическая составляющая. В формате внешнеполитического контура защиты национальной безопасности в тексте Стратегии имеет место ярко выраженная критика агрессивного курса западного блока, нежелание принимать реалии формирующегося нового многополярного мира. В Стратегии констатируется тот факт, что современный мир переживает период трансформации. «Увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводит к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства. Стремление стран Запада сохранить свою гегемонию ... [сопровождается] обострением внутривнутриполитических проблем, усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности» [10], — отмечается в Стратегии. Можно констатировать во многом уже антизападнический характер Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Подраздел Стратегии «Оборона страны», если рассматривать идеологическую направленность данной сферы национальной безопасности, имеет выраженный антизападнический вектор. В тексте Стратегии говорится: «Усилению военных опасностей и военных угроз Российской Федерации способствуют попытки силового давления на Россию, ее союзников и партнеров, наращивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработка применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия ... Соединенные Штаты Америки ... проводят последовательный курс на отказ от международных обязательств в области контроля над вооружениями» [10]. Хотя в Стратегии национальной безопасности России напрямую и не указан главный военный противник (враг), тем не менее указана главная военная угроза России — США и военно-политический блок НАТО. В подразделе «Оборона страны» много места уделено решению военных задач прикладного характера, и вместе с тем обращает на себя внимание постановка задач политико-идеологического характера для силовых структур: необходимо «поддержание на высоком уровне морально-политического и психологического состояния личного состава, правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных силах, других войсках, воинских формированиях и органах, ... военно-патриотическое воспитание и подготовка к военной службе граждан» [10]. Таким образом, очевидно, что общий идеологический вектор политики государства в сфере обороны страны имеет ярко выраженный консервативный характер, о чем свидетельствует Стратегия национальной безопасности России.

В формате идеологического дискурса в масштабе уже глобальной безопасности, в ракурсе защиты национальных интересов страны Стратегия национальной безопасности России очевидно опирается на консервативную идейно-политическую парадигму. Стратегия национальной безопасности в немалой степени исходит из логики геополитического подхода как метода, с позиций стратегического обеспечения интересов Большой Евразии: предписывается необходимость всестороннего сотрудничества, в первую очередь со странами СНГ, Китаем, Индией. В тексте Стратегии говорится о том, что необходимо «обеспечение интеграции ... и развитие многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства» [10] — и здесь очевидно влияние «евразийских» идей А. С. Панарина, А. Г. Дугина и других консервативных авторов — философов и идеологов. Весьма симптоматично, что о стратегическом сотрудничестве с западным блоком в Стратегии практически ничего не говорится. Очевидно подается сигнал о смене глобальных приоритетов России, что полностью коррелирует с российским консервативным видением проблемы взаимодействия по линии Россия — Запад.

Подраздел «Государственная и общественная безопасность» в целом посвящен обеспечению правопорядка во всех сферах общественной жизни страны. Помимо достаточно стандартного, традиционного перечня угроз в данной сфере обеспечения национальной безопасности и поставленных задач по их снятию следует особо выделить указание на необходимость пресечения враждебной деятельности иностранных государств; открытую и недвусмысленную адресацию именно на западное происхождение указанных угроз. «Недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Все более активно применяются не прямые методы, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри страны» [10], — говорится в Стратегии национальной безопасности. И далее в документе указывается на «недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, пресечение разведывательной и иной деятельности специальных служб, организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, наносящей ущерб национальным интересам Российской Федерации, ... в том числе путем инспирирования «цветных революций»» [10]. Таким образом, государственная политика, предписанная Стратегией национальной безопасности в такой ключевой сфере обеспечения национальной безопасности страны, как государственная и общественная безопасность, имеет очевидный и недвусмысленный в значительной степени антизападнический дискурс. Антизападничество же является одним из главных, имеющих давнюю историю, принципов российской консервативной идеологии.

И в целом сам принцип предельной озабоченности защитой национальной безопасности России, перманентное внимание к ее состоянию имеет онтологически консервативную природу, родовую черту российского консерватизма. «Подход» по мотивам «у России нет национальных интересов» диаметрально противоположен и имманентно враждебен консервативному подходу безусловного обеспечения национальной безопасности страны как сверхзадачи. Забота об обеспечении национальной безопасности России прослеживается по всему тексту Стратегии — это относится к таким сфе-

рам, как информационная безопасность, безопасность научно-технического сектора, экологическая безопасность, демографическая безопасность и так далее.

Весь идейно-политический дискурс, весь дух Стратегии национальной безопасности России отражен в следующем ее положении, подчеркивающим ее консервативную природу: «На фоне реализации целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущения вмешательства во внутренние дела Российской Федерации» [10].

Выводы

Ренессанс российского консерватизма начался во второй половине 80-х годов прошедшего века как слабая попытка (как тогда казалось) противостоять мощному, доминирующему идеологическому шторму российского квазилиберализма, «западничества», захлестнувшего в тот период страну. Самой жизнью была проверена «эффективность» квазилиберальных идей и квазилиберальной социально-экономической и политической практики: российская социальная катастрофа 90-х доказала полную несостоятельность квазилиберализма и привела к лавинообразному росту влияния консервативной идеологии как альтернативы вредоносному, разрушительному «западничеству». В 90-е годы в обстановке тяжелейшей идейно-политической борьбы российская консервативная идеология обрела свой новый облик, она полностью адаптировалась к современной реальности. Новый, постсоветский консерватизм уже в 90-е годы стал оказывать существенное влияние на трансформацию политического процесса в России, в том числе и на трансформацию государственной политики в сфере национальной безопасности. В «нулевые» годы уже нынешнего века под влиянием коренных изменений в кадровом составе государственного руководства страны консервативный вектор российской политической жизни решающим образом усилился, и в настоящее время консервативная идеология в российской общественной жизни является в целом доминирующей. Консервативная идейно-политическая доминация, оформившаяся в настоящее время в российском социально-политическом пространстве, в решающей мере отразилась на характере действующей Стратегии национальной безопасности России.

Список источников

- [1] Андрей Владимирович Козырев. – Текст : электронный // Викицитатник : [сайт] – URL: ru.wikiquote.org/wiki/kozyrev.
- [2] Подберезкин, А. И. Русский путь / А. И. Подберезкин ; Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное Наследие». – Москва : РАУ-Университет, 1999. – С. 592. – Текст : непосредственный.

- [3] Манифест возрождения России / [Конгресс русских общин ; А. Н. Савельев, С. П. Пыхтин] ; Под общей редакцией Д. Рогозина. – Санкт-Петербург : Глаголь, 1996. – 96 с.
- [4] Современная русская идея и государство / Гос.-патриот. объединение «Духовное наследие» ; Редколегия : Г. А. Зюганов (гл. ред.) и др. ; Предисловие Г. Зюганова, с. 11–26]. – Москва : Обозреватель, 1995. – 181 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Белая книга российских спецслужб / Всерос. гос.-патриот. объединение «Духовное наследие», Междунар. неправительств. н.-и. и образоват. орг. «РАУ-корпорация» ; [Науч.-ред. совет : А. И. Подберезкин (пред.) и др.]. – Москва : Обозреватель, 1995. – 272 с. – Текст : непосредственный.
- [6] О безопасности : Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. – Текст : непосредственный // Правовые основы деятельности системы МВД России : сборник нормативных документов в 2-х томах. Т. 1 / Министерство внутренних дел Российской Федерации ; сост.: В. С. Овчинский, В. В. Черников. – Москва : Имфра-М, 1996. – С. 49.
- [7] Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300. Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации. – Текст : электронный // Kremlin : официальный сайт Президента России. – URL: kremlin.ru/acts/bank/11782.
- [8] Программа Общероссийской политической общественной организации — партии «Единство». [2000 г.]. – Текст : непосредственный // Единство. Бюллетень партийной жизни. – Москва, 2000. – № 6–7. – С. 56–76.
- [9] Концепция национальной безопасности Российской Федерации. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 2000. – 18 января.
- [10] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации – Текст : электронный // Kremlin : официальный сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>
- [11] Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». – Текст : электронный // Kremlin : официальный сайт Президента России. – 2013. – 19 сен. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
- [12] Заседание дискуссионного клуба «Валдай». – Текст : электронный // Kremlin : официальный сайт Президента России. – 2021. – 21 окт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>.

References

- [1] Andrey Vladimirovich Kozyrev. (In Russian). Available at: ru.wikiquote.org/wiki/kozyrev
- [2] Podberезkin, A. I. (1999). *Russkiy put'*. Moscow, RAU-Universitet Publ., 592 p. (In Russian).
- [3] *Manifest vrozozhdeniya Rossii*. (1996). Sankt-Peterburg, Glagol" Publ., 96 p. (In Russian).

- [4] *Sovremennaya russkaya ideya i gosudarstvo*. (1995). Moscow, Obozrevatel' Publ., 181 p. (In Russian).
- [5] *Belaya kniga rossiyskikh specslozhib*. (1995). Moscow, Obozrevatel' Publ., 272 p. (In Russian).
- [6] *O bezopasnosti : Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 5 marta 1992 g.* (1996). *Pravovye osnovy deyatel'nosti sistemy MVD Rossii*. Vol. 1. Moscow, Imfra-M Publ., p. 49. (In Russian).
- [7] *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 17.12.1997 g. № 1300. Ob utverzhdenii Kontseptsii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii*. (In Russian). Available at: kremlin.ru/acts/bank/11782
- [8] *Programma Obshcherossiyskoy politicheskoy obshchestvennoy organizatsii - partii "Edinstvo"* (2000). *Edinstvo. Byulleten' partiynoy zhizni*. Moscow, (6-7), pp. 56-76. (In Russian).
- [9] *Kontseptsiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* (2000). *Rossiyskaya gazeta*, (18 jan). (In Russian).
- [10] *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02.07.2021 g. № 400. O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii*. (In Russian). Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>
- [11] *Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* (2013). (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>
- [12] *Zasedanie diskussionnogo kluba "Valday"* (2021). (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

На научный журнал

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» (подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,

а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:

https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 31.03.2023. Формат 60x90 1/8.

Уч.-изд. л. 9,26. Усл. печ. л. 17,12. Тираж 500. Заказ № 2607.

Распространяется по подписке. Цена свободная.

Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Тюменский индустриальный университет».

625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ

625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.